

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ-РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

НАУКА СТРАСТИ НЕЖНОЙ

Annotation

Кому понадобилась жизнь Таисии? Почему по ее следу направили убийцу? Зачем он завез ее в мокрый ночной лес, приказал рыть могилу?! Таисии чудом удалось сбежать, но вопросы остались. Она вынуждена скрываться в маленьком подмосковном городке, ее телефон выключен, электронная почта заблокирована: заказчики убийства должны быть уверены, что Таисии нет в живых. И пока она не узнает, кто и почему намерен лишить ее жизни, она ничего не сможет предпринять, чтобы их остановить. Но тогда ей придется прятаться до конца жизни, навеки остаться в чужом городе, без друзей и родных, в абсолютном одиночестве! А тут еще внезапно на нее свалилась нелепая, дурацкая любовь, у которой нет будущего... К счастью, Таисия находит сайт частного сыщика Алексея Кисанова и обращается за помощью. Кис берется за это запутанное дело и вскоре обнаруживает связь между покушением на Таисию и жестоким убийством гуру по тантрическому сексу...

- [Татьяна Гармаш-Роффе](#)
    - [Часть 1](#)
    - [Часть 2](#)
    - [Часть 3](#)
    - [Часть 4](#)
    - [Часть 5](#)
    - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
-

Татьяна Гармаш-Роффе
Наука страсти нежной

Часть 1

Воскресенье

Я вышла из здания вокзала. Москва мокла под холодным осенним ливнем, и я, спрятавшись под навес у входа, быстро вызвала через мобильное приложение такси. Не люблю дождь. Не потому, что мокрый, а потому, что серый.

Беспросветный.

Как моя жизнь.

Что удивительно, между прочим. Ничто, как говорится, не предвещало беды: я отлично училась в школе, потом в институте... Подавала надежды.

Я и сейчас их подаю. Только больше это никого не интересует. Мне двадцать девять, я не замужем, детьми не обзавелась и работу свою терпеть не могу. Платят, правда, хорошо – папуля постарался, пристроил на теплое местечко в министерство, – но лучшие годы своей жизни я трачу на какую-то фигню. И бездарность моего положения ничуть не компенсируется его престижностью. Высокими заработками и формальным уважением смысл существованию не придашь.

Сегодня я наконец сообщила папе, что хочу заняться чем-то творческим, живым, увлекательным, – такой скандал разразился!

Точнее, скандал громыхал в другой части дома уже минут сорок: слов разобрать я не могла (и не хотела), но раскаты до меня доносились. Родители ругались довольно часто, но на этот раз как-то особенно яростно – папа орал, мама визжала.

Меня это доконало. Я пошла к ним, чтобы сообщить, что уезжаю в московскую квартиру. Что мне осточертели их ссоры, их меркантильные отношения, их взгляды на жизнь... И вообще, всё. Я хочу жить так, как нравится мне, занимаясь делом творческим и увле...

– Каким еще *творческим*? – взревел папа. – Тебе сколько лет, дылда?! Тебе потомство уже пора учить ходить, а ты на свои ноги никак не встанешь!

Мама стояла растрепанная и красная, будто они дрались, и смотрела на меня гневно, как на своего врага.

Я уши заткнула и из родительского дома вылетела, наскоро побросав в дорожную сумку какую-то одежду. Решила вернуться в Москву, в нашу старую квартиру, которую родители отдали мне, когда особняк построили.

В нашем мире у человека нет права искать себя. В детстве его поощряют ходить в разные кружки и секции – спорт, музыка, самодеятельность, – да что угодно, хоть кружок юного ботаника. Но как только ты стал взрослым – все, стоп. Теперь это пустая трата времени. Да и вообще, что означает *искать себя*? Всем известно, как жить: человек должен вставать с утра, давиться скорым завтраком, идти на постылую работу. Смотреть на часы в ожидании, когда можно свалить домой. А дома... Выбор невелик: слушать треп подружек или почитать книжку. Телевизор я практически не смотрю – сплошной отстой, кроме новостей и редких фильмов. Еще можно нарыть что-то стоящее из кино или сериалов в интернете. Ну, если у тебя есть парень, то в ресторан можно сходить, устроить ужин при свечах. В теории можно организовать культурную жизнь: музеи, выставки, театры, – но это в теории. В реальности же вечер работающего человека слишком короток. Он тесен, как детская одежда взрослому: в него не влезают красивые и культурные мероприятия. Иначе с утра от недосыпа человека будет качать, и он проклянет прекрасное-возвышенное самыми низменными словами.

«Ты сама не знаешь, чего хочешь!» – раздраженно восклицала мама мне вслед.

Конечно, не знаю. Иначе бы не искала себя, ясно же! Зато знаю, чего я НЕ хочу: отдавать половину моей жизни тупой и бессмысленной работе.

В город я была вынуждена ехать на электричке – машина моя в ремонте. На работу мы ежедневно ездили с папой, вернее, с его шофером, – нам ведь в одно министерство, – отчего я не слишком торопила парнишку из автосервиса. Но придется ему позвонить, завтра же, – сегодня уже поздно, вечер воскресенья.

Такси наконец довезло меня до Войковской – именно там, в высоком сталинском доме, находилась наша старая квартира – и притормозило у бордюра широкого тротуара. Ехать в объезд, чтобы попасть во двор, таксист отказался. Там все перекопано, сказал. Пришлось мне мокнуть под дождем, добираясь до подъезда через арку, даже капюшон не спас.

Хотелось поскорее ощутить сухое тепло моей квартиры. Там меня никто не ждал: мои Васьки уже с год как ушли. Васька-человек забрал с собой Ваську-кота. Сказал, что такому никчемному созданию, как я, даже животное доверить нельзя. Вот так-то. Никчемной я оказалась и на кухне, и в постели. Заниматься со мной сексом, сказал Васька-человек, так же невкусно, как есть мои котлеты.

Похоже, что это безнадежно. То есть надежд я больше вовсе никаких

не подаю. Никому. Только еще самой себе немножко...

Проблема, мне кажется, в том, что у меня слишком много способностей. Я неплохо рисую, у меня даже хобби есть: комиксы из жизни одинокой девушки, вроде меня... Они приличную аудиторию собирают на Фейсбуке и в Инстаграме, к слову. Еще я довольно хорошо танцую, пою, декламирую стихи, играю на гитаре и пианино, да и на сцене, хоть и самодеятельной, удостоилась бурных похвал, когда увлекалась театром... И дзюдо я занималась, и художественной гимнастикой, и верховой ездой, и стрельбой из лука... Казалось бы: такой я разносторонний человек, откуда взяться скуке?

Беда же в том, что все это меня интересовало одновременно, но ни одно направление настолько, чтобы посвятить себя ему полностью и отсеять остальные. Я предавалась новому увлечению с энтузиазмом и бросала его без сожалений. Возможно, оттого, что ни одна из моих способностей не тянет на талант? Талант, если он наличествует, сам тащит человека за собой, сметая любые препятствия на своем пути – будь то родительские увещевания или соображения финансовой выгоды. Недаром существует слово «призвание»! Оно зовет, требует, не внемлет никаким отговоркам. Это как призыв в армию: не уклонишься.

А у меня не оказалось сколько-нибудь выраженного таланта, который мог бы превратиться в призвание. Комиксы – это ведь несерьезно, не профессия... И я, не сумев сделать выбор, пошла на поводу у родителей и согласилась на хорошо оплачиваемую, но невыносимо тягомотную работу...

Тоска. Беспросветность. Как этот чертов дождь.

Весь вечер, с трудом справляясь с плохим настроением, я пыталась продумать план своей новой жизни: коль скоро я выступила с декларацией своей независимости перед родителями, пути назад нет. Из министерства я уйду, это решено. Попробую зарабатывать на жизнь комиксами – то есть превратить хобби в профессию. Людям они нравятся, мои смешные лохматые «растрепки», – осталось только придумать, как получать деньги за «лайки» моих поклонников. В принципе схему я знала: нужно, чтобы моей страницей заинтересовались рекламодатели. Для этого придется намного больше рисовать: новые сюжеты, пусть совсем коротенькие, должны появляться практически каждый день, а это большая, кропотливая работа! – но идея меня окрыляла.

Я прочитала в интернете несколько статей о раскрутке сайтов, их продвижении в социальных сетях и прочие нужные, хоть и скучные вещи.

Выписала телефоны тех специалистов, которые мне показались наиболее знающими и серьезными, забросила на флешку рисунки и ссылки на свои страницы в соцсетях для завтрашних бесед. Приняла душ, надела пижаму, просмотрела пару коротких серий отечественной комедии и улеглась спать: завтра я должна быть в отличной форме.

Потому что завтра у меня начнется новая жизнь. Я знала, будет непросто, – но это будет *моя* жизнь! Та, о которой я мечтала. *Per aspera ad astra!* Через тернии к звездам!

ПОНЕДЕЛЬНИК

В понедельник с утра я первым делом позвонила по выписанным телефонам и договорилась о четырех встречах: две сегодня и две завтра. Из четырех специалистов по интернет-раскрутке я собиралась выбрать одного – того, кто покажется наиболее компетентным, – и начать работать с ним незамедлительно.

Затем я позвонила в автосервис, – моя «Клио» будет готова во вторник во второй половине дня, заверили меня.

После чего я поехала на работу и написала заявление об увольнении по собственному желанию, отдав его папиной секретарше. Видеть отца мне не хотелось, а уж тем более вести разговоры о том, что подобные заявления делаются за две недели, и я должна отработать, и та-та-та...

Фигушки. Ни дня больше! Папусик как-нибудь сам выкрутится, все-таки заместитель министра.

Целый день я перемещалась по городу то на такси, то на метро, в зависимости от маршрута. Устала от транспорта, однако результаты первых двух встреч превзошли мои ожидания. И теперь с нетерпением ждала завтрашнего дня, чтобы услышать-увидеть двух оставшихся специалистов.

Ближе к вечеру я поехала к своему психологу на очередной сеанс и вернулась домой на метро – дождя не было, к счастью. По дороге зашла в магазин, купила немного продуктов, рассчитывая, что на следующий день уже смогу закупиться по полной программе и привезти тяжелые сумки на своей «Клио».

Наверное, я бы никогда не запомнила все эти мелочи – если бы вскоре они не оказались чрезвычайно важными. Важность им придали последующие события, о которых я – понятное дело! – в тот момент даже не подозревала... А пока у меня было прекрасное настроение. Я столько

всего узнала нового, увлекательного – передо мной открылся непознанный мир, яркий и радостный. Мне не терпелось начать работу, и весь вечер я рисовала новые комиксы из жизни милой смешной растрепы по имени Варя. Вдохновение подхватило меня на свои радужные крылья, унесло на волшебные просторы, – и я работала, забыв о времени. Воистину, «счастливые часов не наблюдают».

Заснула я лишь под утро. «Как хорошо, что оставшиеся встречи назначены на вторую половину дня», – подумала я, уплывая на волнах безмятежного сна.

Тогда я еще не знала, что безмятежности этой не суждено долго длиться.

ВТОРНИК

Вторник встретил мое позднее пробуждение ветром и ледяным дождем. Выходить из дому совсем не хотелось. Но отказаться от важных встреч я никак не могла, поэтому неспешно оделась, выпила кофе, скопировала на флешку новые, ночные рисунки и вызвала такси.

Когда я, вдохновленная и убежденная в правильности своего выбора, вышла на улицу после последней деловой встречи, было уже совсем темно. Что ж, ноябрь, ничего удивительного. Такси меня поджидало, однако я успела промочить ноги за те несколько шагов, которые пришлось сделать по тротуару до дверцы. Заказывая такси по телефону, я назвала адрес автосервиса – «Клио» моя уже готова! – но сейчас, глядя в окошко на мощные струи ледяной воды, поливающей Москву, и на толпу машин, склеившихся в пробке, я решила перенести визит в автосервис на завтра: представив себя за рулем в в этой металлической каше, я испытала чувство, близкое к ужасу. Лучше заеду за «Клио» с утра – а сейчас домой.

Домой!

От информации, полученной мною за четыре встречи, – подробной, с наглядными схемами, – я слегка обалдела. Все четверо специалистов были хороши, и я не могла решить, на ком остановить выбор. Сказала, что подумаю и позвоню. Всю обратную дорогу я перебирала в памяти подробности разговоров, пояснений, демонстраций на экранах компьютеров. Вспоминала глаза и выражения лиц, улыбки и усмешки...

Четверку составляли трое парней и одна девушка. Она, как у девушек водится (за редким исключением), быстро окинула меня оценивающим

взглядом и, похоже, пришла к выводу, что я ничем ее женской самооценке не угрожаю. После чего расплылась в любезной улыбке. Пожалуй, ее не возьму: каждый день будет изучать мою одежду, прическу – все детали моей внешности, чего уж там! – и мериться со мной пись... Ладно, писек, которыми меряются, у девочек нет, но преувеличенное самолюбие (следствие комплексов неполноценности, как известно) пола не имеет. А я не люблю тягаться с другими, мне плевать, что там у кого. И повышенный, сопернический интерес к моей персоне меня раздражает. К чему мне чужие заморочки?

Один из парней был совсем мальчишка – толковый, влюбленный в компьютерный мир, возбужденный ролью учителя. Наверное, я у него одна из первых (если не первая) клиентов и он будет очень стараться, что большой плюс. Второй, мужчина за сорок, говорил неторопливо, понятно, подробно. Его основательность мне понравилась: он будет хорошим учителем. Третий...

Такси остановилось, причалив к широкому мокрому тротуару, как вчера. Но сегодня мне было куда веселее. Новая жизнь уже сверкала огнями и переливалась всеми красками перед моим внутренним взором: я верила, что сумею, что добьюсь успеха. Не великой славы, нет, – ее я не искала. Все, к чему я стремилась, – это заниматься любимым делом. И получать за него приличный заработок. Точка.

Ежась под дождем, я шагала домой. Прошла подворотню и повернула налево, к своему подъезду. И тут произошло что-то странное: на мои губы твердо легла рука в холодной кожаной перчатке. Затем я почувствовала сквозь куртку, как к моей спине, чуть пониже лопатки, прижалось что-то круглое и твердое. Очень похожее на дуло пистолета.

Я мгновенно взмокла от страха – стало жарко, душно, не хватало воздуха, сердце заколотилось. Я замычала и попыталась сделать подсечку, как меня учили когда-то на занятиях дзюдо.

– Стой смирно, – тихо проговорил мужской голос. – Не то убью.

И дуло притиснулось к моей спине еще крепче.

Я повиновалась, опустив руки по швам, только старалась дышать ровно под перчаткой, – правильному дыханию меня тоже учили, – чтобы унять внутреннюю панику, утихомирить сердцебиение. Мужчина развернул меня в обратную сторону, и мы прошли подворотню в направлении улицы. Здесь он остановился.

– Сейчас мы сядем в мою машину. Я уберу руку от твоего рта, но ты не будешь кричать и звать на помощь. Потому что у меня в руке пистолет. –

Для пущей убедительности он больно ткнул дулом мне под лопатку. – Логика простая: ты кричишь – я стреляю. Поняла?

Я кивнула. Чего ж тут не понять. Он хочет спокойно, без шума завезти меня в тихое местечко, изнасиловать и убить. А пока все обустраивает так, чтобы я не привлекла к нему внимания. А то вдруг и впрямь какая-нибудь добрая душа отзовется и бросится мне на помощь...

Я подумала, что сумею, пока буду идти к машине, нажать кнопку быстрого набора на мобильном. Под номером «один» у меня записана лучшая подруга, и, если повезет, она ответит на звонок, услышит странный диалог с мужчиной за моей спиной и вызовет полицию.

Он будто прочитал мои мысли, этот мужик. Молча сдернул с моего плеча сумку, не оставив мне никакого шанса позвать на помощь.

– Машина стоит напротив арки. Видишь, черная «Тойота»? Ты спокойно пересекаешь тротуар, я тебе галантно открываю дверцу с пассажирской стороны, ты садишься. Затем я обогну машину, чтобы сесть за руль. И ты в это время не пытаешься бежать. Не то я...

Я усердно закивала: слушать еще раз, что он в меня выстрелит, мне почему-то не хотелось.

– Хорошо, – одобрил он.

Черная перчатка слетела с моих губ, как ворона. Я вдохнула побольше воздуха, медленно выдохнула, успокаивая нервы.

– Не хочу тебя пугать...

– Ага, – кивнула я, – а до сих пор не испугал, конечно.

– Заткнись. Тебе следует знать: если сбежишь от меня, тебя убьют другие. За нами сейчас следят, я уверен.

– А если не сбегу, то меня убьете вы? – милым голоском поинтересовалась я.

– Я бы не хотел. Так что не препирайся. Делай, как я сказал. Тогда у тебя будет шанс остаться в живых. На самом деле я – твой лучший вариант из всех возможных.

– Вот радость-то! – съязвила я по привычке, хотя мне было совсем не до шуток.

Мой ум истерично и бесплодно бился, как бабочка об абажур ночника, в поисках хоть какого-нибудь объяснения происходящему. О чем говорит этот тип? Да и есть ли смысл в его словах?

– Вы хотите получить за меня выкуп? – предположила я.

– А за тебя кто-нибудь захочет заплатить? – В его голосе послышалась заинтересованность.

– Естественно. Родители.

– У них водятся денежки?

Нет, не в выкупе тут дело... Он даже не знает, кто мои родители! Неужели он всерьез говорит об убийстве?! Но кому понадобилась моя никчемная жизнь?!

– Если вы не собираетесь просить выкуп... Зачем тогда вы меня похищаете? Вы в меня влюбились и хотите тайно обвенчаться? – сострила я. От страха, видимо.

– Ну да, от твоей красоты в зобу дыханье сперло. – Этот тип даже не усмехнулся в ответ. – Хорош трепаться. На счет «три» ты выкатываешься из подворотни и направляешься к машине. Я, как сказал, тороплюсь-спотыкаюсь в приливе галантности, чтобы открыть тебе дверцу. И ты без сопротивления залазаешь на пассажирское сиденье. Просекла?

Разумеется, просекла. Будто у меня есть выбор, придурок!

Забравшись в машину, я попыталась оглядеться вокруг: он сказал, что за нами следят. Но кто, с какой целью?

Как ни крутила я головой, никого не заметила. Впрочем, разглядеть хоть что-нибудь через забрызганное водой стекло было затруднительно. С другой стороны, люди, которые за кем-то следят, обычно прячутся, а не стоят на виду...

Мужчина, плюхнувшийся на водительское место, – наконец-то я увидела его физиономию, хоть и в профиль, – оказался похож на бомжа. Или на уголовника. Темная щетина обильно покрывала нижнюю часть его лица, голова же, напротив, была бритой; на шее какая-то татуировка – ее почти скрывал ворот черной заношенной куртки-стеганки «а ля ватник», такие были в моде лет десять назад. И, судя по запаху, не мылся он примерно столько же.

– Вас только сегодня утром выпустили из тюрьмы?

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Немытый, небритый, куртка давно вышла из моды... – пояснила я.

– Угадала, – произнес он со странной интонацией.

Я не поняла: то ли стебется, то ли обалдел оттого, что я попала в точку.

Он включил мотор, но не тронулся, а перегнулся через мои колени. Прикосновение к моим ляжкам мне не понравилось, но я не успела возразить. Он вдруг ловким движением вытащил из бардачка наручники и мгновенно нацепил их мне на запястья. Только я вознамерилась возмутиться, как на мой рот налип здоровенный кусок белого пластыря, лишив меня, в прямом и переносном смысле, дара речи.

– Пусть видят, – произнес он. – Чтоб не сомневались.

Я хотела спросить: «Кто? О чем вообще речь?» Да и что можно

рассмотреть через залитое дождем стекло?

Но с пластырем на губах задавать вопросы было затруднительно.
Бомж пристегнул меня ремнем безопасности и тронулся с места.

Ехал он аккуратно, скорость не превышал и все время взглядывал в зеркало заднего обзора. Дождь кончился и видимость улучшилась, но, похоже, ничего интересного бомж по-прежнему не наблюдал.

Вскоре город остался позади, шоссе прострелило ярко освещенные торговые зоны, затем погрузилось в полумрак редких огней. К асфальту с обеих сторон подступили леса, в темноте как-то особенно недобрые. Я подмосковных дорог не знаю, поэтому наше местонахождение являлось для меня полной загадкой. И спросить я ничего не могла, понятно. Да и не интересовало меня, где мы находимся. Другой вопрос, куда более важный, – в прямом смысле жизненно важный! – мучил меня: что этот тип собирается со мной сделать?!

Он говорил, будто убивать меня не хочет, – а чего же он хочет? Изнасиловать? И бросить в лесу? Иначе зачем мы выехали из города?

С другой стороны, если рассудить, для изнасилования далеко ехать не надо. Завез бы к себе в квартиру, и... Может, у него нет квартиры? Он и впрямь похож на бомжа. Хотя «Тойота» его, пусть и не первой молодости, стоит недешево... Так и на ней тоже, между прочим, он мог заехать в первый же темный закоулок и свершить свое гнусное дело. Однако он меня куда-то везет...

Он все же намерен меня убить?

«Убить, и закопать, и надпись написать» – как там в детской песенке?
Ха-ха, умереть от смеха.

Или просто умереть...

С момента выезда из Москвы прошло, наверное, часа полтора, когда мы свернули на какую-то полуразбитую дорогу. Освещения здесь не было вообще никакого, но сквозь тучи мелькала остекленевшая, замерзшая луна, поражая темноту белесыми пятнами, как болезнь витилиго – кожу. Машина затряслась, подпрыгивая на колдобинах, и вскоре встала на обочине.

Прошло несколько минут, прежде чем бомж пошевелился.

– За нами не следили, – вдруг произнес он. – И это хорошо.

С этими словами он развернул тачку носом прямо к лесу и попер напролом. Переваливаясь с кочки на кочку, мы вскоре остановились на небольшой поляне. Бомж выключил фары и мотор. Нас обступила тьма, едва разреженная мерзлым лунным светом.

– Я сниму с тебя пластырь, и ты сможешь говорить. Но прежде выслушай меня. Спокойно выслушай, без истерик и без глупостей. Обещаешь?

Ну конечно же я обещаю! На моих губах пластырь, на моих запястьях наручники, какие могут быть возражения?! Я усиленно затрясла головой, хотя не уверена, что он сумел это разглядеть в почти непроглядной тьме.

– Хорошо, – кивнул он. Должно быть, все-таки разглядел. – Дело, в общем, вот какое: тебя хотят убить. Не знаю, кто и почему, так что не спрашивай. Меня наняли совершенно незнакомые люди. Видимо, моя внешность располагает к... К определенным мыслям, – усмехнулся он.

Я кивнула: согласилась. А бомж вдруг хмыкнул себе под нос.

– А ты ничего, – произнес он. – Не теряешь чувство юмора.

– Еще как теряю, – промычала я.

Но он, конечно, ничего не понял из моего мычания.

– Вернемся к делу. Итак, тебя хотят убить. И для этого наняли меня. Я согласился. Мне позарез нужны деньги, а за твое убийство хорошо платят. Сечешь? Если ты догадываешься, кто эти люди и чем ты им насолила, со мной можешь не делиться, мне пофиг. Но я не хочу тебя убивать. Поэтому не ори – тут все равно никто не услышит – и не пытайся сбежать. Нет смысла. Просто обсудим все, как разумные люди. Ферштейн?

Я снова усиленно закивала, хотя ничегошеньки не «ферштейн» – то есть не поняла.

– Ладно, тогда я срываю пластырь. Будет немножко больно.

Бомж включил маленькую лампочку наверху, в потолке салона, повернул мое лицо к себе, подцепил ногтем уголок пластыря и дернул.

Я непроизвольно ахнула. Было все-таки больно. Но не смертельно, конечно.

– Почему? – хрипло спросила я.

– Почему – что?

– Почему вы не хотите меня убивать?

Бомж посмотрел на меня с удивлением. Я на него тоже – с удивлением: у него оказались довольно выразительные... хм... карие, цвета крепкого чая, глаза в обрамлении густых черных ресниц. Неожиданное явление на таком... хм... запущенном лице.

– Ты что, идиотка? По-твоему, это нормально, хотеть кого-то убить? Странный вопрос задаешь, Таисия.

– Вы знаете мое имя...

– Естественно, я же нанялся в киллеры, – хмуро бросил бомж.

– А вас как зовут? – вежливо спросила я.

- Роберт.
- Ха. Ха-ха. Вот прямо так и Роберт?
- Не веришь, дело твое. Считаю, что у меня погнало такое.
- *Погнало?* – не поняла я.
- Кликуха.
- Ладно, Роберт так Роберт... – не стала я спорить. – Так почему вы, взяв заказ, решили меня не убивать?
- Не хочу руки пачкать.
- Но деньги взяли.
- Взял. И спас тебя, между прочим.
- Пока еще не спасли, между прочим. Пока что вы меня завезли в глухой мокрый лес. И я не в курсе, что вы собираетесь делать дальше.
- Все зависит от тебя. Чтобы оставить тебя в живых, я должен быть уверен, что ты исчезнешь. Испаришься без следа. Иначе не только тебе несдобровать, но и мне. Эти люди не должны ни на минуту усомниться в исполнении заказа.
- Ничего себе! До меня слабо доходило: он предлагает мне жизнь в обмен на полное исчезновение? Но как? Куда? Где я должна прятаться?
- О господи, – уткнулась я лицом в руки. – Почему? За что?!
- Роберт ничего не ответил, отвернул лицо к окну.
- Прошло несколько минут. Мы молчали.
- У меня нет выбора, насколько я понимаю... – наконец произнесла я.
- Верно понимаешь.
- Я не хочу умирать. Я исчезну.
- Не обещай слишком поспешно. Подумай: тебе придется расстаться с родителями, друзьями, работой, парнем, если он у тебя есть. Нужно будет как-то обустроиться на новом месте, не оставив никаких следов, никаких ниточек: мобильный со всем списком твоих контактов должен исчезнуть. Ты испаришься со всех сайтов, твоя электронная почта заглохнет. Тебе придется найти способ зарабатывать деньги, потому что зарплату с прежней работы – не знаю, кем ты работаешь и где, но больше ты получать бабки не сможешь. Это все очень трудно организовать – но это цена за твою жизнь. Если ты не сумеешь, я дорого заплачу за то, что тебя отпустил. Меня убьют, и хорошо, если сразу... Как нетрудно догадаться, подобный вариант меня совершенно не устраивает. Но и тебя – если поймут, что ты жива, если где-то мелькнет хоть одна шерстинка с твоего хвоста – убьют. Новый киллер тебе не даст шанса, как я.
- Но... Я не представляю, как все это устроить!
- Не моя проблема. Сиди и думай. Пока не придумаешь, никуда

отсюда не двинемся. Я специально уехал в глухое место, чтобы убедиться, что слезки за нами не было, так что можешь тут сидеть хоть месяц. А пока ты думаешь, мне нужно сделать несколько фото для отчета.

– Какие еще фото?

– Твоего трупа.

– Моего – чего???

– Кадавра.

– Но ведь вы сказали, что не будете меня...

– Ты по жизни дура или у тебя с перепугу мозги раскорячились? Я же сказал сделать ФОТО, а не сделать труп. Всё, выходим из машины. И не вздумай бежать, иначе выстрелю тебе в спину.

Он открыл багажник и принялся в нем копать.

Придурак, выстрелит он! Да если я отойду от тебя хоть на два шага, ты в этом мраке моей спины уже не увидишь!

Но и я не увижу, куда направить свои два последующие шага...

Я выбралась на мокрую траву, щедро усыпанную палой листвой. Одурающе пахло грибами, – хотя вроде бы в ноябре грибы уже не растут... Или растут? Света от луны едва хватало, чтобы разглядеть собственные ноги. Впрочем, хватило его и на то, чтобы увидеть лопату в руках у Роберта, которую он вытащил из багажника. Карман его ватника оттопыривала какая-то бутылка.

Он включил фары машины, осмотрелся.

– Вот тут, – ткнул он пальцем в сторону большого, ветвистого куста. – Самое подходящее место для твоей могилки. Давай сюда руки.

Он расстегнул замки наручников, и я, поморщившись, принялась тереть запястья. Я часто видела этот жест в кино и всегда задавалась вопросом: наручники жмут, что ли? По логике вещей, не должны: руки скованы, чего же боле? Ну вот, посчастливилось узнать ответ: сами-то они не жмут, нет, но рукам приходится лежать на чем-то, в моем случае – на коленях. Опустить ведь их вдоль тела нельзя... Вот потому и давят браслетики, впиваясь в кожу нижней стороной.

– Хватит массаж себе делать, время идет. Держи лопату. Начинай копать вот по этому периметру. – И он очертил ногой прямоугольник на тяжелой от дождя траве, взъерошив опавшие листья. – Сначала надо поддеть дерн и сложить его куски в сторонке. А потом уже копать вглубь. Давай, давай, шевелись.

Я воткнула лопату в землю и с трудом перевернула пласт дерна. Хорошо еще, что земля не промерзла: несколько легких ночных заморозков

начала ноября не успели превратить ее в «цемент».

Роберт посмотрел на меня, затем достал из багажника вторую лопату. Мы принялись копать в две пары рук. Мою могилку, как он выразился. Хотя минуту назад уверял: смерти он мне не желает. Я до такой степени запуталась в его словах и намерениях, что оставила все попытки найти хоть какую-то логику. Ладно бы выкуп за меня потребовали у отца, – это было бы ничем не лучше нынешней ситуации, но хотя бы понятно. Однако Роберт утверждает, что его наняли какие-то люди и хорошо заплатили за мое убийство, – и что это за цирк? Кому понадобилась моя серая, пыльная жизнь, в которой мои котлеты так же бездарны, как и секс?

Может, все-таки рискнуть, сбежать? Я огляделась. Деревья стояли стеной, и куда двигаться, спотыкаясь об корни и кочки, в каком направлении, непонятно. Так можно в самую чащу забрести, а то и в болото...

– Не могу больше, руки болят. – Я воткнула лопату в землю и оперлась на нее. – Дай передохнуть.

– Хорошо. Я тоже передохну. Пойдем в машину, посидим пять минут.

Мы забрались на сиденья. Роберт погасил фары.

– Ты все еще опасаясь, что за нами следят?

– Нет. Почему ты спросила?

– Ты фары выключил.

– А-а-а... Это для экономии. Чтобы аккумуляторы не разрядились.

Я только сейчас заметила, что перешла на «ты», но исправляться не стала. В конце концов, этот мужик мне тыкает с самого начала, с чего бы мне церемониться!

– Можешь объяснить мне кое-что?

– Я сам ничего не понимаю, так что вряд ли.

– И все-таки. Зачем мы роем «могилку», если ты не намерен меня убивать?

– Для отчетности.

– И как ты собираешься эту «отчетность» сдавать? Кому? Ты сказал, что не знаешь людей, которые тебя наняли.

– Есть телефон. По нему и отправлю. Иначе не видать мне второй части денег.

– Ах, тебе дали только задаток... Всю сумму получишь по исполнению заказа? Разумно. И во сколько оценили мою жизнь?

– Вот идиотка, честное слово! – в сердцах воскликнул он. – Если я скажу, что в миллион, ты засияешь от счастья? Что так дорого стоишь? А если только в десять тысяч, будешь рыдать от унижения? Пошли копать,

хватит тут расслаиваться! – И он снова включил фары.

Надо признать, он был прав. Действительно, какая разница, сколько заплатили за мое убийство?! Важно лишь одно: убьет он меня или оставит, как обещает, в живых?

Мы копали, копали, копали. Это оказалось чертовски тяжелой работой. Мы даже куртки скинули – стало жарко. Через некоторое время у меня на ладонях вздулись волдыри.

– Все, больше не могу. Посмотри на мои руки. – И я подставила руки под луч от фар.

– И чего, я должен один тут вкалывать?

– Между прочим, тебе за это платят. Могилка входит в заказ, как я понимаю. Чтобы мое тело никто не нашел.

...И чтобы даже родители, мама и папа, никогда не узнали, куда подевалась их дочь, – вдруг подумала я. Наши отношения никак не назовешь теплыми, но все же...

Наконец яма приняла убедительные очертания. В такую действительно мог поместиться труп. Мой, например.

– Ложись вот тут, – скомандовал Роберт и указал мне на уютное местечко в мокрой холодной траве недалеко от ямы. – Ты видела, как трупы в кино выглядят?

– Видела. Некрасиво.

– Да уж, никто до сих пор не додумался устроить конкурс красоты для трупов. Может, застолбить идею? Сделать заявку на шоу? Уверен, будет пользоваться успехом. Народ обожает разглядывать чужую смерть.

– Продай идею в Голливуд. Сразу станешь миллионером.

– Не смешно. Ложись давай.

Я хотела было надеть куртку, но он мне не дал. Сказал, что трупу куртка не нужна и без нее будет эффектнее. Вот козел.

– К тому же второй у тебя нет. Испачкаешь в земле – нечего будет надеть, – добавил он рассудительно.

Я растянулась недалеко от ямы и закрыла глаза.

– Ты чего, поспать тут решила? Устроилась, будто в кровати! Ну-ка, включи воображение! Представь, что я в тебя выстрелил, а ты упала, испуская дух... Упала, как пришлось, – а не в постельке поудобнее улеглась. Ножку давай подверни неуклюже, ручки раскинь как-нибудь по-дурацки. Голову набок поверни. Волосья взъерошь.

Некоторое время мы упражнялись в театральном искусстве. Наконец

самозванный режиссер выразил удовлетворение моей позой.

– Вот, отлично, так и лежи. Не дергайся, я сейчас нанесу на тебя краску. Типа кровь. Ты куда предпочитаешь: на грудь или голову?

– Дурак, – прошипела я, не меняя позы.

– Давай на грудь. Это так эротично, – ехидно проговорил Роберт и плеснул на меня краски из той бутылки, что распирала его карман.

Радости от открытия, для чего бутылка предназначалась, я не испытала. Холодная жидкость на моей груди, холодная земля подо мной. Как же мне хотелось поверить, что это дурной сон, что я просто раскрылась ночью и замерзла и нужно лишь чуть-чуть проснуться и натянуть на себя одеяло!

Поверить не удалось. Роберт мазнул краской по моей щеке.

– Глаза держи открытыми. Не моргай, когда будет вспышка. И не дыши, когда скомандую. Выдохни и удержи дыхалку.

– Зачем?

– Фоток надо сделать несколько. И важно, чтобы не получилось разницы в объеме груди. Когда дышишь, объем меняется от вдоха к выдоху. Сечешь?

– Не дура.

– Пока не очень-то заметно, – скептически хмыкнул он и принялся щелкать телефоном, делая снимки.

Наконец моя фотосессия была окончена.

– Чудненько, – довольно произнес он, рассматривая фотографии в своем телефоне. – Ты просто звезда. Теперь, барышня, извольте разместиться на ложе.

– С ума сошел? Там сплошная грязь!

– Ты – труп. А трупы не выбирают, где им валяться. Сигай в яму, не то я тебя столкну сам. И плюхайся так, будто тебя туда кинули, бездыханную.

Я стояла на краю довольно глубокой ямы и не понимала, как я должна туда залезть. Сесть на край и сползти вниз? Прыгнуть? Я ведь перепачкаю всю одежду, руки, лицо, – как потом буду отмываться? И где?

– Так, все ясно, – произнес Роберт за моей спиной. – Ну-ка, ложись вдоль края и скатывайся вниз. Если не хочешь, конечно, чтобы я тебя сам туда скинул.

– И что я потом буду делать, вся грязная? – недовольно спросила я.

– Могу тебя там закопать. Тогда этот вопрос перестанет тебя волновать.

– Дурак. Мне холодно!

– Тогда поторопись. Раньше ляжешь, раньше выйдешь.

Делать было нечего. Я осторожно вытянулась вдоль края «могилки», затем перевернулась и скатилась на дно, плюхнувшись на живот. Прикосновение холодной, липкой земли было отвратительным.

Роберт молчал. Я его не видела, уткнувшись носом в землю, и не понимала, почему не слышу щелчков фотоаппарата.

– Все-таки лучше ложись на спину, – наконец произнес он. – Так тебя будет лучше видно. А то валяется тут непонятно что...

– Я очень даже понятно что. И даже кто! – обиделась я, переворачиваясь.

– Не умничай. Ногу подогни под себя. Руку забрось за голову. И лицо немного отверни. Хватит и твоего полупрофиля.

Я выполнила команды, и Роберт наконец защелкал, делая снимки.

– Теперь лежи спокойно, не меняй позу. Я немножко заброшу тебя землей. Не шевелись, поняла?

И ком земли шлепнулся на мою щеку. Я вздрогнула. А что, если он все наврал, чтобы заговорить мне зубы, сделать меня покладистой, а сам сейчас меня живьем закопает?!

Новый шлепок земли на грудь. Потом на живот. На ноги.

Если он шмякнет еще ком земли на мое лицо, то она забьет ноздри, и я не смогу дышать!

Но вскочить и броситься наутек я не посмела. Если это все делается действительно ради фотографий, то я все испорчу. А если он задумал меня убить...

То мне все равно не спастись. Пока буду выбираться из ямы, один удар лопатой и...

Я услышала новый каскад щелчков.

– Эй, ты чего, заснула там? – неожиданно донеслось до меня. – Вылезай давай. Дело сделано.

И он протянул мне руку.

Никогда еще в своей жизни я так не радовалась поданной мужчиной руке! Ухватившись за нее, я выбралась из ямы, мокрая, грязная, замерзшая. Роберт, не отпуская моей ладони, привел меня к раскрытому багажнику. Там оказалось несколько бутылок с водой, рулоны бумажных полотенец. В большой дорожной сумке – вот неожиданность! – лежала моя одежда: свитера, брюки, носки, кроссовки, даже белье.

– Умывайся и переодевайся, – распорядился он. – Грязные вещи отдашь мне.

С этими словами он ушел к носу машины, оставив меня одну под

сенью крышки багажника.

– Откуда у тебя моя одежда? – спросила я, снимая джинсы.

– Из твоей квартиры.

– И как ты туда попал? – Пришлось и трусы поменять, они намокли, пропитавшись бурой водицей из «могилки». Я подивилась предусмотрительности Роберта, припасшего мое белье для смены.

– Через дверь.

– Но как ты ее открыл?!

– Пальцем, – хмыкнул он. – У тебя в запасе исключительно дурацкие вопросы.

– Ты домушник?

– Домовой. Ты скоро?

– Нет, минуточку! У меня металлическая дверь, ее не взломать!

– Конечно. Зато ключами открыть можно.

– Ключами? Откуда у тебя ключи от моей квартиры?!

– Чтобы вытащить ключи из чужой сумки и сделать слепок, нужно меньше минуты.

– И где же ты ухитрился залезть в мою сумку?!

– Хорошо болтать.

– Нет, ну все-таки! Очень любопытно узнать!

Роберт тяжело вздохнул, давая понять, как я его достала.

– Никогда не вешай сумку на ручку стула в кафе или ресторане... Ты ведь сегодня обедала в ресторане, верно?

– А ты, значит, за мной весь день следил?! – высунулась я из-за крышки багажника.

Роберт пожал плечами с таким видом, будто я спросила, уверен ли он, что сейчас ночь.

Ну да, подумала я с досадой, следил, конечно. А то как бы он меня поймал точнехонько в тот момент, когда я проходила под аркой?

– Между прочим, ты должна меня благодарить за то, что я взял для тебя запасную одежду! – сердито произнес он. – О тебе позаботился!

А ведь и правда. Действительно позаботился.

– Спасибо, Роберт. Но я бы предпочла не оказаться в подобной ситуации. Из-за тебя мне приходится бежать из дома, а ты так трогательно облегчаешь мою участь сумкой с несколькими шмотками.

– Из-за *меня*? – Он поднял брови. – Слушай, Таисия, у тебя и вправду непорядок с головой. Я, что ли, хочу тебя убить? Да ты свечку в церкви поставь боженьке за то, что эти люди выбрали меня! Не то бы твой труп уже успел остыть!

Ответить на его слова мне было нечего. Все именно так, он полностью прав...

– Вот, держи. – Я сунула ему в руки ком своей грязной одежды.

Роберт подошел к яме и бросил его на дно.

– Зачем ты это делаешь?

– Тебя ведь будут искать. Твои родители или друзья дадут описание шмоток, в которых тебя видели последний раз. Так что они тебе больше не пригодятся. А куртку придется купить новую в первом же магазине.

Он вернулся к машине, открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья и открыл бардачок. Когда он распрянулся, я увидела в его руке пистолет. «Зачем он его взял?!» – напряглась я.

Роберт, будто почуяв мой испуг, пистолет опустил дулом вниз, направился к «могилке» и бросил его на дно, вслед моей грязной одежде. Затем принялся яму закапывать.

Я вздохнула с облегчением. И не стала спрашивать, почему он решил выбросить пистолет.

Он меня не пожалел и, несмотря на волдыри на моих ладонях, заставил забрасывать яму землей вместе с ним.

Наконец мы ее закопали. Роберт положил сверху куски дерна, которые мы сняли в самом начале, и теперь место, где находилась «могилка», невозможно было отличить от остальной поверхности поляны.

Мы вернулись в машину.

– Ну что, придумала, как исчезнуть?

– Нет. Некогда было работать головой, пришлось больше руками.

– Тогда начинай думать сейчас, – не оценил он моей иронии.

Роберт уставился в свой телефон, отправляя сделанные фотографии заказчикам.

– Не проходит. Тут нет связи. Нужно подобраться поближе к цивилизации. – Он завел мотор, и машина, фырча от натуги, тяжело поползла по мокрой земле. – Не забывай, – без перехода добавил он, – если они поймут, что ты жива, – тебя уничтожат. Меня тоже. Поэтому, если не сумеешь хорошо спрятаться, мне все-таки придется тебя убить... Ага, здесь лучше.

– Ты ведь пистолет выбросил, – с иронией заметила я. Чего, мол, пугаешь понапрасну.

– Он проходил по уголовке, держать его опасно. Но другой найти не проблема, – сухо ответил он. – Да и задушить тебя тоже несложно.

Вот и пошутила. Точно идиотка. Любительница лезть на рожон.

Мы медленно катили по проселочной дороге, Роберт смотрел на дисплей мобильного. Наконец заветные черточки, обозначающие наличие сети, возникли в верхнем углу экрана. Он остановил машину и возобновил манипуляции с отправкой снимков.

Кажется, ему это удалось. Спустя несколько минут он положил сотовый на приборный щиток и сложил руки на руле.

– Ну что, идеи есть?

Я покачала головой.

– В школе на двойки училась? Совсем тупая, да?

Я не ответила. Что можно ответить на подобный выпад?

– Я жду! – повысил он голос.

– Чего ты хочешь от меня? Каким образом я могу исчезнуть? Мне же надо где-то жить, на какие-то средства, – как, как это все устроить???

Деньги у меня имелись, и вполне приличная сумма, – но, во-первых, они ведь рано или поздно закончатся, если не будет притока новых, а во-вторых, Роберту совсем не нужно об этом знать. От бандита можно ожидать чего угодно.

– Наверное, ты решила, что я шучу. Что я на самом деле добренький такой дядя, раз решил отпустить тебя живой. Но я еще не решил, идиотка, – я пока еще *решаю!* И итог зависит от тебя! Да, я не хочу руки марать убийством, это так; но моя жизнь мне дорога – дороже твоей. И коли придется выбирать, то выбор будет не в твою пользу, ферштейн?!

Я молчала. У меня не нашлось ни слов, ни мыслей.

– Ладно, тогда я достаю наручники, заклеиваю тебе рот и...

– Не надо... Я... Подожди... У меня есть подруга, однокурсница, она живет далеко от Москвы, в Воронеже, я спрячусь у нее, она меня не выдаст... – залепетала я.

– Чтоб баба да не выдала, ага.

– Она надежная... преданная такая подруга...

– Ладно, допустим. И дальше что?

– Я поживу у нее какое-то время...

– Какое?

– Пока все не утихнет... Пока не перестанут меня искать...

– А потом?

– Потом... Я не вернусь в Москву, обещаю! Найду какую-нибудь работу... Никто не узнает...

– Как ты на работу будешь устраиваться? На какую? Что ты умеешь делать?

Я не знала, что ответить. На самом деле, я ничего не умею делать.

У меня диплом экономиста, но в министерстве у папы я только бумажки читала и подписывала.

Роберт ждал ответа, храня грозное молчание. Я нервничала.

– Не знаю, найду что-нибудь! – воскликнула я.

– Ладно, – кивнул он, – представим, ты нашла что-то подходящее, пришла в отдел кадров. Дальше?

– Что «дальше»?

– У тебя паспорт попросят, идиотка! А ты в розыске! Твой паспорт, твой телефон, права, банковские карточки, – все это я у тебя заберу. Собственно, они уже у меня. В твоей сумке. А сумка в моем багажнике. Твой телефон уже давно выключен, причем навсегда.

– А как же я без паспорта? Ни на работу, ни квартиру снять... Без него нельзя!

– Сделай себе фальшивый.

– С ума сошел? Будто его можно в «Ремонте обуви» заказать! Такими вещами преступники занимаются, где я буду их искать?! Встану посреди улицы: ау, кто тут фальшивые паспорта изготавливает?!

– Хватит орать. Вопросы здесь задаю я. А ты должна дать на них ответы. Вместо этого ты вопишь, что ничего не умеешь, не знаешь, не понимаешь. И с рождения полная дура.

Слезы неожиданно скопились в уголках моих глаз. Я даже удивилась: откуда они взялись? Не плакала, не хныкала, ни когда в наручниках да с пластырем на губах сидела, ни когда Роберт грозился меня убить. Да и вообще, я крайне редко плачу. А вот вдруг, услышав в очередной раз обидное «идиотка-дура», я расклеилась. Может, я и вправду никчемная, балованная богатыми родителями девица – но я хорошая! Хороший человек, отзывчивый, друзьям помогаю. И совсем я не дура! И не идиотка! Я умная... Начитанная... Много чего знаю... Ну и что, если не всегда нахожу решения! Это еще не значит, что дура. Умные тоже не всегда принимают правильные решения... Особенно в сложных ситуациях... Когда надо быстро, а ты к этому не готова, потому как никогда о подобных вещах не задумывалась, – а тебя при этом грозятся убить...

Я тихо шмыгала носом. Роберт молчал.

– Платок какой-нибудь есть? – спросила я севшим голосом. – У меня упаковка в сумочке, но ты ее отобрал.

Он покосился на меня. Затем вышел из салона, немного повозился и принес мою сумку. Ища упаковку бумажных платков, я поняла, почему он замешкался у багажника: моя сумка облегчилась на вес телефона, паспорта,

карточек и даже кошелька.

Высморкавшись и промокнув глаза, я опустила сумку на пол, себе под ноги. Тоска, отчаяние, беспросветность. Тьма и холод, и чужой, враждебный человек рядом.

– А знаешь что? Лучше действительно убей меня. Я не только ничего не в состоянии придумать сейчас, – я и дальше такой буду. Идиоткой, как ты выразился. Я выросла в обеспеченной, благополучной семье. Хотя отношения у нас отнюдь не теплые, если честно, но мне никогда не приходилось сталкиваться с жизненными трудностями. Я ничего не умею, ничего! Даже котлеты пожарить... – Голос мой дрогнул. – И мне придется жить в постоянном страхе, что я себя выдам, отчего только наделаю больше ошибок и глупостей... И убийцы меня легко найдут. Поехали, раскопаем могилку. Все равно это не жизнь. Только, прошу, убей так, чтоб сразу... Чтобы я не мучилась.

Роберт молча тронул машину. Вот и все. Он возвращается к могилке... Что ж, я сама напросилась. Только я, кажется, вовсе не...

Наверное, я подсознательно надеялась, что он сжалится надо мной и... Не знаю, что должно следовать за этим «и». Отпустит? Но это невозможно, он доходчиво объяснил. Но тогда на что я надеялась, прося его убить меня прямо сейчас?! На какую милость? На какую помощь???

К тому же пистолет он закопал в яме. И что же, теперь он будет меня душить?!

Боже, вот уж действительно идиотка!

Я было открыла рот, чтобы сказать (да, как полная дура, сама понимаю), – мол, не надо, я передумала, я не хочу умирать! Как вдруг обратила внимание, что мы едем не обратно в лес, а, наоборот, в сторону шоссе.

На этот раз я сочла за лучшее промолчать. Возможно, он собирается убить меня в другом месте? Хотя практичнее с точки зрения эргономики – экономии сил, иначе говоря... – практичнее было бы вернуться к уже выкопанной яме. Раскопать взрыхленную землю ничего не стоит... И раз он поехал не назад, а вперед...

Надежда вдруг обняла меня своими теплыми крылами, пригрела у себя на груди.

Мы вывернули на шоссе и отправились куда-то в ночь.

СРЕДА

Навигатор показывал карту, но Роберт не проложил по нему путь. Мы просто ехали по шоссе, а он время от времени смотрел на названия населенных пунктов. Мне они ни о чем не говорили, эти названия, и я не понимала, в каком направлении мы движемся, – хотя почему-то казалось, что на юго-восток от Москвы.

Вопросов я не задавала, счастливая уж тем, что мы не двинулись к могилке.

Наконец, по ведомым лишь ему причинам, Роберт взял курс на населенный пункт под оригинальным названием Егоровка.

Было еще темно, однако ночь, если верить часам, уже трепетала на исходе. В ноябре темнеет рано, светает поздно, но семь после полуночи – это все-таки утро.

Мы въехали в населенный пункт Егоровка. То ли маленький городок, то ли большое село... Скорее, первое, поскольку мы проехали несколько тихих улиц и оказались в центре. Небольшая площадь, на которой в современном здании расположилась администрация города. Посреди площади фонтан – он, конечно, не работал: не сезон. Справа от административного здания краеведческий музей, рядом с ним заведение общепита под непритязательным названием «Центральное кафе». Слева ЗАГС, дальше городская библиотека.

На улице, пересекавшей административную площадь, – сердце города, со всей очевидностью, – расцвели коммерческие заведения. Парикмахерская, бар, «Пятерочка» аж в двух экземплярах по обеим сторонам улицы. Среди них затесались почта и «Сбербанк».

– Пошли перекусим, – произнес Роберт. – Время завтрака.

Как ни странно, «Центральное кафе» оказалось уже открыто. Роберт поставил машину на стоянку, мы вошли. Посетителей в этот ранний час еще не было, и нас, первых клиентов, жизнерадостно приветствовал худосочный мужичонка со светлой редкой бороденкой, зато в черном фартуке и черной же шапочке, смахивающей на докторскую. Нынче у поваров мода такая пошла, я знаю, видела однажды такие костюмчики по телику, в передаче, где соревновались крутые «шефы».

– Желаете позавтракать? Яичница с беконом, омлет с грибами, сэндвич с ветчиной, лосось с авокадо? – Он, как истинный джентльмен, будто не замечал бомжеватого вида Роберта.

Надо же, какой сервис в этой глуши, удивилась я. Не зря он такой прикид надел! Впрочем, в глуши я не бывала лет пятнадцать, со школьного еще возраста, когда с родителями ездила на дачи – нашу и к их друзьям, – а страна ведь движется к коммерческому прогрессу семимильными шагами.

Все, что может принести деньги (предпринимателям, функционерам и прочим разновидностям поклонников бабла), – все это у нас расцветает буйно, быстро и активно. И как следствие, прогрессирует мастерство и профессионализм деятелей сферы обслуживания: продавцов и консультантов, поваров и метрдотелей, парикмахеров и косметологов, тренеров по фитнесу и так далее, и тому подобное. Что радует, конечно.

Не сговариваясь, мы с Робертом заказали яичницу с беконом. Завтракали мы – как и ехали последний час – в полном молчании. Я зареклась задавать вопросы, чтобы снова не услышать, что я «идiotка». Мелкие реплики типа «хочешь кофе?» – не в счет.

Я чувствовала, что он принял какое-то решение, и оно напрямую касалось меня – моей безопасности, а то и моей жизни... – но решила быть тише воды, ниже травы...

Повар больше не появлялся, теперь нас обслуживала официантка, полная девица с круглым сонным лицом. Излишне короткая юбка открывала толстые ляжки, завязки фартука некрасиво врезались в складочки жира на боках, – все, что можно было сделать, чтобы ухудшить о себе впечатление, девушка сделала. А почему – загадка. Может, у нее зеркала дома нет? Или ресторанный прогресс не дошел. Разве что в виде бейджика на груди: «Нина».

Мы закончили завтрак, Нина унесла тарелки, принесла Роберту кофе и горячий шоколад мне.

Я гадала: что дальше?

– В твоей сумке найдется блокнот? – вдруг спросил Роберт.

– Откуда? Я все в телефоне записываю.

Он подумал немножко.

– Посмотри напротив, – указал он. – Почту видишь?

– Ну.

– Ты закончила завтракать?

– Да... – Я сделала последний глоток горячего шоколада. – И куда теперь?

– Туда, – махнул он рукой в сторону почты. – Девушка, рассчитайте нас.

Подошла официантка, Роберт достал из кармана своего ватника мой кошелек и протянул ей деньги. Я не удержалась от брезгливой гримасы. Мне не было жалко денег – нет, но противно, что мужчина попользовался ими без моего разрешения.

Впрочем, это был не мужчина. Это был бандит. Который по не слишком внятным причинам не стал меня убивать. Однако получил плату

за мое убийство...

На почте Роберт купил блок писчей бумаги и конверт.

– Садись, пиши прощальное письмо родителям.

Я не поняла, что он имеет в виду, и посмотрела на него с удивлением.

– Как будто я собралась покончить с собой?

– Да нет же, – с досадой произнес он. – Я раньше думал, что интеллигентные люди – все умные. Сам-то я парень простой, даже институт не закончил. А у тебя небось и диплом есть, а?

– Конечно, – пожалала я плечами.

– А почему ты тогда такая дура?

– Хватит обзывать! – возмутилась я.

Теперь, когда мы находились не в черном сыром лесу возле вырытой могилы, я стала посмелее.

– Да не обзываюсь я, – в сердцах воскликнул он. – Ты реально ничего не сечешь! Есть люди, которые на лету схватывают, а тебе надо все объяснять по пять раз!

– Это потому, Роберт, – холодно произнесла я, чеканя слова и глядя ему прямо в глаза, – что мы живем в разных мирах. И твой я действительно не секу. Потому что в моем не убивают. Не берут деньги за смерть. Не копают могилы по ночам в чаще леса. И не платят по счетам чужими деньгами.

– Да они уже не твои! – взорвался он. – Тебя нет! Я тебя убил!

– Потихе, – поморщилась я. – На тебя оборачиваются. Так что мне написать родителям? Какова твоя гениальная мысль? – Я ехидно усмехнулась.

Он помолчал, стараясь справиться с яростью.

– Твои родители, полагаю, начнут волноваться, – совершенно спокойно, даже доброжелательно произнес наконец он, и я оценила его умение владеть собой. – И обратятся в полицию с просьбой объявить тебя в розыск. Как ты понимаешь, нам это не нужно. Поэтому убеди их, что ты куда-то уехала на неопределенное время.

– С учетом сложившихся обстоятельств это правильная мысль, – кивнула я. – И ты знаешь, тебе невероятно повезло: я как раз пару дней тому назад с ними крупно поссорилась. Заявила, что мне надоела их опека, что я хочу жить самостоятельно так, как считаю нужным. Я потому и вернулась, собственно, в московскую квартиру. Не то бы поехала в наш загородный дом. И ничего бы не случилось со мной...

– Не плачь, – тихо произнес он, неожиданно деликатно дотронувшись до моей руки. – Главное, ты жива. Мы что-нибудь придумаем, эй,

слышишь? Только не плачь...

– А разве я плачу? – повернула я к нему лицо. – С чего ты взял?

– Показалось, – кивнул он и утер двумя согнутыми пальцами две мои нечаянные слезинки. – Давай, пиши письмо. Как только я тебя устрою, вернусь в Москву за оставшимся гонораром, заодно и письмо в ящик брошу.

Я не ответила и принялась писать.

Едва мы закончили на почте, как Роберт потащил меня в парикмахерскую.

– Скажи им, чтоб покрасили тебя в блондинку!

– Зачем? – неприятно удивилась я.

Будучи шатенкой – натуральной и вполне яркой, – я вовсе не хотела перекрашиваться в блондинку, как все идиотки.

– Чтобы тебя не узнали, балда! – пихнул меня в бок спаситель. – Все-таки ты удручающе бестолкова. Если тебя в розыск родители – или кто еще, не знаю, – объявят! И опишут твою внешность!

– Ты только что заставил меня написать им письмо. Они ему поверят, не сомневайся, у нас и впрямь плохие отношения. Поэтому ни в какой розыск они подавать не будут.

– В ближайшие дни не будут, верно. Но спустя некоторое время забеспокоятся. Обратятся в полицию. Там распечатают твои портретики и разошлют по всей стране. И кто-нибудь вдруг вспомнит, что видел такую там-то и там-то... Короче, давай, шевелись. И пусть сделают модную стрижку.

Пфф-пфф. Это я фыркнула. У меня были волосы средней длины, иногда я их носила распущенными, иногда подбирала на затылке, и меня мои прически вполне устраивали.

– Что значит *модную*?

– Не знаю. Плевать. Ты должна изменить внешность... Насколько это возможно. Хотя если тебе мои предложения не нравятся, то можно разбить тебе нос, чтобы он свернул направо. Или налево. Так тебя точно никто по описанию не узнает. Хочешь?

– Дурак, – прошипела я и вошла в парикмахерскую.

– Эй, – крикнул он мне вслед, – погоди!

Я вернулась. Роберт протянул мне через окошко машины несколько тысяч.

Взятых, без сомнения, из моего кошелька.

Он сидел в машине напротив салона, я видела его через стеклянную стену. Обесцвечивание, краска и стрижка заняли немало времени – однако он спокойно ждал окончания издевательства над моими волосами.

Из парикмахерской я вышла платиновой блондинкой. С одного боку пряди волос были частично розовыми и зелеными на концах, с другого светлые волосы обриты почти наголо.

– А тебе идет, – хмыкнул он, когда я вернулась в его машину. – Очень стильно получилось.

– Будто ты разбираешься, что стильно, а что нет. Ты вообще кто?

– Никто.

– Странно, что ты не ответил «дед Пихто».

– Дура.

– От такого слышу.

Мы покинули Егоровку и снова колесили по разным шоссе час-другой. Я засыпала – немудрено после бессонной ночи – и просыпалась время от времени.

– Куртка, – вдруг произнес Роберт.

– Какая куртка?

– Мы должны были купить тебе новую. У меня вылетело из головы.

– Зачем?

– Слушай, ты нарочно? Признайся, тебе просто нравится меня злить, да?

– А что я такого сказала? – надулась я.

– Глупость сказала! – повысил он голос. – Я ведь тебе еще в лесу объяснил зачем!

– Да ладно... Чего злишься... Это не срочно ведь. Ты сам говорил, что пока меня никто не станет искать.

– А я, по-твоему, сколько времени с тобой буду нянчиться? Может, проживем вместе недельку? Или давай вообще поженимся и умрем в один день?! Хотя с тобой не получится в один день: ты меня в могилу за месяц сведешь своей тупостью.

– А ты меня – за пару дней. Своим благоуханьем, – ядовито произнесла я.

– Запах легко устранить за несколько минут мытья в душе. А вот тупость – это навсегда. Ничем не соскребешь! – заорал он.

– Да иди ты... – безразлично ответила я и снова закрыла глаза.

Видела из-под ресниц, как он покосился на меня. Кажется, что-то еще хотел изречь, но передумал и уставился на дорогу. А я почти сразу же

провалилась в дрему.

Не знаю, сколько мы еще проехали, но спустя некоторое время Роберт разбудил меня. Мы находились в каком-то очередном городишке, с виду малоприветливом, и он притормозил возле жилого многоэтажного дома. На первом этаже лесенка вела к двери, над ней вывеска: «Женская одежда». Подъезды явно с обратной стороны, выходят во двор, – а магазин смотрит на улицу.

– Вылезай.

Я не стала спрашивать, что мы тут делаем. И так ясно: покупаем куртку.

Я выбралась из машины. День был серым, низкое небо хмурилось и грозило дождем. Но пока не капало, спасибо и на том.

Магазин оказался комиссионным. Я не люблю подержанные вещи, однако смолчала: надоело препираться с Робертом. Мы быстро прошлись вдоль вешалок с верхней одеждой. Роберт вытащил из тесного ряда темно-серую куртку с капюшоном, а я – лакированную уродину фиолетового цвета.

Увидев ее, Роберт покрутил пальцем у виска:

– Поярче выбрать не могла? Чтобы тебя за километр замечали?

– А ты о чем думал, когда мне стрижку присоветовал? С ней меня и так за километр видно.

– Нужно было максимально изменить твою внешность!

– Вот эта курточка и послужит делу конспирации. Ни один человек, знающий меня, не поверит, что в данной фиолетовой оболочке могу находиться я.

Роберт только рукой махнул, – мол, как знаешь! – и оплатил покупку.

И снова дороги, и снова тяжелая дрема, не приносящая отдохновения, в чередовании с пробуждениями, не приносящими радости. В какой-то момент я обнаружила, что Роберт выключил навигатор. Я хотела было задать вопрос... Но сообразила сама: мы достигли местности, которая ему знакома.

Я напрягала глаза, в ожидании указателя, – бесполезно. Сон накатывал, наваливался, подминал под себя, как валун на горном склоне. Я все проспала, пока не услышала голос Роберта. Он говорил по сотовому.

– ...в силе? – услышала я.

Не знаю, о чем шла речь, и не слышала, что ему ответили.

– Я не один. С девушкой.... Да, это я и имел в виду. – Он усмехнулся.

Похоже, его собеседник сказал какую-то скабрзность. – Ключ, как раньше?

Ключ? То есть какой-то его приятель предоставляет нам квартиру? Неужели такое счастье?

Роберт покосился на меня. Увидел, что я проснулась, и отключил телефон.

– Я договорился о квартире с одним знакомым. Вымоемся и отдохнем. А потом поговорим. Время до того, как тебя объявят в розыск, у нас и вправду еще есть. Ты ведь не каждый день докладывала родителям, что вернулась домой? Исходя из того, что у вас не слишком теплые отношения... Значит, нормально, что ты им не звонишь. А завтра я отправлю им твое письмо, что даст нам дополнительную фору.

Я закрыла глаза. Снова мгновенно провалившись в сон, я очнулась лишь тогда, когда кто-то принялся трясти меня за плечо.

С трудом разлепив веки, я не сразу сообразила, что за мужчина рядом со мной в машине. И что за машина, в которой я нахожусь. А когда сообразила, мне сразу стало неуютно, одиноко и горько.

– Чего тебе? – недружелюбно спросила я.

– Приехали. Вылезай.

Машина стояла перед пятиэтажкой из серого кирпича. Хотя нет, при ближайшем рассмотрении в доме имелось лишь четыре этажа. Таких в Москве то ли вовсе не существует, то ли мне не довелось увидеть. Но мы были явно не в Москве. Не только дом, но и вся улица с низкими постройками, развороченным тротуаром, сараевидным магазином невдалеке с надписью «ПРОДУКТ» – буква «Ы» отвалилась и висела верх тормашками, – все это говорило о том, что мы находимся не в Москве.

Роберт вынул мою сумку с одеждой из багажника и направился к двери подъезда – я за ним.

– Ты в моей квартире ничего не взял, кроме одежды?

Роберт обернулся.

– Взял. Все наличные деньги, которые ты с изумительной беспечностью держишь в ящике письменного стола.

– Потрясающе. Украшения не забыл прихватить?

– Я не вор! Я сделал доброе дело для тебя. И, как ты сама убедилась, одежда тебе уже пригодилась, деньги тоже.

– Не вор? А где же ты тогда научился делать слепки с ключей?

– Ну, я в то время еще подростком был... Это не считается.

Я скептически хмыкнула. Роберт посмотрел на меня с верхней

ступеньки.

– Ты девочка из богатой семьи, тебе не понять. А моя семья всегда нуждалась... В начале девяностых все вокруг уже начинали богатеть, и я хотел. Решил пивом торговать, тогда это было доходное дело – по крайней мере для нищего пацана. Однако требовался начальный капитал – сущие копейки на самом деле, однако их тоже где-то нужно найти... И я научился у одного дворового ловчилы шарить по карманам в транспорте. Но это было опасно и мало доходно. И тогда я с другим своим приятелем, ровесником, – нам по тринадцать было! – разработал план. Мы вычисляли более-менее обеспеченного человека, начинали следить за ним, – и как только он оставлял сумку (женщина) или куртку (мужчина) без присмотра, мы делали слепок с ключей. У дружка дядя слесарем работал, он нам объяснил, что нужно для слепка: металлическая пластина, обычный пластилин и немножко подсолнечного масла. Ну, еще целлофановый пакет. Мы быстро насобачились укладываться в минуту. Затем дядя по слепку изготавливал ключи – и все, мы уже в квартире! Не брали ничего, кроме налички. Цацки там всякие, технику, шубы, – нет, это нам не нужно было. Только деньги, чтобы партию пива купить на перепродажу... Потом дело пошло, и больше я никогда ключи не крал. И не смей называть меня вором!

– Да я и не называла... – пожалала я плечами.

Мы поднялись на второй этаж. Он нашарил на дверной притолоке ключ и отпер квартиру.

Она оказалась однокомнатной, с маленькой грязной кухней. Пустые бутылки из-под водки и пива толпились возле батареи отопления, в раковине горка грязной посуды, на столике крошки, которые спокойно смаковали тараканы, ничуть не опасаясь пришлых людей. Ручные, наверное.

В небольшой комнате основной мебелью являлись стол и раскладной диван с мятым, несвежим постельным бельем.

Только сейчас я осознала, до какой степени комфорт – включая эстетику и чистоту – жилища являлся для меня нормой. С папиными доходами наша семья никогда ни в чем не нуждалась: у нас всегда была большая и красивая квартира, которую ежедневно убирала домработница. Когда родители переселились в загородный дом, оставив московское жилье мне, домработница убирала квартиру дважды в неделю, – но этого достаточно. У меня всегда было просторно, уютно и чисто. Я не просто к этому привыкла: я с детства росла с убеждением, что жизнь так устроена. Комфорт был естественным, как деревья за окном.

Разумеется, я знала, что многие живут в бедности, иные в грязи,

в антисанитарных условиях, – телевидение неустанно демонстрировало «изнанку жизни», – но знание это было умственным, не пережитым лично. И оно не меняло моего ощущения комфорта как данности природы.

И вдруг некие силы вырвали меня из привычного мира и перенесли сюда, в запущенную и тесную квартиру незнакомого алкаша.

Я глянула на Роберта. Его лицо ничего не выражало, но все-таки тень безгливости пробежала по нему легким облачком.

– Будет разумнее сначала поспать... не раздеваясь, – произнес он. – А потом, уже перед уходом, принять душ и переодеться в чистое.

Спать здесь, даже в одежде, было немыслимо. Касаться щекой этой грязной подушки? Укрываться этим вонючим одеялом?

– Может, у него есть чистое белье? – неуверенно спросила я.

Роберт пожал плечами. Затем открыл одну дверцу в стенном шкафу, другую...

– Есть. Только не глаженное.

– Без разницы, лишь бы стиранное. Можно я постелю?

Он кивнул и ушел в туалет. Я занялась сменой постели, неожиданно осознав, что диван здесь один. Двухместный. И как же мы...

– Ты ложись у стенки, – появился Роберт, вытирая руки, – и забери одеяло себе. Мне оно не нужно.

– А не мог бы ты... – я заговорила робко, опасаясь, что мой вопрос он сочтет за наглость, – не мог бы ты принять душ? От тебя плохо пахнет, извини... Нам все-таки рядом спать придется.

– У меня нет свежей одежды. – Он вроде не обиделся. – Хотя...

Роберт открыл шкаф своего приятеля, покопался и вытащил оттуда мятую, но чистую пижаму.

– Если ты тоже захочешь принять душ, то у тебя в сумке есть смена, – сообщил он.

– Я не так давно ношу эту одежду, – напомнила я ему: ведь я переделалась после того, как он сделал фотосессию моего «трупа». – Она еще достаточно свежая.

В походных условиях следовало обходиться разумным минимумом: ведь грязную одежду негде пока постирать.

Роберт кивнул, – мол, дело твое.

– Иди, я после тебя, – махнул он рукой на дверь совмещенного санузла.

Я отправилась в указанном направлении. Сан-узел, по счастью, оказался несколько чище, чем рисовало мое воображение. Вымыв руки (отдельное спасибо за жидкое мыло, не пришлось пользоваться каким-

нибудь грязным обмылком), я вытерла их туалетной бумагой – дабы не прикасаться к замусоленному полотенцу – и вернулась в комнату.

Роберт был занят... Глазам своим не поверила! Он гладил пижаму! Выковырял откуда-то старую гладильную доску без ножек, пристроив ее между спинкой стула и столом, и гладил белье! На краю уже сложилась небольшая стопочка: помимо пижамы, белая футболка, ситцевые трусы...

– Это я себе на завтра, – поймал он мой удивленный взгляд. – После душа хочется влезть в чистое.

Он закончил, выдернул штепсель утюга из розетки, сложил стопку на стол, убрал гладильную доску за шкаф.

– Ложись. Я пойду помоюсь.

Он взял пижаму и направился в ванную.

Я забралась на диван, придвинулась к стене, натянула на себя одеяло, старательно подоткнув края под себя, и провалилась в сон, будто в полынью, коварно поджидавшую меня под хрупким ледком реальности...

Когда я проснулась, к окну уже прилепились сумерки. Мне понадобилось время, чтобы сообразить, где я и что со мной произошло. Но как только память добралась до «могилки», я категорически отказалась ей верить. Это мне приснилось! – решила я. Ведь такого не может быть, не может, не могло случиться со мной!..

Я обвела глазами комнату. И она будто молчаливо покивала мне с вредной ухмылочкой: может, о, еще как может!

Вот же хрень какая. Рассказать кому – не поверят!

И тут память моя, проснувшись окончательно, шепнула: никому ты больше ничего не расскажешь. Ты должна исчезнуть. Больше у тебя нет родных, нет друзей – БОЛЬШЕ У ТЕБЯ НИКОГО НЕТ.

Стало тоскливо, страшно. Да, а к тому же я сама должна придумать, как половчее лишить себя всего и всех! Будто заправский садист уготовил мне пытку, и вдобавок заставил изобрести, как именно меня сподручнее пытаться!

В глазах стало мокро. Я давно разучилась плакать, еще в детстве. Дети ведь плачут для мамы с папой. Чтобы призвать их на помощь. Чтобы прибежали, помогли, пожалели. Подули на разбитую коленку, прижали к себе, утешили. Но ко мне никто никогда не прибегал. Папа был всегда – всегда-всегда! – на работе. А мама – она занималась собой. Вела светскую жизнь, посещала какие-то вернисажи, концерты, спектакли, для чего – и это как раз было самым главным моментом ее дня – долго наряжалась, делала макияж, пропадала в салонах-парикмахерских... Когда я подросла, парикмахерши и маникюрши уже стали приходить на дом. И мама была

всегда занята: она не могла пошевелиться. Руки ее были в плену у маникюрши, голова – у парикмахерши, а мысли... Они были далеко от меня. На мой плач бежала няня, позже гувернантка, – но не они мне были нужны, не их я звала, не для них я плакала...

И я перестала плакать.

Мама этого не заметила. С возрастом в отряд бойцов на фронте ее красоты вступили разного рода косметологи, и мама вечно лежала под салфетками, примочками, припарками. Еще чуть позже в ее боевой арсенал оказалась включена эстетическая хирургия. После разного рода пилингов и подтяжек на нее было страшно смотреть... Но мне к тому времени уже стало совсем безразлично, чем занимается моя мать. Поскольку занималась она, во всех случаях, не мной...

Неожиданно я осознала, что Роберта в комнате нет. Заглянула на кухню: и там пусто. Прислушалась у двери ванной: тихо. Куда-то усвистел. Тем лучше. Он успел надоесть мне до чертиков.

Я подошла к окну. Темные скелеты деревьев, с которых ноябрь стряхнул последние клочья плоти, бились костлявыми ветвями на ветру. На крыше дома напротив мерз черный кот. Он сидел неподвижно, безнадежно, не ища укрытия, – будто знал, что укрыться ему негде... Как моей душе.

Внутри поднялась обжигающая волна отчаяния. Надо что-то делать, надо бороться, надо спастись!

Ох. Чушь какая. Я даже рассмеялась. С кем тут бороться? Как тут спастись? Ты попала, дорогуша, «в запиндю», как выразился один из персонажей Чехова. Так что сиди и не дергайся, иначе лапа в капкане останется...

Я вдруг почувствовала голод. Хотелось есть, хотелось чаю. Или кофе.

Включив свет, я открыла шкафчики на кухне, холодильник. В шкафчиках обнаружился растворимый кофе, сахар и баранки. В холодильнике, кроме заплесневелой сметаны и высохшего куска сыра, не наблюдалось ничего, однако в морозилке нашлась упаковкапельменей.

Все это я не любила. Мне бы сейчас хороший кусок мяса со свежими овощами, бокал красного вина, затем эспрессо... Можно даже с пирожным... Но куда за этим идти? Я не знаю города, к тому же деньги мои теперь у похитителя. Я еще должна радоваться, что не убийцы. Жизнь мне дарована, да, но в обмен на исчезновение...

Исчезнуть. Как? Куда? У меня по-прежнему не было ни проблеска идеи. Без паспорта на работу не возьмут, – что, мне бомжевать теперь?!

Я приготовила себе еду – то ли поздний обед, то ли ранний ужин.

Пельмени, чашка дурного кофе с ложкой сахара. Было невкусно – я почти все выбросила в туалет, – но что-то я проглотила, и чувство голода, по крайней мере, отступило. Включив телевизор, я некоторое время щелкала пультом, но не смогла сосредоточиться ни на одной передаче. Моя собственная история оказалась покруче любого вымысла.

Я все пыталась проникнуть в тайну: кому понадобилась моя жизнь? Чем и кому я помешала? Может, мой единокровный брат – сын папы от первого брака – решил меня устранить, чтобы получить все наследство единолично? Точнее, не единолично, поскольку есть еще папина жена, то есть моя мама, и она законная наследница, если что... К тому же у папы крепкое здоровье, умирать он не намеревается, и как-то странно представить, что именно сейчас мой братец озаботился вопросами получения наследства...

В детективах говорят: ищите, кому смерть данного человека выгодна. Но я, перебирая всех своих родственников, друзей и знакомых, не находила ни одного заинтересованного в моей смерти лица.

Мечь? Но за что? Я такая никчемная и неинтересная, что даже парня ни у кого не увела. Никому подножек не ставила, ни карьеру, ни жизнь ближнему не ломала. Да и то, бороться за место под солнцем мне не пришлось, пихаться локтями нужды не было: папа всё устроил. Ревность? Она тем более исключается. Откуда взяться ревности, если у меня нет любви и мужчины нет...

Ночь уже хозяйничала в городе. Я сидела у окна, не зажигая света, и смотрела на дорогу. Но Роберт все не появлялся. Промелькнула мысль: а не бросил ли он меня тут одну?

Нет, ответила я себе. Пока у нас нет убедительного плана, каким образом можно оставить меня в живых, при этом создав полную иллюзию моего исчезновения с лица земли, – никуда он не денется. С него спросят «работодатели», строго спросят. Как он сказал? Если хоть где-то мелькнет «шерстинка с моего хвоста»... то несдобровать не только мне, но и ему.

Неожиданно в двери повернулся ключ. В прихожую ступил какой-то мужчина. Я замерла, вглядываясь. Хозяин вернулся?

Щегольски одет – кожаная куртка на меху, дорогой шарф, – побрит, причесан, запах хорошего парфюма... Батюшки, да это же...

Роберт? Неужели он?

Роберт вошел в комнату, щелкнул выключателем.

– Ты чего в темноте сидишь?

Я поморгала: свет ослепил меня на секунду.

О, он даже маникюр сделал! Я заметила, потому что Роберт обхватывал руками несколько пакетов, и ногти, аккуратно подстриженные, чистые, подпиленные, – оказались на виду.

– Что, получил гонорар за работу? – ехидно проговорила я. – Заказчики поверили, что ты меня убил и закопал?

– Помоги мне! – произнес он вместо ответа, направляясь на кухню.

Он бухнул все пакеты разом на стол, и мы принялись их разбирать. Свежий хлеб, овощи, нарезки колбасы, сыра, копченой рыбы. Кроме того, одноразовые тарелки-вилки-ножи-стаканы. Красное грузинское вино. И даже бумажная скатерть с салфетками!

– Трогательная забота, – произнесла я. – Не ожидала. Приятно удивлена твоей щедростью.

– Блин, вот же дура. «Приятно удивлена» она! Я ведь тебя предупредил: всё на твои деньги! Да, я получил вторую часть гонорара, но я не могу его тратить, мне эти бабки позарез нужны!

Ах да. Ах, извините. Вы так любезны. Вы так неплохо живете за мой счет. Тьфу.

Роберт сделал вид, что не заметил гримасу презрения, скользнувшую по моему лицу, которую я и не думала скрывать. Я довольно непосредственна и никогда не считала это недостатком. Возможно, жизнь моя складывалась слишком благополучно? И мне не приходилось бояться, что, к примеру, начальник уволит меня за откровенное выражение недовольства? Потому что мой отец возглавлял нашу никчемную контору?

Наверное. Да теперь какая разница... Теперь ни конторы не будет в моей жизни, ни папы...

Удивительное дело, – даже стыдно признаться самой себе, – я не испытывала особой горечи при мысли, что больше не увижу семью. Да и по друзьям я не слишком убивалась. Старые дружбы развалились, когда отец получил пост, – все славные и бескорыстные друзья-подружки превратились вдруг в просителей. Застенчивых или беззастенчивых, линия поведения мало что меняла. Да, конечно, беспардонность неприятна, деликатность милее, – но по большому счету для всех них я перестала быть подругой. Перестала быть вообще личностью. Я превратилась в один большой сосок на дойном вымени, к которому все норовили приложиться. Кто пихаясь, кто пуская жалобную слезу.

Один-единственный человек не участвовал в дойке: Вера, давняя моя подруга, со школьных лет. Она поступила ровно наоборот: она почти исчезла с моего горизонта. Чтобы не мозолить глаза, наверное, среди тянущих просящую руку... А я за суетой не то чтоб не заметила, но не

придала значения. Не поняла.

Зато именно сейчас – при мысли, что я больше никогда Веру не увижу, – мне стало особенно грустно. Только поздно. Я против воли перелетела на другую линию жизни – ту, где всё начинается сначала. Ту, где лица, люди из моего прошлого должны раствориться в сумраке времен...

Роберт решил не усугублять наметившийся конфликт.

– Я страшно голоден! – весело произнес он. – Можешь заняться овощами? Помыть-порезать? А я пока накрою на стол.

Он ушел в комнату, а я осталась на кухне и принялась мыть помидоры, перцы, огурцы. Затем их нарезала, разложила на две пластиковые тарелки (на одной не поместилось) и понесла в комнату. А войдя, поразились: красная бумажная скатерть придавала не только столу, но и всей убогой комнате праздничный вид. На тарелочках, пусть и пластиковых, лежали разнообразные нарезки, а в картонных стаканчиках уже темнело вино. И главное, посреди столика возвышался белый конусообразный столбик зажженной свечи, воткнутый в тяжелый подсвечник из синего стекла в виде звезды.

– Мы что-то празднуем? – хмуро спросила я, пристраивая овощи к остальной снеди.

– О да! Давай-ка чокнемся.

– Ага, а звон хрусталя я могу сама озвучить: дзинь-динь-динь...

– У тебя отлично получилось, – не смутился Роберт. – За успех нашего плана!

– А у нас есть план?

– У меня есть. Сейчас будет и у тебя. Пей, зануда.

Я выпила и принялась есть. Учítывая, что моя недавняя трапеза досталась по большей части канализации, я ощутила прилив голода и уминала деликатесы с большим аппетитом, который не испортили даже странные и безрадостные события, произошедшие за последние сутки моей жизни.

Роберт подлил вина в стаканчики.

– Ну что, готова к приему информации? Учítывая, что прием пищи уже состоялся?

– Он еще не состоялся, он в процессе, – пробормотала я, жуя. – Передай мне хлеб, пожалуйста.

– Ладно, скажешь, когда будешь готова слушать, – не без недовольства ответил Роберт.

Видимо, он свою идею находил такой потрясающей, что ему не

терпелось поделиться со мной. А может, и похвалу услышать.

– Да рассказывай же. Я могу кушать и слушать одновременно.

– Надо говорить «есть». Меня жена всегда поправляла.

– Флаг тебе в руки, вместе с женой. А мне нравится слово «кушать».

Так что там у тебя?

– Боюсь, поперхнешься.

Он наверняка имел в виду, что от восторга.

– Что, идея несъедобная? – вредно хмыкнула я, сделав глоток вина.

– Теперь я понимаю, почему ты живешь одна. Такой характер, кто же выдержит!

– А у тебя, по всей видимости, любящая жена и ожерелье из детишек.

Оттого-то ты так вонял еще сегодня утром.

Я ничего не успела понять, как вдруг он привстал со своего места, потянулся ко мне и шлепнул меня тыльной стороной кисти по губам. Довольно чувствительно шлепнул, нижняя губа треснула.

– Поганый у тебя рот, – прошипел он, садясь.

– Именно так поступают настоящие мужчины, – произнесла я, промокая губу салфеткой и рассматривая след от крови. – Вот поэтому, наверное, в тюрьмах и сидят.

Он снова замахнулся, глядя на меня с неожиданной ненавистью. Но на этот раз не ударил, а всматривался в мое лицо. То ли пытался понять, что я за сволочь такая, на его больную мозоль наступать, когда он организовал мне тут чуть ли не Новый год; то ли хотел убедиться, что я достаточно испугалась и на этот раз заткнусь.

Я сделала «ясный взгляд» – такой невинно-детский, я умею, – и похлопала ресницами.

– Не бейте меня, дяденька, – произнесла я жалобным голоском, – я исправлюсь!

– А ты изрядная дрянь. – Он опустил на табуретку. – Если бы я сразу понял, может, не стал бы тебя жалеть.

– Вы сказали, сударь, что руки пачкать не желаете. Так что характер мой здесь ни при чем. Все дело в ваших моральных принципах. А принципы не зависят от объекта их приложения. Если, к примеру, придерживаетесь заповеди «не убий», – то ни хорошего человека нельзя, ни последнюю гадину, – серьезно ответила я, а он уставился на меня, пытаясь понять, ерничаю я или в самом деле пустилась в философию.

Некоторое время в комнате висела неудобная, тягостная тишина.

Сказать по правде, я понимала, что Роберт и сам находится в странном и трудном положении и что он по-настоящему радовался своей идее, когда

вернулся, – а я ему весь кайф обломала... По большому счету, мы с ним как глухой со слепым: у каждого своя проблема, своя инвалидность, своя боль. Свел нас случай, и не его вина, что кому-то понадобилось меня убивать...

В общем, я решила, что веду себя неправильно. Нам не ссориться надо, а скооперироваться.

– Подлей мне вина, пожалуйста, – примирительно произнесла я. И, когда мой картонный стаканчик наполнился, подняла его. – Давай, за твою идею. Дзинь-дзинь.

– Ты ее еще не слышала, – хмуро отозвался он, но все-таки со мной чокнулся.

– Так расскажи.

АМНЕЗИЯ. Вот в чем заключалась его идея: я должна притвориться беспамятной! Где была, откуда пришла-приехала, как меня зовут да где прописана – все подробности испарились якобы из моей памяти!

– Ни паспорта нет, ни денег, ни телефона, и даже сумочки нет, – объяснял Роберт, – ничего, что могло бы указать на твою личность, не имеется! Очнулась на краю леса, – а как туда попала, бог весть. Побрела к городу, нашла полицию, обратилась. И придется им куда-то тебя пристроить на ночлег, и накормить – к социальным службам обратятся, наверное, – и документ какой-нибудь выдать, хотя бы простую справку на первых порах. Они будут уверены, что вскоре кто-нибудь из семьи объявит тебя в розыск, и тогда они спихнут тебя с рук, – но выйдет облом, не зря же мы столь дальновидно письмо родителям написали! Я его, кстати, отправил... Тогда полиция растиражирует твой портрет и разошлет по своим каналам, – но кто сможет тебя опознать на этих самых каналах? Ты ведь не преступница, чтобы вешать твоё фото на стенде «Их разыскивает полиция»... К тому же твоя внешность претерпела изрядные изменения. Разумеется, ты станешь их головной болью, и они будут надеяться, что память к тебе вот-вот вернется, – но увы, этого не случится. И тогда придется им заняться тобой более основательно: пристроить на работу, дать какое-то жильё... И потихоньку твоя жизнь наладится под новым именем и на новом месте!

Роберт умолк на торжествующей ноте. Он смотрел на меня, как ребенок, прочитавший стишок и ждущий одобрения. Я аж умилилась.

– Ну как? – не выдержал он.

– Очень хорошая идея, – ответила я. – Просто гениальная, честное слово! Но все-таки есть в ней один изъян... Амнезия приключается с человеком либо от физической травмы, либо от душевной, а чаще от

обеих сразу. Полиция меня тут же направит к врачам на обследование, и те начнут искать следы этих самых травм... Если не найдут, заподозрят обман.

– Хм. Я об этом не подумал... Я читал, что причины амнезии столь разнообразны и механизмы ее до сих пор не ясны...

– Это так, но в том смысле, что не все же люди теряют память, испытав сильное потрясение. Однако потрясение наличествовать обязано.

Роберт не ответил. Мне показалось, что его разум осенила своим крылом догадка, как выйти из положения, – как и меня, конечно. Решение очевидно: придется ему меня хорошенько избить. А то и изнасиловать... Но он ничего не сказал. Я тоже. Озвучивать этот единственный выход из положения никому из нас не хотелось – каждому по своим причинам.

Вино в бутылке почти закончилось, Роберт разлил последнее по стаканчикам.

– Ладно, у нас еще есть время, – произнес он. – Я, конечно, надеялся, что завтра уже буду свободен... Я наметил кое-какие дела, надо поскорее жизнь восстанавливать... Но останусь с тобой еще на день. Мы что-нибудь придумаем.

– «Жизнь восстанавливать...» – произнесла я. – Ты и вправду сидел в тюрьме, что ли?

Он кивнул.

Я не стала приставать с вопросами. Но он сам заговорил через некоторое время:

– Мне дали шесть лет за непредумышленное убийство. Но выпустили досрочно за хорошее поведение. – Он улыбнулся краешками губ.

– Непредумышленное?

– Задавил человека... Был в кабаке, за городом, но пил мало... Я играл. Там подпольное казино. Я почти не пью за игрой. В тот день не повезло, проигрался, а уже и так был в долгах, – ну и настроение упало ниже плинтуса. Решил ехать домой. Когда со стоянки выезжал, подал назад... А там один чудила нужду справлял. Я его не заметил, света было мало, да и кому же в голову придет, что за твоей машиной кто-то пристроился... Как собака, чесслово, на мои колеса ссал. Но когда я увидел, что эти самые колеса с ним сделали... Никогда не забуду того кошмара.

Он закусил нижнюю губу, будто хотел приструнить свое лицо, не пустить на него гримасу ужаса и отвращения. Затем вдруг поднялся и направился к вешалке, где висела его новая светло-коричневая куртка. Он снял ее с крючка, а под ней обнаружилась сумка-планшет на ремне, также новая. Я не обратила на нее внимания, когда Роберт вошел, поскольку он держал в руках объемные пакеты. Сунув руку в сумку, Роберт вытащил из

нее бутылку коньяка «Хеннеси».

– Давай еще по маленькой?

Эту бутылку он явно купил для другого случая и другого человека, но сейчас, когда принялся откровенничать со мной, решил ее откупорить.

Я кивнула. Я тоже была совсем не против выпить еще. И даже напиться, если получится. Напиться и забыться.

Роберт сходил на кухню и некоторое время возился там. Когда он вернулся, в руке у него были две мокрые водочные стопки – мыл их, видимо.

– Вино еще куда ни шло, но пить приличный коньяк из картонок... – улыбнулся он.

– Да уж, – согласилась я.

Он наполнил стопки и, не чокнувшись, опрокинул свою в рот, будто не коньяк хороший пил, а водяру.

– У меня такое чувство, – заговорил он вновь, – словно я, решив не убивать тебя, искупаю грех... Тюрьма – не искупление, нет. Наказание – да. Но ни совести, ни душе не помогает. А вот доброе дело, оно душу как-то облегчает, что ли...

Он хотел что-то добавить – сделал вдох, но явно не находил слов.

– Я понимаю, Роберт, не напрягайся.

– Кажется, иногда ты бываешь милой... Хотя характерец у тебя тот еще. Я бы с тобой ни дня не прожил. Да ладно, не имеет значения, я и не собираюсь... Давай выпьем. За то, чтобы все хорошо закончилось. У каждого из нас.

– А как вышло, что тебя наняли убить меня? – Я чокнулась с ним, надеясь, что алкоголь уже достаточно расслабил его, и он скажет мне правду.

– В тот день... Это когда было? Позавчера, что ли... Столько всего произошло, я счет времени потерял. Я в тот день только вышел из тюрьмы. Ни денег, ни жилья. Жена развелась со мной, пока я сидел. Не из моральных соображений, конечно, а потому что удача от меня отвернулась... Я перестал приносить деньги – и сразу стал ей не интересен... Я много заработал в девяностые и в двухтысячные, очень много. И без криминала – ну, без крови в смысле. Криминал-то был тогда на каждом шагу, куда ни плюнь... Но мне руки пачкать не пришлось, и меня никто не тронул. Я умел ловко договариваться и правильно делиться с нужными людьми – бабки текли рекой. Мне удалось сколотить нехилое состояние. Благодаря которому последующие годы развивал бизнес и приумножал доходы. Как все вокруг тогда, я круто гулял, а особенно

любил отрываться в казино в одном московском пригороде... Там и ресторан был шикарный, и стриптизерки хорошенькие, и игра горячила кровь. Все тогда играли, это считалось признаком успешности. Я и не заметил, как подсел на покер и рулетку. Да я не дергался: бабок у меня было немерено. Проиграл – подумаешь, завтра выиграю! Вроде какой-то баланс существовал поначалу. Потом пошла черная полоса. И однажды я осознал, что мне больше нечем платить за долги. Я еще пытался отыграться – надеялся, что удача вернется ко мне. Хотя в тюрьме – там времени для размышлений много... – я понял, что в казино меня намеренно обчищали. Оно уже давно стало подпольным, ведь их в Москве и области запретили, – дела у них тоже шли не шибко хорошо. Кто-то их крышевал, но требовал большой отдачи. А что им стоит подкрутить-подвертеть свои автоматы да нанять в крупье фокусников...

Роберт потянулся за бутылкой и подлил нам коньяку.

– Короче, – продолжил он, – наступил день, когда откупаться стало нечем. Даже тачка моя, навороченная «бээмвэшка», ушла за долги, пришлось на машине жены ездить. А когда я сел, то они и особняк мой на оплату долгов пустили. С бывшей женой как-то сговорились, и всё ушло с молотка, – а я в него несколько миллионов долларов вбухал, между прочим... У меня ничего не осталось. Сам виноват, знаю. Теперь уже и непонятно: как я мог так прочно подсесть на игру? Как на наркоту, честное слово...

– Такое со многими случалось. «Игрока» Достоевского, к примеру, читал?

Роберт покачал головой.

– Так почитай. Там все описано, весь ад зависимости. После этой книги больше никогда не сядешь за игорный стол.

Роберт неопределенно махнул рукой, что могло означать «когда-нибудь почитаю».

Я давно заметила: люди, у которых нет привычки к регулярному чтению, воспринимают совет почитать книгу примерно так, как если бы ты им посоветовал поднять с ходу стокилограммовую штангу.

– Извини, что отвлекла тебя, – поспешила я вернуть разговор в интересующее меня русло. – Ты рассказывал, как вышел из тюрьмы...

– Да. Выйти-то вышел, а куда податься, не знал. У меня раньше была репутация талантливого бизнесмена, все хотели со мной иметь дело, – ну, до того, как я всерьез подсел на игру. И у меня остались друзья, которые могли бы помочь заново войти в бизнес. Но я должен убедить их, что изменился, что мне можно доверять, что больше я в казино ни ногой, что

деньги на ветер не спущу...

– Так их теперь совсем нет, все закрыли, даже подпольные. Я в новостях слышала, уже давно.

– Ох, и глупая ты все-таки, Таисия. Неужели ты и впрямь думаешь, что не осталось подпольных игорных домов? Уж как минимум покер организовать где-нибудь на даче для своих – легче легкого! Но правила такие же жесткие, как и раньше. Карточный долг – это приговор. Ни смягчению не подлежит, ни отмене. Именно поэтому для меня важно, чтобы старые дружбаны поверили: я завязал. Ну вот, брел я по бульвару, весь в своих мыслях: раздумывал, как бы мне бабки достать, чтобы для начала хоть прикид сменить. Ведь в таком виде – ты меня видела вчера – соваться к приличным людям никак нельзя. В какой-то момент меня обогнала девушка, – это была ты, но я на тебя внимания не обратил, ни к чему мне в тот момент были девушки. Не прошло и двух минут, как меня обогнали два лба. Сначала они ушли вперед, а потом притормозили, оглянулись и принялись меня рассматривать. Затем спросили, не хочу ли я заработать денег. Я, разумеется, хотел. И мне указали на тебя, предложили проследить за тобой. Дали задаток, а паспорт мой отобрали, чтобы я никуда не делся невзначай. Написали на бумажке номер, по которому звонить, чтобы получить остальные деньги. Но я объяснил, что у меня нет телефона, я ведь только утром из тюрьмы вышел, а мой старый мобильник за это время сдох... И тогда они велели приехать на то же место в одиннадцать вечера.

Вот так я принялся следить за тобой... Припустился тебе вслед и довел тебя до самого дома, только квартиру не смог узнать. Но вычислил ее приблизительно: на третьем этаже вспыхнул свет через несколько минут после того, как ты вошла в подъезд. Думаю, окно было твое...

Роберт снова подлил нам коньяку. Мне показалось, что он чувствует себя немного виноватым передо мной, – теперь, когда я стала не какой-то там безликой девушкой, а конкретной Таисией, с которой его уже кое-что связывает.

У меня возникли вопросы, но я не хотела перебивать Роберта: пусть сначала расскажет всё, а вопросы могут и подождать.

– Я опасался, что мужики меня кинут, – продолжил он. – Но нет, они ждали меня. Позвали в кафе, накормили – что было очень кстати, потому что те первые деньги я не тратил, надеялся кое-какую одежду прикупить, – и водки немножко взяли. Хотя явно не их ранга это кафе, но они шифровались, понятно. Я и сам так делал не раз, когда важные переговоры

нужно было провести, при этом секретные. Шли в забегаловку попроще, где нас никто не мог узнать... За едой они спросили, за что я сидел. Я сказал: за убийство. И тут они мне с ходу, даже не дослушав, предложили девушку – тебя то есть – убрать. За о-о-очень приличную сумму. Я даже удивился. То ли расценки на мокруху в Москве выросли, то ли им крайне важно было от тебя избавиться, уж не знаю. Условие было одно: чтобы никто никогда твой труп не нашел. И я согласился. Но сразу решил, что убивать тебя не стану. Мы обговорили детали, они дали мне новый телефон с приличным фотоаппаратом, велели снимки присылать. Ну, это ты уже знаешь.

– Откуда у тебя машина?

– Они дали. Я сказал, что вывозить тебя нужно на тачке, не на руках же нести через город. Они кому-то позвонили, приехал парень на этой «Тойоте», мне отдали ключи от нее. Сказали, что потом я могу ее просто где-нибудь бросить, она «засвеченная»...

– В каком смысле? – не поняла я.

– На примете у полиции, – пояснил Роберт. – То ли угнанная, то ли в каком-то криминальном деле была замечена.

– Так зачем же они тебе предложили «засвеченную» машину? – удивилась я. – Нелогично как-то: за ней полиция могла погнаться, и задание было бы испорчено.

– На ней номера фальшивые. Так что я мало рисковал.

Я помотала головой.

– У меня такое чувство, что я смотрю фильм. Никак не могу поверить, что всё это не сценаристы придумали, а происходит в реальности... В моей реальности!

Роберт грустно взглянул на меня. Наверное, снова подумал, что я полная идиотка. Но на этот раз обзывать не стал.

– Машина пришлась очень кстати, – продолжил он. – В первый день, когда я только начал за тобой следить, ты вернулась домой на метро. А вот на следующий день ты больше ездила на такси. Не будь у меня тачки, я бы тебя потерял. Вернее, как: я ведь уже знал, где ты живешь, и в любом случае подстерег бы тебя у дома. Но я бы тогда не смог сделать слепок с твоих ключей от квартиры, опередить тебя и сложить сумку с твоей одеждой, поставить ее в багажник... И поджидать тебя у арки. Ты должна была пройти через нее в любом случае: от метро ли шла, из такси ли выскочила. Въезд в твой двор закрыт, я выяснил, там перекопано.

– Мне тебя похвалить за сообразительность?

– Не стоит, я скромный, – не обиделся на мою очередную колкость

Роберт.

Он взял бутылку «Хеннеси» и собрался мне подлить – но я прикрыла свою стопку ладонью. Алкоголь начал немного кружить голову, а я в данный момент намеревалась уложить в нее как следует последовательность событий.

Итак, Роберту поручили следить за мной на бульваре в понедельник, затем...

Стоп! На каком еще бу...

– На каком бульваре ты меня увидел?

– На Страстном. Ты быстро шла к Пушкинской площади, затем вошла в метро, спустилась на зеленую ветку...

Вот как? В понедельник я была на Страстном, верно. У своего психолога... Но к нему неожиданно пришел кто-то посторонний, по важному делу, и я тихонько ушла. Все равно сеанс был сорван.

Но откуда эти парни взялись? Судя по рассказу Роберта, они следили за мной. А потом заметили смахивающего на уголовника мужика и решили перепоручить ему слежку.

– Как ты думаешь, почему они наняли тебя? Почему сами не стали за мной следить, эти двое?

Роберт пожал плечами.

– Похоже, у них были дела поважнее.

– То есть?

– Ну, когда я припустился за тобой к метро, то обернулся на ходу и увидел, что они тоже чуть ли не бегом направились в обратную сторону. К тому же эти парни, они на телохранителей больше похожи, а не на убийц. В девяностые их можно было смело отождествлять, но теперь это совсем разные... – он поискал слово, – касты, так сказать. Телохранители необходимы хозяину постоянно – тогда как убийцы все время в бегах. Какой толк от подобного охранника?

– То есть, по твоему мнению, эти парни не способны никого убить? Поэтому и наняли тебя?

Роберт задумался.

– Нет, тут все сложнее... – проговорил он наконец, – случай на случай не приходится. Охранники в основном бывшие из органов.

Полиция-милиция, разведка, армия или спорт-смены, которые наработали навыки стрельбы в клубах и «обществах». Навыки у охранников есть и стрелять, и убивать; если вдруг придется босса выручать, то сумеют. Но это уже в рамках форс-мажора, так сказать.

Обычно же если задачей является кого-то убрать, то нанимают профессиональных киллеров.

– Тебя послушать, так мир кишмя кишит убийцами! Вот так живешь и не знаешь, что рядом с тобой ходят по улице головорезы!

– Да, милая, именно так, – кивнул Роберт.

Какое приятное открытие. Лучше бы не спрашивала.

Я посмотрела на своего собеседника. Выпитое вино и добавленный к нему коньяк уже делали свое дело: глаза его немного затуманились, приобрели неожиданно мягкое, даже ласковое выражение.

– А почему ты опасался слежки, когда увез меня на машине? Если они так легко наняли тебя, первого встречного, то...

– В том-то и дело. Я опасался, что они спохватятся и примутся проверять, как я выполняю заказ. Они ведь знают и кто я, и на какой машине разъезжаю – сами ее мне дали. В ней вообще мог маячок оказаться... Или, как вариант, они бы подключились к ее GPS-навигатору. Но за нами никто не следил. Видимо, не усомнились в том, что я задание выполняю ради всей обещанной суммы. Я очень талантливо изобразил интерес к ней, – усмехнулся он. – Хотя... Нет, не буду врать, не изобразил. Я проявил настоящий, неподдельный интерес. Прямо-таки шкурный. – Роберт улыбнулся, но кривовато как-то.

– Да ладно, не грузись. У тебя ни рубля не было в кармане, твой шкурный интерес вполне простителен. Главное, ты же не стал меня убивать. Вот это как раз было бы непростительно! – Я ободряюще улыбнулась Роберту.

Надо же, какой совестливый бандит оказался...

Хотя он, конечно, не бандит. Бизнесмен, игрок, неунывающий и несдающийся предприниматель... Неплохой парень, общем-то. И по своему талантливый, надо признать. Как он ловко выкрутился, получив столь необходимые ему деньги, при этом не совершив преступления, не лишив меня жизни... И весьма убедительно выстроив мизансцены в лесу. Получи я такие фотографии, я бы сама поверила, что меня убили!

– Опиши мне их, этих парней.

– Один высокий, худой. Блондин, волосы редкие... Погоди, зачем тебе? Ты ведь не собираешься их искать? Мы с тобой перевернули страницу или, скорее, закрыли старую книжечку. Теперь открываем новую. Тебе без разницы, кто и почему хотел от тебя избавиться, – у тебя задача одна: сделать вид, что от тебя успешно избавились!!! Ты чего, Таисия, ты что удумала? Не понимаешь разве, дурочка, что высунь ты чуть-чуть мордочку из дупла, так тебя за ноздри ухватят и на свет божий вытащат?!

– Понимаю. – Я прикрыла глаза, мне была неприятна его нападка... Однако он был прав. – Это я по инерции. Привычка у меня такая: докапываться до истины.

– Тебе не истина нужна! – вскричал Роберт. – Тебе жизнь нужна, усеки же, наконец!!!

Он вдруг вскочил со своего стула, подхватил меня на руки.

– Ты должна жить, понимаешь? Любить, быть счастливой! Все остальное – по боку, не имеет значения. Ты красивая женщина, Тая... Ты не всё сечешь, но это даже мило, трогательно... – Он склонил свое лицо к моему и шептал эти слова, дыша на меня коньяком. – Ты такая... ты сладкая...

Не окончив фразу, он приник губами к моему рту.

Я обмерла. Вот уж чего-чего, а такого поворота событий я не ожидала. Хотя могла бы, с учетом количества выпитого Робертом, который опустошал емкости в два раза быстрее меня.

– Опустим меня на пол, – произнесла я, едва он оторвался от моих губ. – Опустим, слышишь! – Я брыкнулась.

Он поставил меня на ноги с некоторым недоумением. Мужчинам всегда почему-то кажется, что если у них выиграло в трусах, то у женщины это должно непременно вызвать ответную реакцию.

– Ты действительно не хочешь? – спросил он с обидой.

– Нам нельзя расслабляться, Роберт. А нежность, она расслабляет...

– Говоришь, как матерая разведчица!

– Просто как разумный человек. Завтра нужно очень многое сделать для того, чтобы твоя идея удалась. Купить новую одежду, еще немного поработать над внешностью и...

– Зачем тебе новая одежда? В сумке есть и другие твои вещи, выбирай что хочешь!

– Мы не знаем, с какой степенью дотошности полиция будет устанавливать мою личность, если я примусь разыгрывать амнезию. Они могут подробно описать мои вещи, а поскольку все они весьма недешевые, от известных брендов, то по их описанию меня могут опознать родители или друзья... Не представляю, как полиция будет действовать, до кого дойдут мои портреты и описания, а то и фотографии одежды, – но теоретически меня и в новостях показать могут!

– Что, правда?!

– Только предположение. Мы далеко от Москвы?

– Триста с лишним километров.

– Хорошо, если до центральных каналов не дойдет. Может,

ограничатся местными. Если они тут есть, конечно.

– Тогда мы напрасно все это затеяли... – расстроился Роберт. – Если тебя покажут по телевизору, то смена прически тебя не спасет. Нужно пластическую операцию делать... А это займет несколько недель! Я не могу с тобой столько времени...

– Не унывай, милый, – произнесла я ласково. – Ты ведь меня избьешь, прежде чем отпустить, не так ли?

Он очень медленно, нехотя кивнул.

– Ты ведь сама сказала: нужна травма, чтобы объяснить амнезию... – произнес он, словно оправдываясь.

– Да, сказала. И травма нужна... Налей мне еще коньяку. – Я подождала, пока Роберт наполнит стопки. – Так вот, когда будешь меня бить, постарайся побольше синяков на лицо посадить. И тогда меня еще долго никто не узнает. Чин-чин.

Он помрачнел. Молча выпил. Бить меня ему, со всей очевидностью, не хотелось. Пять лет назад он переехал человека, и зрелище истерзанной плоти до сих пор преследует его...

И мне отнюдь не улыбалось терпеть побои, даже если это нужно для дела. Я не из тех женщин, которые любят, когда им причиняют боль.

Но разве у нас есть другой вариант?!

Было уже два часа ночи. Роберт предложил укладываться на ночлег, я не стала спорить. В голове моей толпилось слишком много мыслей, и толпа эта была столь плотной, что мне не удавалось взглянуть в них по очереди. Но думать можно и лежа.

Он заснул мгновенно, вытянувшись рядом со мной. А ко мне сон не шел: я ведь полдня проспала. Я лежала, глядя в потолок, и пыталась выстроить мысли по порядку. Идея Роберта с амнезией, весьма изобретательная на первый взгляд, имела одно слабое место: в ней ничего не было точного, наверняка. Все только предполагалось, особенно в той части, что мне выдадут какой-то документ и позволят по нему прописаться, устроиться на работу, снять квартиру...

Лишь в двух вещах можно быть уверенной:

– во-первых, полиция попытается установить мою личность – поищут в своих базах мои отпечатки, к примеру, – и найти родственников или знакомых. Мою фотографию опубликуют в газетах, в интернете, а может, и вправду покажут в новостях. Хорошо, если только в местных органах информации, а не по центральным каналам, потому что риск быть узнанной все-таки есть, несмотря на смену прически и побои, которые

должны будут расцветить мое лицо...

– во-вторых, меня наверняка направят на медицинский осмотр, чтобы констатировать травмы. Затем к психиатрам, которые будут так и этак проверять меня на истинность амнезии. Они ничего не найдут – ни опухоли, ни кровоизлияния или иных повреждений мозга, – но я сумею настоять на своем: ничего не помню, и все тут!

С этим более-менее понятно.

А вот что дальше? Допустим, все обойдется, мою личность установить не смогут. И?..

Неожиданно Роберт обнял меня. Кажется, во сне. Я прислушалась: дышит ровно. Точно, во сне.

И? – вернулась я к своим мыслям. Какую-такую справку, как предположил Роберт, могут мне выдать? Удостоверяющую мою личность? Так ее никто не удостоверит: нет документов, нет и оснований. Тогда о том, что у меня амнезия? Но смогу ли я с ней устроиться на работу? Снять жилье?

Рука Роберта вдруг напряглась. Он обнял меня покрепче, прижался всем телом.

– Иди ко мне, сладкая, – сонно прошептал он.

Сладкая. Кажется, первый в моей жизни мужчина, который нашел меня *сладкой*.

Впрочем, возможно, так он называет всех женщин. Он только вышел из тюрьмы, у него несколько лет длилось воздержание, и теперь ему любая покажется сладчайшей.

Я не шевелилась, делая вид, что сплю, – в надежде, что пронесет.

Но не пронесло. Роберт окончательно проснулся, приподнялся на локте, склонился надо мной и принялся меня целовать. Губы у него были мягкие, упругие, и целовался он уменючи.

Он откинул одеяло, и рука его стала пробираться под мою маечку. Я по-прежнему не шевелилась, не зная, как себя повести. Вроде бы ни к чему мне вступать в интимные отношения с этим человеком, но... Сказать по правде, мужчиной он был привлекательным, с хорошей фигурой и породистым лицом – то ли еврейская, то ли кавказская кровь примешалась. Мне были приятны его прикосновения, легкие и бережные, но при этом наэлектризованные желанием до такой степени, что, казалось, положи он просто на меня руку, без всякого движения, – возбуждение все равно потечет по клеткам кожи, по нервным окончаниям, по венам – от него ко мне. Почти тантрический секс!

Я все еще не могла решить, поддаться ли нарастающему влечению, или немедленно остановить Роберта, и потому оставалась неподвижной, как кукла.

– Скажи мне, чтобы я прекратил, – прошептал он мне в ухо. – Что ты не хочешь близости со мной. Что завтра у нас много дел...

– А если я скажу, ты прекратишь? – усмехнулась я.

– Не скажешь, не скажешь. Я ведь чувствую, как ты завелась... Разве не так?

Он дотронулся до моей груди, затем прижал к ней ладони так, что мои соски упирались прямо в середину каждой.

– Но у нас... завтра... действительно... – я уже едва дышала, – много дел... – прошептала я с улыбкой.

Эта улыбка служила последним бастионом – вроде как я не воспринимаю всерьез его ласки.

Но мы уже оба знали, что это не так.

– Тогда... Тогда мне придется тебя изнасиловать, – прошептал он в ответ, целуя мою грудь. – Тебя ведь врачи будут осматривать, искать причину амнезии... – Он взял в губы мой левый сосок, лаская его языком. – Вот они и увидят признаки грубого секса!

По моему телу уже шли волны, сдержать которые я была не в состоянии.

– Так что сопротивляйся, сладкая, сопротивляйся... Это очень способствует необузданной... или как там... разнузданной страсти! – тихо посмеивался он, перемежая слова с поцелуями. – А, вспомнил: *совершению развратных действий*, вот как это называется. – Рука его протискивалась все дальше, все ниже. Все ближе к «точке невозврата». – И мне неудержимо хочется совершить с тобой развратные действия! Так что сожми, пожалуйста, бедра покрепче, окажи посильную помощь насильнику!

Я захохотала, он тоже рассмеялся.

– Это ведь лучше, чем бить тебя по лицу, а?

– Не надо об этом, – попросила я.

Избить меня ему все равно придется, иначе меня могут узнать по портрету. Но сейчас думать о побоях, о боли совсем не хотелось.

Я прижалась к Роберту всем телом, ища защиты от страшных мыслей в его обволакивающей страсти, и ощутила, как две волны, поднимаясь одновременно, сливаются в одну, огромную, мощную. Великолепное соитие наших энергий, опережающее соитие тел.

Магия с грохотом обрушилась, как только я почувствовала

прикосновение его пениса к своему бедру.

– Презерватив! – почти закричала я. – Нужен презерватив, нам нельзя без него! Иначе они найдут следы твоей спермы, а твоя ДНК у них в базе, ты же в тюрьме сидел!

Роберт ругнулся и резко сел на постели.

– Я не ожидал, не думал, что у нас такое выйдет... Не купил.

– Может, у твоего друга где-нибудь припрятан?

Он встал и двинулся по комнате. Хорош собой, ох как хорош! Даже задница хороша – в меру круглая, мускулистая и в меру узкая, прямо-таки идеальная.

Упаковку презервативов Роберт нашел довольно быстро. Она почему-то находилась в ящике кухонной тумбочки, – проникнуть в ход мыслей обитателя этой квартиры нам не удалось. Да и не занимало. Роберт вытащил из упаковки одно колечко и торжественно вручил мне, а сам встал на постели передо мной на колени. Я вскрыла упаковку и принялась осторожно раскатывать резинку по мощному стволу его пениса, жалея, что такая красота вынуждена спрятаться под резинкой... Однако вариантов у нас не имелось. Может быть, когда-нибудь... В другой раз, когда все останется позади... И мы встретимся снова... Тогда позволим себе...

И не мечтай, одернула я свое разыгравшееся воображение. Как только ты отправишься в город, в полицию, избитая, – Роберт вскочит в машину и помчится «восстанавливать свою жизнь»! И никакого дела ему до тебя уже не будет. В той жизни его ждут другие дела. И другие женщины, надо думать.

– О чем ты задумалась, Таинька?

Ух ты! «Таинькой» меня еще никто не называл. Роберт бил все рекорды.

А вот я, похоже, повторяла старые ошибки: размышляла о постороннем в постели с мужчиной. Оттого-то Васька и назвал секс со мной «невкусным»...

– Не надо тревожиться, моя хорошая, не сейчас, – проговорил он, протягивая руки ко мне. – Непростые дни нас ждут, да, но мы справимся, я уверен. Иди ко мне, сладкая, иди сюда, дай тебя обнять...

Может, если бы Васька умел понимать мои тревоги, как Роберт, то не пришлось бы нам с ним расстаться? Нет, я вовсе не скучала по нему, – так, просто делала по ходу некоторые выводы. Например, что не одна я виновата в том, что у нас не сложилось. Это была хоть и беглая, но чрезвычайно утешительная мысль, потому что до сих пор во всем я винила лишь себя...

Роберт притянул меня к себе, нашел мои губы, а руки его подхватили меня под ягодицы. Еще мгновение, и я перелетела к нему на колени... И больше ни о чем не могла думать – только сладострастно стонать и ахать в такт нашим движениям.

Заснули мы не скоро, зато в состоянии полного блаженства. Я слышала, что секс имеет свойство отлично снимать стресс, но испытала его целебное действие на себе впервые. Обняв Роберта, я устроила голову на его груди и провалилась в сон мгновенно.

Однако проснулась довольно скоро. С учетом моего дневного сна я выспалась – даже с перебором.

Тело приятно ныло после бурной гимнастики страсти, а на душе было легко, несмотря на удручающую бредовость моего положения.

Я направилась в душ. Жалко было смывать с себя запах Роберта, запах нашей ночи любви, – но ничего не поделаешь, гигиену еще никто не отменял. К тому же если вдруг в полиции решат провести генетическую экспертизу, то любой волосок Роберта, запутавшийся в моих, станет ему приговором... Хорошо еще, что я о презервативах подумала!

Между прочим... Между прочим, надо бы убедиться, что у них не кончился срок хранения! Ведь с течением времени они теряют эластичность, становятся более хрупкими и могут с легкостью прорваться! Хотя под таким натиском страсти мог лопнуть и новехонький презерватив, – улыбнулась я.

Вернувшись в комнату, я нашла упаковку возле кровати. Отправилась с ней на кухню, притянула за собой дверь и включила свет...

Мамочки, срок хранения закончился аж два года назад!!!

Я вернулась в комнату и тихонько, чтобы не разбудить Роберта, осмотрела постель. Куда он дел использованные презервативы? Я не заметила... Кажется, их было три, – но где они?

Они оказались тоже на полу. Я их собрала и, снова вернувшись на кухню, принялась методично проверять один за другим в поисках возможного надрыва.

И вот.

И вот!

И вот он, надрыв!!!

Во мне поднялась паника. Господи, что же теперь делать?!

Если я обращусь в полицию, то они найдут сперму Роберта!

Кроме того, я ведь могу залететь! Только этого не хватало!

Я вернулась в ванную, с трудом отвинтила головку душа, включила

воду на максимум и направила сильную струю себе вовнутрь. Вода должна вымыть все затаившиеся во мне сперматозоиды...

Вымоет, конечно, никаких сомнений. Ведь для этого и изобрели биде, – женщины в те времена именно так предохранялись от беременности, с помощью мощной струи воды! Так что вряд ли на осмотре найдут следы ДНК Роберта...

Я представила, как будет копаться внутри меня незнакомый гинеколог, брать мазки и пробы... А перед этим Роберт изобьет меня не на шутку... И меня разденут догола, примутся фиксировать и фотографировать все кровоподтеки... (По крайней мере, в кино делают именно так...)

Не хочу!!! Избитой быть не хочу, полиции не хочу, гинеколога не хочу, психиатров не хочу, не-е-ет!!!

...А зачем, собственно, вся эта затея с амнезией? Неужели убийцы примутся меня искать по городам и весям? Да на кой им? Они поверили «репортажу из могилки», который им отправил Роберт, – они заплатили ему оставшиеся деньги и давно уже занялись своими делами, обо мне и думать забыли! И если я поселюсь в этом – или другом – городке под своим именем, со своим паспортом, они никогда об этом не узнают! И шума никакого не будет с показом моих портретов по всем СМИ... Этот вариант ничем не хуже амнезии. Даже лучше. Мы просто перемудрили с Робертом. А все гораздо проще, гораздо!

Когда я вышла из душа, я уже точно знала, какое решение правильное. Двигаясь бесшумно, как кошка, – Роберт крепко спал после хорошей дозы алкоголя и бурного секса, – я оделась, взяла свою дорожную сумку, в которую Роберт столь удачно сложил приличное количество моей одежды, и отправилась с ней на кухню. Раскрыв молнию, я с радостью убедилась, что моя сумочка лежит там, поверх одежды. А под ней, врассыпную, валялись паспорт, водительские права, телефон и ключи от квартиры. Была тут и моя косметичка, туго набитая наличными, которую Роберт взял из моего письменного стола. Не хватало только банковской карточки. Возможно, Роберт забрал ее, считая, что она мне больше не понадобится?

Но ты ошибаешься, милый. Понадобится, еще как понадобится! Я люблю жить комфортно.

Карточка нашлась в новой сумке Роберта. Я ее забрала, прихватив заодно ключи от машины.

На кухне я, присев за столик, быстро набросала записку:

«Роберт, милый, спасибо за все! Я вынуждена тебя покинуть. Один из презервативов прорвался – он тут рядом лежит, сам можешь убедиться, – а это значит, что наш план не сработает. В полицию я обратиться, как ты предлагал, не могу. Иначе медицинский осмотр выявит следы твоей спермы, и тебя очень быстро поймут и снова арестуют, на этот раз как насильника. А это тебе, согласишься, совсем ни к чему.

Не волнуйся, я сама устроюсь, и никто меня не найдет. Не хочу быть обузой, тебе нужно свою жизнь восстанавливать.

Прости, машину я заберу, ты придумаешь, как найти ей замену.

Не ищи меня, переверни страницу, «открой другую книжечку».

P.S. Мне было очень хорошо с тобой прошлой ночью. Я, быть может, позвоню тебе, когда все утрясется».

Выключив звук на своем телефоне, я набрала на мобильном Роберта свой номер. Теперь у меня имелся его входящий – я написала правду: я смогу ему позвонить.

Тихо открыв дверь квартиры, я выставила свою дорожную сумку на лестничную площадку. Вернулась, посмотрела на Роберта: спал, зайчик, безмятежно. Расстроится, когда проснется... Но ничего не поделаешь.

Я вышла на лестничную клетку и осторожно притянула за собой дверь, оставив за ней не только приглянувшегося мне мужчину, но и всю мою прежнюю жизнь.

Сейчас, вот с этого самого первого шага по лестнице, у меня начнется новая. Я ведь мечтала о новой жизни, разве не так? Ну вот, мечты сбываются.

ЧЕТВЕРГ

Я не сразу приновилась к довольно большой – по сравнению с моей – машине. Поездила по спящим улицам, привыкая. Но «Тойота» оказалась послушной, управлять ею было совсем не трудно, и вскоре я смело выехала на шоссе.

Я долго рулила, поглядывая на незнакомые названия населенных пунктов в навигаторе, ища городок посимпатичнее. И побольше – в таком

легче затеряться. Наконец мне приглянулся один. Он был опрятным, здание театра радовало глаз свежим ремонтом, фасад мэрии украшали хризантемы. Оставив за собой центр города, я двинулась в сторону окраины и некоторое время ездил по улицам в поисках скромного, но приличного кафе. Мне требовался завтрак, но, самое главное, тихое местечко, где я смогу спокойно додумать свою идею. Я была уверена, что решение приняла правильное, но оставалось осмыслить детали и нюансы.

Подходящее кафе вскоре нашлось. Внутри чисто, пахнет вкусно. Я уселась за столик у окна, заказала омлет с ветчиной, свежевыжатый морковный сок и кофе.

...Сомнений нет: затея с амнезией только бы привлекла ко мне повышенное внимание. Тогда как тихо пожить здесь со своими «родными» документами и банковской карточкой (расставаться с которой мне отнюдь не хотелось!) – подобное решение не несло практически никакого риска. В самом деле, те двое, что заказали Роберту убить меня, уже и думать обо мне забыли. Искать меня им незачем, они «фоторепортажу» Роберта поверили и причитающийся гонорар ему полностью выплатили.

Родители? Я с ними поссорилась, затем написала им письмо – на чем так удачно настоял Роберт. Сумка с одеждой, которую он взял для меня, тоже превосходно вписалась в схему: девушка ушла с вещами, с документами, написав письмо. Явно по своей воле. Никакого криминала. Так что полиция искать меня не станет, даже если вдруг моим родителям взбредет в голову к ней обратиться. Но им не взбредет. Я никогда не была им нужна, а уж теперь и того меньше. Нашу ссору и прощальное письмо они восприняли, без сомнения, как пощечину. В их глазах я неблагодарная дрянь.

Друзья? Если что, они позвонят моим родителям. А папочка с мамочкой им сообщат, что я подло сбежала, не попрощавшись. Не поцеловав их в щечки. Они мне всю жизнь посвятили (ха-ха!), а я, бесчувственная... Ну и тому подобное.

А может, и нет. Папа, вероятно, не захочет распространяться на эту тему. Сочтет, что жаловаться на меня моим друзьям – ниже его достоинства. К тому же подобный финт с моей стороны портит его высокую репутацию – все-таки заместитель министра, человек на виду. Ответит сухо что-то вроде: «Таисия уехала в деловую поездку. Когда вернется, вам позвонит».

Как бы то ни было, друзья получают ответ, который не встревожит их. И потому искать меня никто не станет. Так что я могу поселиться в этом миллом городке навечно.

Оставалась вероятность случайности. Никогда не забуду, как встретила в аэропорту Бостона своего соседа по лестничной клетке! Мы в подъезде-то почти не пересекаемся, – а вот поди ж ты, столкнулись на другом континенте!

Но, если вдуматься, нечаянная встреча с друзьями или знакомыми мне ничем не грозит. Наплету историю о неземной любви, ради которой я все бросила... Они поверят. Уже хотя бы потому, что правду никакое воображение не в силах представить.

Хуже, если случай принесет тех двоих парней, заказавших меня, в этот город. Как знать, вдруг их босс (какая-то шишка, без сомнения) явится сюда с визитом. Но и тут я не слишком опасалась: дикая стрижка радикально изменила мою внешность, а они наверняка помнят девушку с длинными каштановыми волосами...

Иными словами, я почти ничем не рискую. Так что решение приняла правильное!

Я чокнулась стаканом сока с чашкой кофе на радостях.

Было ощущение, что я вырвалась из плена. Нет, конечно, Роберт не держал меня в плену, но он был твердо намерен заставить меня исчезнуть, – ведь он тоже сильно рисковал в случае чего. И поскольку он был лицом весьма заинтересованным, мы бы бесконечно обсуждали методы и способы моего исчезновения. И ссорились бы, не соглашаясь...

Я попросту избежала ненужных споров. Представить только, если бы я приняла его вариант с амнезией: отдать себя на милость полиции и психушки, жить без крова, без денег... Бррр.

А так я осталась при своих документах и к тому же при своей банковской карточке. Ее отслеживать тоже никто не станет – поскольку никто не примется меня искать. Денег на счету предостаточно, и мне не придется наниматься на какую-нибудь дебильную работу.

На меня вдруг нахлынула эйфория: свобода! Я освободилась не только от Роберта – с некоторым сожалением, надо признать, – я освободилась наконец от немилой мне прежней жизни. От удручающих отношений с друзьями, от родительских скандалов, от ненавистной работы, от всех этих папиных «так надо» и «так правильно» – категорически расхоронившимися с моим пониманием, как надо и правильно...

Пока не знаю, с чего я начну эту свою новую жизнь. Разумеется, займусь творчеством, как и собиралась, а там посмотрим на результат. Раскручивать себя – дело непростое. А нанять сейчас кого-то из пиарщиков, с которыми я встречалась, теперь невозможно: меня больше нет, я исчезла из коммуникативного пространства.

Но самое главное, самое срочное, первоочередное дело – это найти тех, кто возжелал меня уничтожить. И узнать почему. А потом как-то разрешить, разрулить эту проблему... Только таким образом я смогу вернуться в свой дом, в нормальную жизнь!

Роберт, к слову, не позволил бы мне этим заняться. Побоялся бы, что я выдам себя. Он не знает, насколько я осторожна и рассудительна, а заверения мои его бы не убедили. Мужчины ведь считают себя умнее женщин, и это не лечится. Так что вот еще один плюс моего побега!

Я расплатилась и вышла из кафе. Мобильный включать нельзя: сразу посыплются звонки. Посему мне требовалось срочно обзавестись новой сим-картой и каким-нибудь компьютером. Ноутбук, нетбук... Или лучше планшет, он не только компактнее, но и может работать через симку. Иными словами, не зависеть исключительно от доступа к сетям wi-fi.

Спросив прохожих, я получила адрес торгового центра и направилась в указанном направлении. Выбралась я из магазинов через час с лишним во всеоружии. Простенький смартфон – все, что мне было от него нужно, помимо прямого назначения телефона, это карты с функцией геолокации. Ну, может, фотоаппарат пригодится, все равно он туда встроен. Плюс к нему планшет с подставкой: не люблю выходить в интернет через смартфон.

«Тойота» моя (ну, не моя, конечно, да неважно, – на какое-то время она стала моей) отдыхала на стоянке коммерческого центра, и я не была расположена искать новую парковку. Посему решила доделать свои дела здесь же. Я поднялась на второй этаж, в ресторанный дворик. Есть не хотелось, но там имелось множество свободных столиков, за которыми можно вполне комфортно устроиться. Я приткнулась за колонной, где меня почти никому не было видно, включила планшет и принялась искать местные сайты с частными объявлениями о сдаче квартиры: надо же мне где-то ночевать. И вообще жить в этом городе какое-то время...

Я читала объявления, звонила хозяевам и наконец остановилась на квартире из двух комнат – одна послужит мне спальней, другая кабинетом. Квартира была довольно дешевой, что меня устраивало: я не хотела привлекать к себе внимания, сняв дорогу.

Хозяйке, Ирине Федоровне, полной женщине лет пятидесяти, с улыбочивым лицом, я представилась начинающей писательницей, которая ищет уединения для работы над романом. Это объясняло – на случай ее повышенного интереса, – почему я нигде не работаю. Учитывая мою

экстравагантную прическу, лучше было бы, пожалуй, представиться художницей, но я ведь не являлась ею в привычном смысле слова. У меня нет мольберта и красок, нет рам и холстов, – а пускаться в пояснения о комиксах было ни к чему. Ничего, писательницы тоже люди творческие – то есть с небольшим (или большим) приветом.

Сговорились мы с Ириной Федоровной быстро – заодно и о том, что она будет убирать квартиру дважды в неделю за отдельную плату, – и я получила ключи в руки.

Во дворе нашлось место для «Тойоты». Ра-зумеется, документов на нее у меня не имелось, но если ездить аккуратно, не нарушая правил, то авось полиция не остановит...

Хм, нет, не годится. Полиция иной раз останавливает без всяких видимых причин. Симпатичная девушка за рулем – это иной раз уже повод. Тем более когда девица носит розовые и зеленые перья на бритой башке. У такой могут и самокрутки с марихуаной обнаружиться в машине... И начнется: ваши права! Ах, у вас их нет... Тогда пройдемте...

Ну уж фигурки. С перьями нужно что-то придумать. Можно, конечно, их перекрасить, но с выбритой половиной головы уже ничего не поделать... Только если совсем наголо постричься?

А что, это мысль. Будет привлекать к себе внимание, несомненно, но все-таки меньшее, чем разноцветные перья. Займусь этим завтра.

Кроме того, в свете вышеизложенных сомнений, придется завтра же заняться и покупкой новой машины.

Я вошла в свое новое жилище. Сбросила сапожки у двери, – надо будет домашние тапочки купить, запоздало сообразила я и отправилась на экскурсию босиком. В квартире оказалось очень уютно – по-старомодному, как в доме моей бабушки. Все удобно, ничего лишнего – никакой «дизайнерской» ерунды. На окнах тюль и плотные шторы, на дощатом полу дорожки в коридорах и ковры в комнатах. В одной из них, что побольше, диван, круглый стол под скатертью с бахромой, над ним свисает с потолка лампа под абажуром; у стенки стоит сервант из орехового дерева (или имитация) с посудой: дешевый хрусталь и фарфор, все, как положено в годах семидесятых или, точно не знаю, шестидесятых... В той комнате, что поменьше, – спальне – вдоль стенки «полуторная» – на полтора человека, потрясающая норма советских времен! – деревянная кровать с лакированными спинками, в изголовье тумбочка с ночником; у противоположной стены пузатый трехстворчатый гардероб, тоже из ореха. Кухня оборудована необходимой мебелью и современной техникой. Везде чисто и немножко пахнет мастикой для пола... Приятный запах,

детство напоминает.

Я разложила одежду в шкафу, сходила в магазин за продуктами, заполнила ими холодильник.

Вот так просто и скромно началась моя новая жизнь.

ПЯТНИЦА

Этот день меня вымотал, к тому же прошлая ночь была почти бессонной, и я рано свалилась спать, с наслаждением ощущая чистоту белья и мягкость постели.

Поутру я проснулась свежей, голова была ясной, как разгоравшийся день за окном. Позавтракав, я села за планшет. Открыла программу Excel – привыкла пользоваться ею на работе – и попыталась разметить пункты. Первый: парочка засекала меня на Страстном бульваре. Значит ли это, что они за мной следили?

Собственно, а какие еще варианты? Что они увидели меня случайно? Не смейте людей, Тая.

Таинька, как назвал меня Роберт...

При чем тут Роберт? Он – перевернутая страница. Или, как он сам выразился, прочитанная книжка. Теперь мы открываем другую, новую. А Роберт остался на страницах старой.

Итак, они шли за мной не просто так. Следили уже давно? Несколько дней? Месяцев?

Глупости. Роберт правильно сказал: я идиотка. Ну, если бы они следили за мной давно – то давно бы уже и убили! Ведь им нужно было меня убить, верно? И больше ничего. Не похитить, не попросить выкуп – а «убрать», как выражаются бандиты.

В Excel мои соображения не укладывались. Тогда я открыла программу Word и принялась просто писать. Хозяйке я сказала, что сочиняю роман, – и вот теперь это похоже на правду: передо мной текстовый редактор, а я набрасываю предложения...

Почему они перепоручили Роберту слежку за мной? А сами умчались в обратном направлении? Я не была их основной целью? Или торопились вернуться к хозяину? Тогда получается, что не по его приказу они решили устранить меня? Иначе бы он ждал, сколько потребуется, пока его псы выполнят работу...

С другой стороны, сначала они Роберту приказали только следить. И лишь спустя несколько часов – убить меня. Как будто не сразу пришли

к такому решению... Что произошло за это время? Или решали не они?

Странно все это. Я не видела ни проблеска объяснения случившемуся. Надо нанять какого-то частного сыщика. Сама я, к тому же на расстоянии, вряд ли справлюсь с подобной загадкой.

Я поискала в интернете. Частных детективных агентств существовало довольно много, но, если верить отзывам (хотя верю я им мало... но все же), самым крутым было агентство «АКИС» – аббревиатура от имени Алексей Кисанов, который и являлся владельцем. Я открыла его сайт, нашла электронный адрес и принялась набрасывать письмо.

Я так долго его писала и правила, пытаюсь изложить все произошедшее со мной, что мозги совсем перестали работать. Объявили забастовку, потребовали передышки. Я решила сделать паузу. Да и то, самое время сходить в парикмахерскую. И заняться поисками новой машины тоже.

Я встала, направилась в прихожую....

Нет. Я не должна сдаваться. Я здесь, в этом городке, не для того, чтобы провести тут всю жизнь, нет, – я здесь скрываюсь, чтобы найти своих убийц! Только поэтому все остальное – стрижка, смена машины и прочее, чем я тут занималась и займусь, – имело смысл!

Я вернулась к столу, решительно открыла новый документ и набросала всего несколько строчек.

«Уважаемый Алексей Андреевич!

Я вынуждена скрываться, потому что кто-то желает моей смерти. Возьметесь ли Вы установить личности этих людей, при условии, что я не смогу пока ни прийти к Вам, ни назвать свое имя? Но я отвечу на все вопросы, касающиеся моего дела. Стоимость Ваших услуг не проблема. О способе оплаты договоримся.

Очень жду Вашего ответа и надеюсь на согласие.

Зовите меня пока Татьяна».

Мое письмо было слишком деловым, – сухим, даже холодным, я понимала. Может, следовало слезу пустить, разжалобить детектива... Но я не умею играть на публику. Никогда этого не делала. И не собираюсь.

Я скопировала текст, вставила в электронное послание и ударом по клавише отправила его по назначению. Затем оделась и вышла в город: у меня там имелись дела. Но я очень, очень надеялась, что, вернувшись,

прочитаю ответ от детектива...
Положительный.

Часть 2

Пятница

Алексей Андреевич Кисанов (для друзей просто Кис) закончил наговаривать отчет для клиента на диктофон.

– Игорь! – крикнул он. – Можешь забрать диктофон. Распечатай отчет к завтрашнему полудню.

Игорь был его ассистентом вот уже несколько лет. Толковый молодой человек, выказавший таланты и к сыску, и к организации учета клиентских дел, и... Талантов у Игоря имелось столь великое множество, что с ходу все не перечислить. А уж кулинаром каким был – что ни блюдо, то пальчики оближешь.

К счастью, он уже вернулся из Канады, где пробыл первые два месяца осени, помогая Кристине, своей девушке, обустроиться в незнакомой стране. Она получила грант по социологии – и вот уехала учиться за океан. Алексей с большим уважением отнесся к желанию Игоря позаботиться о Криске, – но, черт побери, как не хватало ему ассистента!

Ну вот, теперь Игорь вернулся и приступил к работе. Праздник просто.

– Кофейку, Кис?

Игорек, хоть и был намного младше детектива, позволял себе фамильярничать и называть Алексея по дружеской кличке «Кис». Впрочем, это не он себе позволял, – это Алексей ему позволил. Знак принятия в узкий круг друзей, почти посвящение в рыцари.

– Давай.

Перед тем как отойти от письменного стола, Алексей бросил взгляд в электронный ящик, который уже несколько раз извещал о получении почты, пока детектив диктовал отчет. Одно из писем имело тему «от Татьяны». Кис, практически уверенный, что это спам, все же заглянул в текст...

И сел обратно.

– Игорь, кофе принеси в кабинет, – крикнул он в сторону двери. – Тут у меня кое-что любопытное, хочу, чтобы ты почитал.

Спустя пару минут Игорь принес две чашки эспрессо. Они оба были кофеманами и, расположившись рядышком перед монитором Алексея, с удовольствием потягивали крепкий кофе малюсенькими глотками из

малюсеньких чашек.

– А в чем вопрос-то, Кис? – не понял Игорь, прочитав полученное детективом письмо от «Татьяны».

– У меня никаких вопросов нет. Просто решил свериться с твоим ощущением.

– Тоже проблем не вижу. Ну кто станет врать в такой ситуации? Сто пудов, у барышни серьезные проблемы. Она куда-то сбежала и отчаянно боится засветиться.

– Я того же мнения.

– Можем узнать через IP-адрес ее письма, в каком месте она спряталась.

– Зачем? Мы не ее ищем. Мы ищем – вернее, возьмемся искать – тех, кто хочет ее убить.

– Да, точно. Когда выудишь у нее подробности, не забудь со мной поделиться! – усмехнулся Игорь.

Это было чистым кокетством с его стороны: он прекрасно знал, что шеф не обойдет его вниманием.

По правде говоря, Алексей, в большинстве случаев, весьма неплохо справлялся и без Игоря. Он мог бы оставить парня на делопроизводстве – классифицировать папки, писать отчеты и прочая нудятина. Собственно, он и нанимал его как секретаря. Но, с одной стороны, он не хотел парнишку лишать удовольствия заниматься настоящим сыском; с другой стороны, вдвоем веселее. А иногда и полезнее, между прочим. Сообразилка у Игоря на высоте, а его навыки в боевых искусствах иной раз всерьез выручают.

– Пойду печатать твой отчет, – сообщил Игорь.

– Давай, – рассеянно отозвался Кис, перечитывая письмо от «Татьяны».

«Не вижу никаких препятствий для того, чтобы взяться за Ваше дело. Ваше настоящее имя мне пока без надобности. Просто опишите все, что с Вами произошло».

Ответ не заставил себя долго ждать. По словам Татьяны, некто, кого наняли в убийцы, – непрофессионал, случайный человек, решил деньги взять, но ее пощадить. И озаботился лишь тем, чтобы Татьяна хорошенько спряталась. Что она и сделала, забурившись куда-то подальше от Москвы.

При этом добряк (которого зовут Роберт) совершенно не представлял, что за люди охотились за Татьяной. Они его наняли на ходу – оттого что он личиком смахивал на уголовника. Что не случайно, поскольку лишь

с утречка вышел из тюрьмы...

Алексей Кисанов выразил, по-возможности деликатно, опасения, что Роберт этот Татьяну, мягко говоря, дезориентировал. Вряд ли за ней всерьез кто-то охотился, мужик насочинял историю с какой-то целью. Разумеется, Кис не мог принять за чистую монету этого «Робин Гуда», благородного разбойника. Благородство перевелось в наши дни, а уж у разбойников тем более.

В ее ответе содержался, как бы в доказательство, рассказ о том, как Робин Гуд нечаянно переехал колесами пьянчужку, мочившегося за его тачкой. И о том, что растерзанная плоть до сих пор ему снится в страшных снах.

Что ж, теперь это стало похоже на правду... Нормальный человек испытывает отвращение к убийству и ужас перед смертью, да еще такой жестокой. А уж если подобная смерть приключилась по его вине, то тем сильнее удар, неизгладимый шок. Вот почему Роберт вполне мог задаться целью спасти девушку, приговоренную к смерти какими-то ублюдками, чтобы хоть немного облегчить груз, лежащий на душе.

Мало-помалу Алексей добился от своей корреспондентки относительно подробного описания происшествия. В намерениях Роберта он больше не сомневался: копание «могилки» и постановочные эффекты, придуманные доморощенным режиссером, свидетельствовали о том, что угрозы тех двоих он воспринял весьма серьезно. И, оставляя Татьяне жизнь, действительно боялся наказания с их стороны. Боялся не только за девушку – за себя тоже. Потому и старался создать иллюзию ее убийства на совесть.

У детектива мелькнула мысль попросить Татьяну узнать у Роберта номер, на который он отсылал фотографии. Но, с одной стороны, девушка с ним больше не общается; с другой же стороны, невозможно представить, что убийцы оказались настолько простодушны, чтобы дать Роберту номер своего «родного» телефона. Номер наверняка левый, та симка уже давно померла и похоронена. Так что пробивать его – пустая трата времени.

Идея Роберта с амнезией, хоть и позабавила детектива (Татьяна справедливо раскритиковала ее), но тоже показывала, насколько для него было важно и жизнь девушке сохранить, и в то же время затереть ее следы на поверхности земли.

И снова Алексей был согласен с незнакомой Татьяной: она практически ничем не рискует, осев в отдаленном городе средней полосы даже со своими документами. Роберт убедил заказчиков в исполнении

заказа, и они искать ее не станут: в голову не придет.

Так что Татьяна – девица чрезвычайно ра-зумная и с логикой в ладах. Спасать ее не надо, она уже спасена Робертом. И собственным здравомыслием. Но ей нужно вернуться к нормальной жизни. Для чего необходимо найти и обезвредить того или тех, кто заказал ее убийство.

Поразмыслив над прочитанным, Алексей пришел к выводу: те двое были лишь промежуточным звеном. Их странная спешка, небрежность в деле указывали скорее на третьего человека, чью волю они выполняли. Но настолько недобросовестно, что перепоручили работу первому встречному, как ни странно это звучит...

Странно в этом происшествии и другое: они наняли Роберта *проследить* за девушкой. То есть заказчик не имел понятия, где она живет. А она жила вообще-то с родителями в загородном доме. Но в семье был разлад, и у матери с отцом между собой, и у обоих с дочерью. Девушке надоели их скандалы, и она удрала оттуда как раз за день до происшествия.

Более того, по несчастливому совпадению машина Татьяны находилась в тот день в ремонте. Иначе б не разгуливала она пешочком, и никто бы не смог сесть ей «на хвост». Но раз убийцы наняли Роберта следить за Татьяной, – значит, совсем ничего не знали о ней. Тем более странно их решение, спустя несколько часов, ее устранить. Похоже, оно было принято спонтанно, и скорее всего тем самым третьим лицом...

То есть Татьяна не являлась давней целью, объектом выношенного плана. Следовательно, ситуация не тянет на коварный замысел, обдумываемый злодеем бессонными ночами. Поэтому можно спокойно отмести козни родственников, друзей, подруг и прочих людей из ее окружения. Это спонтанное решение, на которое повлияли некие сиюминутные обстоятельства.

Однако подобное спонтанное намерение обычно возникает вследствие внезапно вспыхнувшей ссоры, ревности и прочих агрессивных эмоций, яростный всплеск которых вызывает желание немедленно убить «виноватого». Загвоздка, однако, в том, что такие убийства совершаются, как правило, своими руками. Адреналин взметнулся по венам, застил разум, и человек хватается за нож. Или за горло жертвы. Или... возможны варианты.

Но сразу.

И сам.

Тогда как тут все происходило иначе: и случайного человека подрядили – сначала следить, потом убить девушку; и решение об убийстве

приняли через несколько часов после того, как наняли Роберта...

Получалось, что «заказ» не подходил ни к одному раскладу: ни к варианту давно задуманного устранения (ради наследства, к примеру, или мести), ни к варианту спонтанной ссоры.

А вот к чему он подходил, так это...

Кис подумал еще немного. Еще раз прокрутил в голове свои соображения.

И да, все верно: это было похоже на *устранение свидетеля*. Вот откуда спонтанность: Татьяна стала случайным, непредвиденным очевидцем какого-то черного дела. Вот почему заказчики о ней ничего не знали до сих пор. Вот почему они сначала за ней шли: хотели выяснить, кто такая (но потом перепоручили задачу третьему лицу). Вот почему не сразу приняли решение ее устранить: взвешивали, насколько она опасна в качестве свидетеля.

Да, да. В таком раскладе все сходится. И даже то, что парочка «охранников», как определил их Роберт, приставила к делу его, постороннего: ведь сами парни быстро направились в обратную сторону! Чуете, граждане, какая картина вырисовывается?

Поскольку «граждан» Алексей Кисанов олицетворял собственной персоной, он и ответил на заданный вопрос: *они свое черное дело не завершили!* Ну, чисто для примера: банк ограбили, деньги в мешки сложили, – а в машину погрузить не успели. Или, как вариант, труп в ковер закатали, но не успели вынести. В общем, пока неважно, какое именно дело, – важно, что черное. То, свидетелем которому стала Татьяна!

Но почему она умолчала об этом?

Непонятно. Это бы все объяснило – и в первую очередь ей самой! Однако она мучается в догадках... Или только делает вид? А на самом деле что-то пытается скрыть?

Алексей перечитал ее письма. За день уже набралось три послания, в которых благодаря вопросам детектива история потихоньку обрастала подробностями. Но нет, нигде она не упомянула, как и почему оказалась на Страстном бульваре.

Что же ты, милая, просишь помощи у частного сыщика, а сама скрываешь самое главное? И как же мы с тобой в таком раскладе будем искать тех, кто решил тебя устранить?

Алексей открыл почту и набросал короткий текст:

«Вы должны мне сказать, где были до того, как оказались на бульваре. Иначе я не смогу продвинуться в расследовании».

Переписка

За день я успела постричься, – если быть точной, обрить голову таким образом, что длина моих волос составила примерно полсантиметра. Разноцветные перья исчезли, а ровный светлый ежик сделал из меня совсем юную девицу, я глазам своим не поверила: пацанка, больше восемнадцати не дашь! И это являлось отличной новостью в деле моей конспирации.

Кроме того, я занялась покупкой машины. В принципе для передвижения по городу я вполне могла бы использовать общественный транспорт. Да и пешком тут все близко. Можно просто отогнать эту засвеченную «Тойоту» подальше за город, стерев предварительно свои отпечатки, – и все дела. Однако я так давно вожу машину, что у меня в мозгу прочно засело: да, не так уж сложно добираться повсюду общественным транспортом или на такси, – но в случае острой нужды только персональный транспорт выручит! Так, однажды я отвезла свою подругу в роддом, даже не пытаюсь вызвать такси или «Скорую»: времени не оставалось на ожидание, иначе бы Лариска прямо по дороге и родила! И сколько раз тачка выручала в поездках на дачу, когда багажник под завязку! И сколько раз я развозила подпивших друзей и подруг с вечеринки по домам... Короче говоря, машина – это палочка-выручалочка. Я уже не умела обходиться без нее.

В Москве у меня была «Клио», и она мне нравилась, – но я решила не идти на поводу у своих пристрастий и не дублировать московский вариант. Раз стрижка новая – пусть и тачка будет новой.

Мне приглянулся темно-синий «Фольксваген Гольф»: пятилетка, пробег небольшой, состояние отличное. И стоит недорого. Я внесла задаток, договорилась о том, что приду за ним завтра: сначала следовало избавиться от «Тойоты», освободить место для парковки новой машины. Хотя я слабо представляла, как это сделать. Вернее, как потом возвращаться в город, на чем...

Отложив эти размышления до лучших времен, я поторопилась домой: мне не терпелось получить ответ от детектива.

И – ура! – он меня ждал. С согласием!

У меня появилось чувство, будто спасение уже пришло. Так иногда бывает с докторами: что-то болит, идешь к врачу, а боль прямо в кабинете и проходит. Словно сам факт обращения к медику оказывает лечебный эффект...

Я наскоро поела, заварила чай и вернулась к планшету. Алексей Кисанов задавал вопросы, я старалась ответить на них максимально точно и подробно. Потом он думал над моими ответами, задавал новые вопросы, – я снова уточняла детали.

Не заметила, как наступил вечер. За окном вдруг резко стемнело, – ноябрь, день сильно скукожился, – а ведь впереди еще декабрь! Я не любила это время года: не за холод – за темноту. За укороченное время жизни.

Я потянулась, потерла уставшие глаза и отправилась в кухню сделать себе еще чаю. Я предпочла бы кофе, но кофейного аппарата в квартире не имелось, а растворимый мой желудок не приветствует.

Вернувшись обратно, я тронула планшет – он засветился. Ага, еще письмо от детектива!

Это было не письмо. Это был короткий вопрос о том, что я делала на Страстном в тот вечер.

А вот об этом-то мне говорить совсем не хотелось...

С Робертом как-то обошлось, он не заинтересовался. Но детектив...

А на что я, собственно, рассчитывала? На то он и сыщик, чтобы лезть во все...

Я несправедлива. Я сама его попросила заняться моим делом. Он ищет причины случившегося – по моей просьбе.

Но зачем ему знать, у кого я была на Страстном?! Это не имеет отношения к делу!!!

Я так ему и написала.

«*Это не имеет отношения к делу*», – прочитал Кис записку от Татьяны.

Обычно в таких случаях он говорил клиенту, и довольно резко: сыщик тут я, мне и судить, что имеет отношение к делу, а что нет!

Но сейчас он чувствовал... Лучше сказать: учуял. Учуял *тайну*.

Это был девушкин секрет – из тех, которые никому не доверяются, разве что самой лучшей, самой верной подруге. При этом Алексей не сомневался, что девушка искренне убеждена: оный секрет никак не связан с попыткой ее устранить.

И тогда Алексей написал: «*Давайте думать вместе, Татьяна!*»

После чего он не пожалел виртуальной бумаги, чтобы разложить по полочкам все свои соображения о двух типах убийств:

– хорошо продуманное, подготовленное заранее убийство, в случае

которого нередко прибегают к услугам наемных убийц;

– и «спонтанное убийство» в результате ссоры, причины которой могут быть многообразны: ревность, зависть, дележка ценностей и прочее, – но которое обычно заканчивается убийством собственными руками.

Затем он объяснил, отчего случившееся с Татьяной не подходит ни под одну из вышеозначенных категорий. И неминуемо подвел к выводу, что единственная ситуация, способная объяснить произошедшее, – такая, где Татьяна стала бы свидетельницей преступления.

Алексей написал это столь мягко и столь убедительно, что не сомневался: она раскроет свой секрет. В конце концов, это ей нужна помощь детектива – а не детективу ее тайны! Она разумная девушка, она поймет.

И в самом деле, ближе к ночи пришло от нее сообщение...

...Детектив пристал как банный лист: где была до того, как оказаться на бульваре? Потом разразился длинным текстом, в котором пояснял ход своей мысли и причину этого вопроса.

Ход мысли был хороший, очень убедительный. Но...

Я не хотела ему говорить. Я никому не хотела – и не говорила! – об этом. Стеснялась. Это я только с виду пофигистка, мне все нипочем, – но на самом деле я далеко не такая крутая. Когда меня осуждают, перемывают мне кости, высказывают свои ненужные мнения, – меня это травмирует. Я не настолько психологически защищена... спасибо, мамочка и папочка! – чтобы воспринимать негативные оценки равнодушно. Иными словами, несмотря на внешнюю уверенность в себе, я на самом деле дико ранима. Отчего и оберегаю душу, храня в тайне личную жизнь.

Да и кому я могла бы рассказать об этом?

...Когда Васька (человек) бросил меня, забрав Ваську (кота) и наговорив уйму обидных слов, – и холодная я, и фригидная, и далее насчет невкусных котлет и невкусного секса, я – это глупо и тупо, теперь понимаю, – ему поверила. Что я такая вот вся из себя дурацкая.

И тогда я принялась искать, где бы познакомиться с «наукой страсти нежной, которую воспел Назон...» И стать хорошей любовницей. *Вкусной.*

Нашла один серьезный форум на темы секса, почитала – многому подивилась, кое-что вызвало неприятие. Большой неожиданностью для меня стало то, что в этих разговорах не имелось ни грамма вульгарности. Люди обсуждали психологию и физиологию, называя вещи своими именами (приличными), – не стесняясь, вдумчиво, с конкретными

советами. Многие новички приходили на этот форум, чтобы задать вопрос, и всегда охотно и благожелательно объясняли, наставляли. Так считаешь разделы, и вполне можно садиться за написание «Миллион оттенков серого». Ну, или розового, неважно, – главное, что миллион.

Участвовать в обсуждениях, даже под псевдонимом, я не отважилась, – если на тебе маска, это еще не значит, что ты уже готов с легкостью обнажаться перед всеми. Но читала я жадно, открывая для себя этот незнакомый ранее космос, где душевное связано с физическим невероятно тесно, как ни в какой другой сфере человеческих отношений.

Многое там было замешано на восточных учениях, конечно. Разговоры об упражнениях, медитации я читала по диагонали: все эти праны-асаны меня никогда не вдохновляли. Неужели невозможно раскрепоститься без них? К счастью, на форуме хватало других тем. Особенно меня заинтересовал раздел, в котором мужчины делились опытом предварительных ласк (то есть прелюдии) с партнершей.

Заинтересовал, собственно, потому, что ничего из этого обширного арсенала мой Васька никогда не использовал. Он устраивался в постели и почему-то ждал ласк от меня, односторонне... Как будто пришел к проститутке, которая обязана его ублажать! Потому-то я и была так зажата, неожиданно поняла я, потому-то не могла дать ему, чего...

Да это он был на самом деле «невкусный» – Васька! Ведь секс – дело двоих. Казалось бы, очевидная истина, но почему-то в реальных отношениях она будто стиралась, ускользала... Особенно от Василия. Но и от меня тоже – ведь я тогда не протестовала, не пыталась что-то изменить в его манере заниматься со мной любовью, приняла ее – по неведомым причинам – как должное! И только теперь, благодаря откровениям участников форума, я осознала, до какой степени мы оба были неправы...

Однажды один из «гуру» форума написал кому-то из участниц: «Для вас теория себя исчерпала. Если не получается преодолеть зажим с помощью наших советов, приходите ко мне на практические занятия по тантрическому сексу. Предупреждаю: они платные. Пишите в личку, если решитесь».

Я не знала, что такое тантрический секс, о чем речь. Казалось, что-то чудодейственное. Мудрое и волшебное. В интернете я нашла определение, из которого мало что поняла, но оно подстегнуло мое воображение: «...в тантризме практикуются различные магические ритуалы, высвобождающие сексуальную энергию человека...»

Именно то, что мне нужно! Высвободить эту чертову энергию!

Неизвестно, решилась ли та женщина, – но я да. И написала ему.

А он предложил мне прийти к нему на ознакомительное занятие.

...Он оказался индусом, красивым телом и лицом. Звали его Амрит. Встретил он меня в черном шелковом халате, на смуглой шее бусы, похожие на четки, ноги босы, ногти ухожены – педикюр явно делает регулярно. Он и мне велел снять обувь, после чего провел в большую круглую комнату, устланную коврами, с низким столиком посередине и низким же полукруглым диваном около него, со множеством подушечек. Пахло какими-то благовониями, но, к моей радости, никакого дыма от душистых палочек в комнате не оказалось. У меня на него аллергия.

Амрит объяснил мне, что начинать следует с примирения со своим телом. Западные люди не умеют принимать себя такими, как они есть. Они придумали «идеальные» фигуры и страдают, если их собственная не соответствует идеалу. Они не понимают, что любое тело – это обитель души и в то же время сосуд радости и наслаждения. Поэтому любое тело прекрасно, и надо научиться любить его.

Затем он, подчеркнув, что этот первый ознакомительный урок – бесплатный, а если я решу заниматься с ним дальше, то он назовет цену, – предложил мне отдаться в руки «дев», которые помогут мне увидеть мою необыкновенную красоту.

Ну какая женщина устоит перед подобным предложением? Конечно, я согласилась.

«Девы» – две колоритные индианки в красных сари – увели меня в небольшую соседнюю комнату без окна (скорее, ее следовало назвать гардеробной), где в ярком электрическом свете я увидела множество разноцветных туник, разложенных на низком узком диване. Все они были коротенькие, со множеством складок. Я указала на изумрудно-зеленую, и меня завели за ширму, где предложили начать примерку.

– Вашу одежду сложите на этот стул, – указала мне одна из «дев». – Белье тоже.

Белье? К этому я не была готова...

Я сняла с себя все, кроме трусиков. Примерила тунику. Ткань, ниспадая с плеч, открывала дорожки в середине груди и вдоль позвоночника почти до талии, где была схвачена широким поясом. Из-под него она снова струилась складками, в которых пряталось несколько разрезов...

Я посмотрела на себя в зеркало. Фигура у меня неплохая, было бы преувеличением сказать, что я ее стеснялась. Но от идеала она все же далека. В обычной одежде легко замаскировать разные недостатки: лифчик

приподнимет грудь, пиджачок скроет излишне (по нашей западной моде, как заметил Амрит) широкие бедра, джинсы утянут небольшой целлюлитик... Туника же ничего не прятала. И в то же время она оказалась весьма хитрой одеждой. Все эти свободно ниспадающие складки тонкой ткани одновременно и обнажали тело, и драпировали все то, что хотелось бы скрыть. Положение складок и разрезов при желании регулировалось несколькими тайными завязками, продернутыми в кулиски. При этом летучая ткань колыхалась при малейшем движении, приоткрывая свободный доступ для взгляда... Или для мужской руки?

Я восхищенно любовалась своим отражением, забыв обо всех недостатках моей фигуры. Я выглядела эротично – не сексуально, а именно эротично. Все только угадывалось, ничего не было выставлено напоказ, но это было куда круче пресловутой «сексапильности».

Выйдя из-за ширмы, я предстала пред очи «дев». Они всплеснули руками и осыпали меня комплиментами. Поскольку говорили они с сильным акцентом, я ничего не поняла, но было ясно, что хвалили. Затем они распустили мои волосы, забранные в конский хвост на затылке. Закрутив передние пряди, они завели их вверх и сотворили из них с помощью пары шпилек розочку у меня на макушке. Проще прически я в жизни не видела, но до чего она была женственна, как она мне шла! Я чувствовала себя едва ли не невестой, которая готовится впервые выйти к жениху в свадебном платье.

Амрит встретил меня в круглой комнате с почтительным восхищением. Он был уже в другой одежде, на этот раз из белого атласа. Похожая на мою короткая туника, ниспадающая с плеч и схваченная поясом на талии, и тонкие шаровары со множественными разрезами вдоль штанин. Подав мне руку, он покрутил меня, как в танце, – юбочка моя взлетела – и усадил на диван.

– А трусики ты все-таки оставила, – констатировал он. – Я этого ожидал, так делают почти все женщины, которые приходят ко мне в первый раз. В вашем мире ребенку с детства внушают, что эти места нужно скрывать. Ведь половые органы стыдно показывать. А ты никогда не задумывалась, почему они называются «половыми»?

– Потому что участвуют в половом акте, наверное, – пожала плечами я.

– А рот, почему его не стыдно показывать? Он ведь тоже участвует в половом акте. Может, надо и на него трусы натянуть? – усмехнулся он.

– Вы правы, – ответила я. – Это лишь условности, сложившиеся за века. К тому же раньше, наверное, ртом не очень-то пользовались в таких делах...

– У вас, в западном мире, да. Потому что наслаждение у вас считалось грехом. А в нашей культуре – не просто нормой, а даже обязанностью человека. Тело, которое не знает наслаждений, – нездоровое тело. Поэтому мы уже в давние века культивировали многочисленные способы получения удовольствия... Кстати, обращайся ко мне на «ты». Между людьми не должно быть дистанции. Называть одного человека во множественном числе – варварство, согласись.

Я согласилась. «Девы» принесли нам чай и какие-то маленькие шарики, которые на вкус оказались похожи на халву. За чаем беседа продолжалась.

– Тело должно быть доступно воздуху, – вещал Амрит. – Это первоэлемент, основа жизненной энергии. Поэтому важно как можно чаще принимать воздушные ванны, равно как и насыщаться им изнутри с помощью правильного дыхания. Я научу тебя этому. Туника – одежда, которая позволяет воздуху проникать под нее, касаться твоей кожи, ласкать ее. Если ты придешь на следующее занятие, тебе нужно будет сделать небольшое усилие, чтобы победить привычку, и надеть тунику на полностью обнаженное тело. Ты почувствуешь, как это волшебно, когда воздух ласкает тебя... Идем, я тебе покажу.

С этими словами он открыл одну из дверей, и мы вошли в соседнюю комнату. Она была белой, одна стена целиком зеркальная. Никакой мебели, если не считать узкого овала высокого стола в центре, тоже белого, похожего на барную стойку, и нескольких лесенок разной высоты, ведущих к нему. Мы вошли, и вдруг воздух задвигался. Ветерок лился отовсюду, теплый, приятный, душистый. Моя туника заиграла, залетала вокруг талии, поддуваемая сверху и снизу. Одежда Амрита тоже запорхала, то надуваясь, как паруса, то разлетаясь в стороны, будто хотела покинуть его тело.

– Иди сюда. – Он протянул мне руку и помог подняться на горку из пяти ступенек, а с нее на «стол». – Смотри, как ты прекрасна. – И он повернул меня к зеркальной стене.

Мои каштановые волосы плыли по волнам воздуха, ткань играла с моим телом в прятки, то обнажая, то скрывая разные его части... Я и вправду показалась себе прекрасной.

– Ты пользуешься молочком для тела? – неожиданно спросил Амрит.

– Да... Время от времени, – удивилась я вопросу. Может, у меня кожа суховата, и он заметил? – А что?

– Постарайся растирать молочко – или крем, что хочешь, – ежедневно. Причем по всему телу, не пропуская ни одного участка.

– У меня какие-то проблемы с кожей? – смущенно спросила я.

Амрит рассмеялся:

– Я не косметолог. И не дерматолог. Но как мужчина могу тебя заверить, что кожа у тебя прекрасная. И очень приятная на ощупь, – легонько погладил он меня по плечу. – Тут дело в другом. Когда ты проводишь руками по всем участкам своего тела, ты уделяешь им внимание. Будто даешь понять, что любишь свое тело и в то же время держишь его под контролем. Энергия, истекающая из твоих ладоней, возвращается к тебе же – усиливается ее циркуляция. Это поможет избежать многих болезней. Когда человек не обращает внимание на свое тело, оно, как ребенок при плохих родителях, начинает жить своей жизнью и совершает множество глупостей, становясь легкой добычей для разных вирусов и мутаций. Так что не жалея времени на свои ножки-ручки, спинку-животик. Ну и остальное, конечно, – улыбнулся он. – Гладь себя, дари себе внимание и контролируй таким приятным способом свой организм!

...Я не заметила, как пролетел час и урок закончился. Уходя, я уже мечтала о следующем. Мне было хорошо, как никогда. В теле легкость и нега, на душе радость. Я казалась себе восхитительнейшей из женщин на земле, которую ждет в самом ближайшем будущем огромное сверкающее счастье любви. Мелькнула мысль, что Амрит пользовался гипнозом, – или, может, в состав шариков халвы входило нечто наркотическое? – но мне было все равно. Результат меня более чем устраивал, и не имело значения, как Амрит его достигал, если я уходила от него переполненная радостью и верой в себя.

Так я начала регулярно ходить к нему на уроки.

Он учил меня правильному дыханию и концентрации внимания на своих ощущениях, с помощью чего я смогу, потренировавшись, контролировать потоки энергии в теле, – уверял Амрит. Овладев этим искусством, я научусь полностью расслабляться, и если захочу заняться любовью, то смогу получить наивысшее наслаждение. Но я сумею и останавливать поток сексуальной энергии, если захочу.

Тантрический секс в этом и состоит – во владении своей сексуальной энергией. Больше не гормоны будут руководить тобой, – а ты ими. Если тебе потребуется, ты сможешь получать сильнейшее наслаждение даже от легкого прикосновения руки, – такое же мощное, как от самого коитуса, – обещал он на четвертом уроке.

...А пятый у нас не состоялся. Точнее, едва он начался, как вскоре

закончился...

Но все по порядку. Я уже разделась – мы прошли этап летучих туник и перешли к общению в обнаженном виде, чего я больше абсолютно не стеснялась. Амрит начал учить меня «слушать тело». Он положил мою ладонь себе на грудь, велел закрыть глаза, правильно дышать и сконцентрировать свое внимание на том, что я чувствую под пальцами, что происходит внутри его тела. Он, к слову, никогда не возбуждался на наших занятиях, его пенис всегда находился в состоянии горделивого покоя. «Ты очень привлекательная женщина, но я полностью владею своей сексуальной энергией и никогда себе не позволю смутить тебя неуместной эрекцией», – пояснил он еще на втором уроке...

Закрыв глаза, я послушно сосредоточилась на ощущениях в своей ладони, упершейся в грудь моего гуру. Через несколько секунд ладони стало тепло, в подушечках пальцев началось легкое покалывание, как будто и впрямь от него ко мне тек слабый и приятный электрический ток...

Неожиданно раздался звонок в видеофон. До сих пор наши занятия ни разу не нарушались посторонним вторжением, – я никогда не видела у Амрита какого-либо другого человека, будь то клиент/ка, домработница (а она должна была у него находиться!) или кто угодно: жена, подруга, друг и так далее. Даже «девы» больше ни разу не появлялись в часы моих занятий, – возможно, их роль заключалась в том, чтобы приветствовать новую ученицу исключительно в первый день. Никто не звонил Амриту по телефону в эти часы, а уж тем более в квартиру, пусть и по видеофону. У меня даже появилось ощущение – нерациональное, – будто к нему, кроме меня, никто никогда не приходил.

Конечно, ощущение ложное. Ведь у него были другие клиенты и клиентки, – Амрит консультировал не только отдельных страждущих женщин вроде меня, но и семейные пары – и как психотерапевт, и как сексолог... Однако он умел организовать свои приемы таким образом, что никто никогда не пересекался в стенах его квартиры. Отчего наверняка всем казалось, что они пользуются его вниманием и советами безраздельно... Отличный коммерческий ход, между прочим.

Все эти мысли пронеслись тогда в одно мгновение в моем мозгу. В то самое мгновение, когда я услышала звонок видеофона.

Амрит тоже удивился. Он сказал мне: «Извини, подожди» – и вышел в коридор.

Я не слышала, о чем шла речь. Мой слух уловил лишь вежливый мужской голос. Я была убеждена, что Амрит отфутболит незваного гостя, сказав, что занят, – однако, к моему удивлению, он ответил: «Нет, не

помешаете, у меня сейчас никого нет. Поднимайтесь».

Он вернулся ко мне и произнес:

– Оденься побыстрее и спрячься. У меня очень важный разговор. А еще лучше, если сумеешь уйти незаметно. Я проведу его в «белый зал», постарайся тихо выскользнуть из моей квартиры.

Набросив халат, он отправился к входной двери. Через пару минут раздался звонок – уже непосредственно в эту дверь.

Я быстро одевалась в комнате, нервничая и путаясь в одежде, опасаясь, что неожиданный гость Амрита увидит меня. Если я перестала стесняться моего «гуру», это еще не значит, что я готова предстать обнаженной перед незнакомым мужчиной!

Несколько секунд спустя послышался звук открываемых замков. Я спряталась за дверью, ведущей в центральную комнату, – из-за того, что она была круглой, между стеной и дверью образовалось довольно большое пространство. Амрит вошел в комнату с гостем, но в ней не остановился, как и обещал, а провел его дальше, в «белый зал». Как только они исчезли за дверью зала, я, схватив оставшуюся одежду в руки, рванула к выходу, больно стукнув коленку о дверной косяк, и вылетела из квартиры.

На ступеньках, ведущих на верхний этаж, стоял какой-то мужчина. Он говорил по телефону и, кажется, не особо обратил на меня внимание. Точнее, он ухмыльнулся, увидев, как я нервно застегиваю кофточку на груди, но, поскольку он при этом сосредоточенно прислушивался к своему мобильному, мне показалось, что мое появление, несмотря на всю его экстравагантность, не слишком его заняло.

Ждать лифта я не стала и помчалась по лестнице вниз, заканчивая одеваться на ходу, одновременно пытаюсь не споткнуться в расшнурованных ботильонах на высоких каблуках...

Я сумела окончательно привести себя в порядок только на улице. И, поглубже вздохнув, чтобы успокоить сердцебиение, направилась к метро, поскольку машина моя пребывала в ремонте. Будь моя «Клио» в тот день со мной, ничего бы не случилось... Я вообще на бульвар бы не вышла. Вскочила бы в свою машинку – и тью-тью, только меня и видели!

Я очнулась. Алексей Андреевич ждет от меня письма! – вспомнила я. Хочет узнать, откуда я вышла – или как пришла – на Страстной бульвар в тот вечер. Но не могу же я ему рассказать, что я брала уроки тантрического секса! Нет, нет и нет, увольте! Это дело слишком интимное. Ни за что.

Я написала ему: *«Ничего особенного, просто захотелось погулять*

после работы».

Видя, что Татьяна (правильнее было бы ставить ее имя в кавычках, ну да ладно) не желает рассказывать ему правду, Алексей предпринял поиск самостоятельно. Дело было...

День первый – это когда «бомжа» наняли. Именно тогда Татьяна и появилась на Страстном.

День второй – это когда бомж, он же Роберт, ее похитил. Ночь они провели за выкапыванием могилы, а утром тронулись...

Это уже третий день. С утра они передохнули в каком-то населенном пункте, где Татьяна изменила прическу. А через несколько часов добрались до квартиры некоего знакомого Роберта, где они весь вечер обсуждали, как ей получше спрятаться. Тогда же Роберт поделился с ней идеей об амнезии.

День четвертый: Татьяна бракует идею амнезии и сбегает от Роберта поутру. Находит жилье и обустроивается в незнакомом городке.

День пятый: сегодня. Татьяна связывается с ним, детективом Алексеем Кисановым.

Итак, пять дней прошло с того вечера на Страстном.

Алексей подсчитал: получалось шестое ноября, понедельник.

Он открыл Яндекс, ввел в строку поиска слова: «Страстной бульвар происшествие 6 ноября» – и принялся читать выпавшие результаты.

...Ну что ж, будет о чем потолковать с клиенткой:

«В понедельник 6 ноября был найден мертвым в своей квартире на Страстном бульваре известный психотерапевт, специалист по семейным отношениям и сексолог Амрит Валли, гражданин России индийского происхождения...»

Подробностей о его смерти заметка не содержала, автор отделался фразой: «У полиции есть основания считать, что Амрит Валли был убит».

Алексей открыл почту. Кликнул на «ответить» под последним письмом Татьяны.

«Хорошо, давайте я помогу Вам вспомнить тот вечер. Это было шестое ноября. Думаю, Татьяна, что Вы не просто гуляли по Страстному, а вышли на бульвар от человека, у которого были в гостях (Кис, конечно, понимал, что к сексологу ходят не «в гости», а на консультации, – или даже практические... ладно, неважно! – но старался не шокировать девушку с ходу, с легкостью развенчивая ее секреты) – а именно, у специалиста по семейным отношениям по имени Амрит Валли, проживающего на Страстном бульваре, дом 7.

Нам необходимо это обсудить, если мы хотим разобраться в ситуации. Вряд ли Вы в курсе, но Амрит убит. В тот же вечер. Вы должны мне рассказать, что видели и слышали. Я уверен, в деталях вашего визита кроется объяснение произошедшему».

Вот это да... Амрит убит! И детектив каким-то образом в курсе, что я ходила к нему на занятия!

Я не знала, что меня больше потрясло: смерть Амрита или разоблачение моей тайны. Я смотрела на строчки, полученные от детектива, заливаясь краской.

Как он вычислил? Как догадался?!

Некоторое время я просидела перед планшетом без всякой мысли. Вернее, мыслей было очень много, и они толпились, налезали друг на друга, – ничего не разобрать... Но мало-помалу мой мозг включился, заработал, вернулся к точной формулировке вопроса, заданного детективом.

Что я видела? Что слышала? Да ничего!

«Мне очень жаль, Алексей Андреевич. Я даже не знаю, о чем сожалею больше: о том ли, что Вы добрались до моей тайны, – или о том, что я не рассказала Вам раньше сама. Как бы то ни было, Вы догадались, где, у кого я была. И Вы не ошиблись. Однако я не имею понятия, что там могло произойти. Мы только начали очередной урок, когда раздался звонок по видеофону. Я слов не различила, но слышала вежливый мужской голос. Видимо, он спросил, не помешал ли, поскольку Амрит ответил, что он в данный момент не занят... И это несмотря на наш уже начавшийся сеанс. Такое поведение для Амрита было необычно, к слову: никто никогда не нарушал занятия раньше. Мне он велел спрятаться, тихонько одеться и уйти, поскольку ему предстоит важный разговор... И пошел открывать дверь нежданному посетителю.

А я меж тем сделала то, что было велено: спряталась за дверью круглого зала. Амрит провел гостя в другую комнату, в белую, и тогда я тихонько выскользнула. И гость даже не догадался, что я находилась в квартире. Так что ничего заподозрить не мог. Мы друг друга попросту не видели».

Э, нет, так дело не пойдет. За Татьяной охотились, причем двое, – и, без вариантов, это те люди, которые явились по душу Амрита. Каким-то образом они поняли, что девушка была там: не случайно ведь они пошли за ней по бульвару!

Видела она их или нет – это уже подробность, которая никого не интересует. Важно другое: то, что они ее присутствие каким-то образом просекли. И поняли, что она МОГЛА их видеть, – вот что испугало убийц!

«Уходя, Вы, случайно, не хлопнули дверь слишком сильно? Не задела какую-нибудь мебель? Вазу? Вопрос не праздный: Вас услышали. О Вашем присутствии догадались. Подумайте, каким образом?»

Кроме того, их было двое. Если в квартиру Амрита вошел один, – значит, второй стоял где-то на стреме. На лестничной площадке, внизу у лифта, у входа в подъезд. Напрягите память, не видели ли его?»

Алексей ждал ответа с нетерпением, хотя время уже было позднее, начало двенадцатого ночи, дело ко сну. Татьяна, возможно, не ответит сегодня...

Неожиданно детектив представил, как сидит эта девушка в чужой квартире чужого города и как ей грустно... Но именно свет монитора, именно общение с ним, детективом, сейчас должно стать для Татьяны спасительной ниточкой надежды. Надежды вернуться к своей привычной жизни, к родным, друзьям... Разве не так?

Алексей неплохо чувствовал людей, но было бы преувеличением сказать, что никогда не ошибался. К примеру, ощущение уюта жизненного пространства для одних людей было чрезвычайно важно, а для других – незначительный пустяк. Последних водилось в природе меньше, и чаще им пренебрегали мужчины, чем женщины, но угадать, насколько это важно для Татьяны, на расстоянии, не видя лица и не зная фактов биографии, Алексей бы не взялся. И все же ему казалось, что для нее на данный момент общение с детективом – спасительный круг. Не только потому, что она надеется с его помощью узнать истину, – но еще и потому, что ей не с кем больше поговорить о своей беде. Судьба загнала ее в угол, и в этом углу, как бы она ни храбрилась, ей неуютно, одиноко, плохо... Алексей в этом почти не сомневался. А значит, она не уйдет спать, не ответив детективу.

Посему он терпеливо ждал.

И оказался прав.

«В спешке я ударила коленкой о дверную раму. В тот момент я не подумала, что глухой звук мог насторожить пришельца. Но, видимо, вышло именно так. Гость понял, что в квартире кто-то есть. Точнее, был, поскольку я сбегала чрезвычайно быстро, боясь попасться незнакомцу на глаза. Тем более что я была не совсем одета...»

Наверное, Вы это рано или поздно поймете, поэтому говорю Вам сразу: Амрит обучал меня тантрическому сексу.

Возможно, Алексей Андреевич, у Вас это вызовет осуждение, но, простите меня за резкость, Вас это не касается и не Вам судить. Мне двадцать девять лет, но до сих пор мои романтические отношения не складывались счастливо. Хотя когда мы говорим «романтические отношения», то под этим мы не понимаем ровным счетом ничего внятного. Душевные эманации рано или поздно приводят к физической близости, – и вот тут-то начинается испытание. Зажатость, непонимание, неумение чувствовать другое тело – в интимной близости все это способно разрушить самые прекрасные духовные отношения. Если, конечно, физическая близость нужна влюбленным, – но она нужна любым здоровым личностям. А нездоровые меня не привлекают. Хотя знаю одну пару, в которой муж совсем не интересуется сексом (полагаю, он латентный гомосексуалист), но жена, несмотря на это, его нежно любит. Я же на подобное не способна. Мне нужна физическая ласка... И физическая любовь.

Алексей Андреевич, я ушла в сторону, извините. Я неожиданно оказалась в ситуации чрезвычайно щекотливой, где мне приходится рассказывать о том, что изначально не предназначалось для огласки... И мне очень трудно говорить об этом.

Я не имею права требовать от Вас понимания. А станете ли Вы меня осуждать, нет ли... Это Ваше дело, и мне, по правде говоря, совершенно безразлично. Так что все вышеизложенное считайте просто пояснением к ситуации».

– Саша, пойдی сюда, – позвал жену Алексей, поскольку, с учетом позднего времени, уже находился дома. – Смотри, тут девочка ходила к гуру на занятия по тантрическому сексу... И теперь страшно комплексует. Как ее заверить, что мне по барабану, чем там она занималась? Помоги, родная.

Александра, любимая жена и, по совместительству, талантливая журналистка со стажем, присела за компьютер мужа. Пробежала глазами его переписку с «Татьяной».

– Ты ведь не ждешь, что я помогу тебе раскрыть дело? – спросила она, закончив чтение.

- Разумеется, нет. Только скажи, как «раскомплексовать» девушку.
- Хорошо. Ей, конечно, совсем не безразлично твое мнение, вопреки ее заверениям. Она жутко стесняется и боится осуждения... Пиши, Алеш:

«Не напрягайтесь, Татьяна, я Вас отлично понимаю. Для меня тоже не существует душевной гармонии в союзе с женщиной, если не возникает гармония физическая.

Однако у нас у всех – женщин и мужчин – множество комплексов, обычно уходящих в детство, где нам внушали определенные модели поведения, в которых всё связанное с плотскими наслаждениями считалось если не грехом, то непристойностью. Поэтому, с моей точки зрения, Вы правильно делаете, что ищете, как избавиться от зажима в интимной близости».

- Это все? – спросил Алексей.
- Думаю, достаточно. Отсылай.

Видимо, Александра нашла правильные слова. Искренние, что важно, – но в то же время удачно сформулированные. Искренность в общении решает не все. Важно, чтобы искренность облачилась в емкие и понятные формулировки. Только так они способны воздействовать на собеседника.

Татьяна отреагировала на текст, надиктованный Александрой, почти мгновенно.

«Благодарю Вас от всей души, Алексей Андреевич, за моральную поддержку. Да, Вы правы – у нас у всех есть комплексы из-за воспитания, – мы все-таки воспитывались если не при советской власти, то людьми, ею сформированными...»

Это кто как, – усмехнулся Алексей, припомнив свой возраст. Но это ничего не меняло на самом деле. Комплексы, уходящие корнями в детство, сопутствуют и тем, кому за пятьдесят, и тем – как ни странно, – кому едва за двадцать... И тем, кто воспитывался отнюдь не при советской власти тоже: Алексей и Александра знали немало от Ксюши, младшей Сашиной сестры, которая была замужем за французом, о комплексах и заморочках французов, выросших в совершенно иной системе.

«Теперь мне легко быть откровенной с вами, – вернулся к чтению детектив. – Так вот, Амрит учил меня не стесняться наготы, любить свое тело, концентрировать внимание на своих физических ощущениях и прочим вещам такого рода. Я занималась у него всего четыре раза, но он мне очень много дал. Мне искренне жаль, что он погиб...

Как я вам уже писала, на пятом занятии в дверь неожиданно позвонили, и Амрит решил впустить пришедшего человека, а мне велел быстро одеться и незаметно уйти. Теперь Вы понимаете, что под словом «одеться» подразумевалось «надеть на себя всё», – поскольку на мне не было ничего. А это делается не в одну секунду. Кое-что я нацепила на себя, спрятавшись за дверью круглой комнаты, но большую часть одежды схватила в руки и помчалась к выходу.

Теперь насчет второго человека. Посреди пролета лестницы, ведущей на следующий этаж, стоял мужчина, держа мобильный возле уха. Сам он ничего не говорил – по крайней мере в то короткое мгновение, которое я его видела. Наверное, слушал собеседника. Увидев меня, он удивился и ухмыльнулся, но для этого имелась причина: поскольку я не закончила одеваться, то еще не все пуговицы на кофточке застегнула, и из-под нее виднелся лифчик. Это объясняет его реакцию, думаю. Хотя он тоже видел меня одно мгновение: я сразу побежала по лестнице вниз.

Не представляю, связан ли этот человек с тем, который пришел к Амриту.

Это все, что я знаю».

«Спасибо, Татьяна, за Ваш рассказ. Без сомнения, Вы увидели сообщника убийцы Амрита. А он не просто увидел Вас – но, главное, увидел, откуда Вы выходите. То есть из квартиры Вашего гуру. Значит, с его точки зрения, Вы «сфотографировали» лица обоих и сможете их опознать, когда читаете в газетах об убийстве Амрита Валли. Вы не являлись целью убийц – заказчик направил их к Амриту, – но стали для них опасны как неожиданный свидетель. Вот почему они кинулись за Вами следом. А затем – как Вы уже догадались, без сомнения, – именно эти люди наняли Роберта. У них не было выхода: сами они должны были срочно вернуться к Амриту Валли, чтобы завершить заказ... Вам очень повезло, Татьяна, что Роберт, сохранив Вам жизнь, увез Вас далеко от Москвы.

Больше не думайте об этом. Я займусь поисками убийц сексолога и попрошу у вас описание мужчины, которого вы видели на лестнице. Но это не срочно...

На самом деле это было очень даже срочно: схожее лицо могло обнаружиться в базах данных полиции, что ускорило бы и облегчило поиск. Но Татьяна лишь мельком взглянула на мужчину с телефоном и вряд ли сможет описать его достаточно хорошо. Посему не стоит зря девушку напрягать. Зато Роберт видел обоих преступников, причем не один раз, – его показания были бы сейчас очень кстати. Загвоздка в том, что Татьяна с Робертом рассталась, причем не слишком цивилизованным образом. И просить ее сейчас связаться с тем, от кого она лишь день назад сбежала тайком, не попрощавшись, – не самая светлая идея. Пусть она немного придет в себя, расслабитесь, успокоится.

...не срочно: сначала мне надо найти то личико, – продолжил писать Алексей Кисанов, – с которым я буду сверять словесный портрет... Спите спокойно – Вы вне опасности, и это самое главное. Доброй Вам ночи, Татьяна».

Сразу же пришло ответное пожелание, а также предложение перевести сумму аванса на веб-кошелек детектива, если он не возражает.

Детектив не возражал.

Ну что ж, завтра ему будет чем заняться.

СУББОТА

Утром, едва пробудившись, – даже не выпив ритуальную чашку кофе, – Алексей позвонил другу закадычному, Сереге Громову. Когда-то работали вместе операми на Петровке, но в конце девяностых Алексей ушел, подался в частный сыск, а Серега остался в органах и дослужился до полковника. Причем не без помощи друга. Интерес был обоюдный: благодаря высокой раскрываемости преступлений (чему активно содействовал детектив) парни на Петровке получали звездочки и премии, а Алексей – информацию, важную для расследования, и силовую помощь при задержании преступника.

– Привет, Серег! Скажи-ка, дело Амрита Валли у тебя?

– О, какие люди! Леха, сто лет не виделись! Подгребай к перерыву,

выпьем пивка, у нас тут в саду «Эрмитаж» гастрономическое раздолье!

Это означало, что информация у Сереги есть. Но по телефону он в данный момент говорить не может. Дружба дружбой, но официально Алексей Кисанов к УГРО не причастен, и выдавать ему внутреннюю информацию во всеуслышание Громов не мог.

– К часу?

– Давай чуток пораньше, дружище. Без двадцати, без пятнадцати. А то у меня в четырнадцать ноль-ноль совещание. Не успеем толком закуски распробовать, – хохотнул Серега.

Они уселись за столиком в кафе с броским интерьером, сделали заказ.

– Что у тебя с этим Амритом Валли? – прищурился Серега, когда официантка отошла. – Почему интересуешься? Давай, колись.

– В газете прочитал, – не моргнув глазом ответил Кис.

Самое смешное, что это было правдой, просто не всей. Но Алексей прекрасно знал: что ни скажи, Серега все равно не поверит. А рассказывать такие подробности, которые дружбан примет всерьез, преждевременно.

– Гад, – беззлобно отозвался Громов. Он привык к тайнам Киса, который не выдавал их никому до поры до времени.

– Убийц не нашли? – спросил Алексей.

– А откуда множественное число? В газете было сказано только, что это предположительно убийство! – поддел друга Серега.

– Я ясновидящий. Так не нашли?

– Если бы нашли, я бы с тобой не сидел тут.

– Понятно. Как его убили?

– Жестоко. Избит до смерти. Половые органы отрезали, запихнули ему в рот.

– Жуть... Он спал со своими клиентками?

– Никаких записей на прием к нему мы не нашли – то ли он учет клиентов не вел, то ли хорошо спрятал. Еще вариант – вел, но в компе. Да только убийцы забрали и комп, и мобилу. Так что задать вопрос некому.

– То, что с ним сделали, похоже на месть. Так что спал он с дамами, не сомневайся. Хотя, может, не со всеми. А некоторые сами на него вешались, наверняка. Он был ведь очень красив, не так ли?

– Леха, откуда ты знаешь? Или ты его клиентка? – заржал Громов.

– Серег, знаю я очень мало, но все тебе расскажу, обещаю. Давай пока сосредоточимся на информации, которой располагаешь ты. Время-то идет.

Им принесли заказ: пиво, к нему мясной набор из колбасок, ветчинки и балыка. Мужчины чокнулись кружками, и Серега, подцепив вилкой

маленькую колбасенку, принялся излагать все, что знал на данный момент.

...Отпечатков великое множество: не квартира, а проходной двор. В основном женские, попались и мужские, но база данных полиции ни на один не откликнулась. Убийца либо работал в перчатках, либо в базе данных не состоял.

Телефон Амрита и его ноут унесли, так что ни переписки, ни адресатов. Провайдер его мобильного уже предоставил список контактов, звонков и распечатки эсмэс-сообщений, и полиция над этим сейчас работает. Однако первые беседы с «контактами» продемонстрировали, что женщины отнюдь не склонны выдавать подробности. «Да, была один раз на консультации по семейной психологии», – примерно так отвечают все.

Ага, а психолог, значит, записывает к себе в мобильный телефоны всех клиенток? Так мы и поверили!

Но добиться большего от клиенток «психолога» пока не удалось.

Собранные экспертами генетические следы показали наличие спермы в спальне, но не на простыне, а немногочисленные брызги на ковре возле кровати.

– А где кровать находится? – встрял Кис.

– У него четыре комнаты. Две, как мы поняли, для приемов посетителей и две личные, за зеркальной стеной, не сразу и найдешь. В одной из них спальня, другая библиотека, она же кабинет.

– Брызги на ковре... Он пользовался презервативами?

– Надо думать. Снимал их после акта, когда вставал с постели. Но на месте самого полового акта, то есть на кровати, – ничего. Простыни у него все непромокаемые, полный шкаф, и менял он их часто. На последней, той, что была постелена, вообще никаких следов. Видимо, секса ни с кем не было.

Алексей почему-то порадовался. Это подтверждало рассказ Татьяны, и... Наверное, ему подсознательно не хотелось, чтобы эта девушка попала в сети «гуру». Точнее, в его постель.

– Как они с «гуру» познакомились, вы установили?

– Одна дамочка рассказала о форуме по вопросам секса. Мы его с большим интересом изу-чаем. Скажу тебе, дружище, там такое... хм... разнообразие описывается, что нормальному мужику и в голову никогда не придет. Так что мы всем отделом просвещаемся, – ухмыльнулся Громов.

– Бог в помощь, – съязвил Кис. – А польза какая-нибудь есть? Имею в виду не для вашего полового просвещения, детки, – а для дела.

– Сволочь ты, Лёха, – весело откликнулся Серега. – Так и норовишь

унизить коллег.

– Можно разве унижить то, что и так на нуле? – съехидничал детектив.

– Вот я и говорю: сволочь, – заржал Громов. Он никогда не заводился на шутки Лехи. – Нашли еще энное количество дам, заинтересовавшихся его услугами. Но исключительно услугами по психологии семейных отношений и сексологии, если верить их словам. В его личном кабинете на форуме нет никаких постельных предложений, ни намека. Только некоторым он давал номер своего телефона. Видимо, ты прав: дамы начинали слушать его «теорию», следовать советам, упражнениям, – а там некоторые захотели и практики. Он и впрямь необычайно хорош собой, этот парень... Был.

– Дамы из какого круга? Он брал дорого, сдается мне.

– Ох, Кис, слишком много ты знаешь. Колись!

– Наш обед еще не закончился, Серег. Вываливай свою инфу до конца. Я тебе скажу, обязательно, под конец. Так что не теряй время.

– Ну да, ты прав, дамочки дорогие. Точнее, при дорогих мужьях. Да и разве работающей женщине, да при детях, стукнет в голову пастись на форуме о том, в какой позе сподручнее словить оргазм?

– А почему нет, собственно? – удивился Кис.

– Потому что у нее времени нет!

– Так это печально, Серега... Останется такая женщина на всю грядущую жизнь неудовлетворенной. Из таких и получают мегеры, между прочим.

– Ну, в принципе, ты прав. Но оттого, что она прочитает о позах там или еще о чем, толку мало выйдет. Надо еще, чтобы супруг сподвинулся. А мужики консервативны по большей части, сам знаешь.

– Я? Не, я не знаю. Я люблю учиться, – усмехнулся Алексей.

– Ладно, твоя взяла, мы с парнями читаем запоем этот форум, если честно. *Учимся*, – заржал Серега. – Юлька моя обалдевает!

– Тебе же лучше: в мегеру не превратится с годами! – хмыкнул Кис. – Так что думаешь, это месть кого-то из мужей?

– Да. Способ убийства – жестокий, яростный, с отрезанием половых органов – другого объяснения не оставляет.

– Значит, задача, найти как можно более полный список женщин, с которыми Амрит спал? И начинать копать под мужей или там женихов? – уточнил Кис.

– Да. У тебя есть другие мысли?

– Нет. Разве что я бы включил в список и одиноких богатых дамочек, которые оттягивались с Амритом.

– Но способ убийства не предполагает женское участие, – возразил Серега. – Да и какой может быть мотив у свободной тети? У мужчины – ревность, вот это понятно, это мотив. А у нее? Она ведь знала, на что шла. «Гуру» – он всеобщий, и даже если предположить, что дамочка влюбилась, то он-то вряд ли давал ей клятву хранить верность.

– Ладно, согласен.

– Тогда гони твою инфу.

– Держи: по одному свидетельству, убили Амрита двое парней, похожих на телохранителей. То есть вида не откровенно бандитского, а более-менее приличного...

– Это особая порода, знающий человек их отличит в толпе. Твой свидетель, выходит, разбирается.

– Выходит, – кивнул Кис. – И это подтверждает гипотезу о мести мужа. Богатого, высокопоставленного, с большими возможностями – и с телохранителями. Не исключено, что убийство не являлось целью, – задачей могло быть «проучить» красавчика. От чего именно он умер?

– От кровопотери. Побои были сильными, но не смертельными, как наш судебно-медицинский эксперт установил. Однако парня они вырубали. Он не смог позвать на помощь, лежал долго без сознания, истекая кровью... Да, вполне возможно, что заказчик не желал его смерти. Он хотел, чтобы мужик жил и мучился с отрезанными органами...

– С другой стороны, это было бы очень рискованно. Ведь Амрит смог бы их опознать, очнувшись! Либо они сразу запланировали его смерть от кровопотери, либо за ними стоит человек, который ничего не боится. Который уверен, что нашел бы управу и на саму жертву, и на полицию, и на суд...

– Описание этих телохранителей можешь получить?

– Постараюсь. Но сразу не получится.

– А в чем проблема-то?

– Серег, мы же не маньяка ищем, который завтра, того гляди, оставит новый труп! Спешки большой нет, Амрит Валли не велика птица, да и СМИ кто-то приструнил: большого шума не подняли. Так что наберись терпения.

– Твой свидетель... Он в деле не замешан?

– Нет, клянусь. Я пока храню его инкогнито... Ладно, так и быть: убийцы его заметили. И попытались устранить. Так что человек запрятался далеко и глубоко. И я его не выдам.

– Главное, чтоб он не оказался замешан... А описание убийц скинь, не забудь.

– Не забуду. Как только, так сразу. Я хотел бы осмотреть квартиру. Она опечатана, полагаю. Поможешь туда попасть?

– Димыча тебе дам, – Громов посмотрел на часы, – если переждешь мое совещание.

– Пережду, Серег. Дуй давай. А пока мне бы к судебнo-медицинскому эксперту наведаться.

– Тебя не удовлетворила моя информация? – обиделся Серега.

– Дорогуша, ты меня всегда удовлетворяешь, – дурашливо произнес Алексей нараспев.

– Вот же гад. Пошел я, совещание через несколько минут начнется.

– Так судмеду замолвишь за бедного детектива словечко?

Серега сделал неприличный жест, но Кис знал: замолвит.

Он позвонил судмедэксперту, как только получил от Сереги сообщение с номером последнего.

– Жду уже вашего звонка, жду, – мягко, почти певуче произнес Евгений Николаевич. – Подходите, я вас встречу у входа.

Он оказался высоким и довольно худым человеком лет пятидесяти пяти, с покатыми женскими плечами и заметно выпирающим брюшком: проклятье всех астеников. В молодости они худы и узки, зато с возрастом толстеют, но исключительно в области живота.

– Очень рад, – потряс он руку детектива.

Чему радовался судмедэксперт, Алексей не понял. Может, живому человеку в его царстве мертвых?

Они прошли в комнату с холодильными шкафами.

– Желаете осмотреть тело? – поинтересовался Евгений Николаевич.

– Нет, пожалуй, – слегка вздрогнул Алексей, вспомнив, что сотворили убийцы с несчастным Амритом. – Впрочем, я бы глянул на лицо.

Судмед открыл один из ящичков на треть, откинул простыню. Да, Амрит был несомненно красив, – и это несмотря на побои и ушибы, изуродовавшие его лицо. Алексей сам толком не знал, зачем захотел взглянуть на него. Может, потому, чтобы получше представить, как реагировали на него женщины... Да, именно поэтому: все дело в женщинах, ходивших к нему! Точнее, тех, кто спал с ним. Ведь Амрит принимал и как семейный консультант, и как сексолог. Посвящение в тантрический секс было, похоже, лишь для избранных. Видимо, для тех, кто проявлял интерес и готовность...

К слову, если он консультировал по семейным отношениям, то к нему, возможно, наведывались и супружеские пары? Стало быть, мужья тоже

видели его. И, если вдруг возникало подозрение, нетрудно было вычислить, с кем проводит время жена.

Надо во что бы то ни стало найти его записи о клиентах! Но это потом. Сейчас у Алексея есть кое-какие вопросы к Евгению Николаевичу.

– Вы установили, насколько я знаю, что Амрит умер от потери крови? У него нет ран, несовместимых с жизнью?

– Нет. Ни ножевых, ни пулевых. Побои сильные, но не смертельные. Хотя все относительно. У него сломаны нижние ребра, осколки повредили внутренние органы. Не смертельно, да, – но если не обратиться срочно к врачу, то повреждения привели бы через определенное время к инфицированию, некрозу и летальному исходу... Во всех случаях полученные травмы вызвали потерю сознания. А поскольку ему отрезали...

– Я в курсе, – не дал ему закончить фразу Алексей. – Еще вопрос, Евгений Николаевич. Побои были беспорядочными? Или методичными?

– Что вы имеете в виду? После смерти прошло несколько часов, прежде чем его нашли, а в этом случае не так-то просто установить очередность побоев, так сказать...

– Представьте: к этому человеку явился разъяренный муж, жаждущий отомстить, проучить Амрита. И он осыпал жертву градом беспорядочных ударов. А теперь другой вариант: явился не мститель, а некто желающий получить определенную информацию. Код сейфа, к примеру, или банковской карточки...

– То есть жертву пытали? Вы об этом спрашиваете?

– Именно.

– Хм... Пожалуй. Многие удары наносились по несколько раз в чувствительные места: солнечное сплетение, нос, коленная чашечка...

– Иными словами, можно заподозрить пытки?

– Безусловно.

– Это ценная информация, спасибо. Мне нужна ваша помощь еще в одном вопросе. Мне известно, что убийца почти сразу же после того, как вошел в квартиру жертвы, был вынужден выбежать из нее, поскольку хотел догнать нечаянного свидетеля. Однако жертва за это время не спряталась, в полицию не позвонила, хотя поведение гостя было по меньшей мере подозрительным. Это наводит на мысль о, к примеру, электрошокере. Или каком-то особом ударе, который сразу же вырубил жертву на некоторое время. Скажем, минут на пятнадцать-двадцать. Вы нашли на его теле что-то подходящее к моему описанию?

Евгений Николаевич вздохнул и покачал головой.

– Ушлые вы ребята, сыщики. Следы электрошокера имеются

у основания шеи, я в отчете указал.

Итак, травмы, которые получил Амрит, выдавали не только жажду мести заказчика. Это были явно следы пыток. А значит, хозяин квартиры что-то прятал. И убийцы об этом «что-то» знали – или подозревали – и страстно желали его найти. Они унесли телефон и компьютер – искомое находилось там? Возможно, из Амрита выбивали логин и пароль к компьютеру? Чтобы уничтожить, стереть все записи?

Записи. А что, если Амрит снимал свои постельные утехи? Алексей не раз сталкивался с подобными ситуациями: не так уж мало на свете любителей пересматривать и заново смаковать свои занятия «любовью»... И, допустим, среди дам, попавших на его ложе, оказалась та самая женщина, за которую отомстил ее муж?

С другой стороны, месть выглядела крайне жестоко. В то время как предполагаемый муж мог лишь только каким-то образом узнать, что его жена занимается, помимо теории, еще и практикой у специалиста по тантрическому сексу. *Узнать*, то есть получить информацию, – а не *увидеть*: вряд ли его пригласили поприсутствовать в спальне... Однако ярость мести зашкаливает так, – будто он самолично наблюдал, что выделяет с его супругой «гуру».

Кстати, это мог быть и отец, который отомстил за дочь. Хотя нет, вряд ли, малолетки к Амриту не ходили, а взрослые девицы способны и сами решить, с кем им заниматься плотскими утехами да как.... Так что скорее всего заказал Амрита все-таки муж. Главное, он каким-то образом *видел* своими глазами «тантрический секс» с участием супруги. (К слову, не факт, что персональная «тантра» Амрита соответствовала настоящему древнему учению, но вряд ли это кого-то волновало.)

Да. Любой психолог, Алексей не сомневался, подтвердит его гипотезу: то, что сотворили с Амритом, – не просто убийство, не просто пытка, – а *казнь*. И для нее у убийцы должны быть основания куда круче, чем неприятная, но лишенная красок информация о супружеской неверности...

Но как оный муж мог эти сцены *увидеть*?

Только если...

Только если красавец свои утехи с клиентками не просто записывал, а пытался этими записями шантажировать их богатых супругов? Грозясь обнародовать?

Да, тепло, тепло. Таким образом, пресловутый муж ярился не только созерцая, как его супруга сношается в самых странных тантрических позах (интересно, как они выглядят?), но еще и получив ультиматум в крупном

денежном выражении! Вот это очень похоже на правду.

С одним только малюсеньким «но»: для шантажиста Амрит был слишком беспечен. Уж сколько раз твердили миру: вымогателей убивают!

Впрочем, они почему-то не переводятся. Алексей вспомнил Тимура^[1]: тот достаточно долго и успешно шантажировал людей видеозаписями, сделанными у него на даче. Тимур подсыпал им наркотик в напитки, а затем над гостями принимались трудиться бойцы сексуального фронта, Тимуровы прислужники Варя и Паша, и все это записывалось на камеру. Герой шоу, ничего не помнивший, обалдевал, получив видео... И исправно платил. Тем не менее расправа Тимура настигла. И Пашу, попытавшегося пойти по стопам хозяина, тоже.

Несмотря ни на что, истории с шантажом и последующим устранением вымогателя продолжают пополнять страницы криминальных хроник. Люди глупы и самонадеянны, а жадность им последние мозги проедает, как моль шерстяной свитер.

Алексей уже прибыл на Страстной бульвар и теперь искал место, чтобы поставить машину.

Жадность? Амрит наверняка хорошо зарабатывал. У него официальный статус семейного консультанта-психолога-сексолога, где-то имеется отдельный и официальный кабинет для приема супружеских пар. Одна консультация стоит несколько тысяч рублей, а ведь каждая пара приходит к нему наверняка не раз. И сколько у него таких пар в клиентах?

Плюс плата за тантрические уроки. Татьяне он озвучил сумму в три тысячи рублей за час. Постоянный ли это тариф, или у Амрита имелись расценки в зависимости от сложности задачи... Хотя что под ней могло подразумеваться, Кис не представлял... Неважно. Главное, Амрит был далеко не беден. О чем свидетельствовала хотя бы квартира из четырех комнат в самом сердце Москвы, плюс кабинет для психологических консультаций.

Но это нормальные люди думают: раз человек достаточно богат, то не может быть скрягой. На самом деле очень часто он потому и стал богатым, что от природы или в силу воспитания скуп, всю жизнь денежки копил, стремился увеличить свое состояние, строго контролируя расходы, чтобы десятки превратить в сотни, сотни в тысячи, тысячи в миллионы, – и так до бесконечности. Жадность у него течет в венах вместо крови.

Так что версия шантажа вполне правдоподобна. И значит, Амрит записывал свои секс-экзерсисы. За ними убийцы и явились!

Наконец детективу повезло, и он нашел куда приткнуть свой джип.

Надо найти, как Амрит это делал, – додумывал Алексей мысль,

паркуясь. В прямом техническом смысле. Вряд ли женщины согласились бы, спроси он у них разрешения. Значит, съемка велась скрытой камерой. Хорошо спрятанной, – чтобы очередная клиентка ничего не заподозрила...

– Привет, Дим!

Димыч, тоже бывший товарищ Алексея по Петровке, – не друг, как Серега, но приятель хороший – уже ждал его у подъезда. Они поднялись на лифте, и Димыч вскрыл опечатанную квартиру.

– Ты чего ищешь, Кис? – спросил он, войдя в прихожую.

– Вы на предмет скрытых камер проверяли?

– Нет. Думаешь, Амрит записи делал?

– Сам посуди: ты видел, как его избили?

– Ну.

– Жестоко, яростно!

– Ну. Мы так и подумали, что чей-то муж прознал о развлечениях жены.

– Не просто прознал, Димыч. *Он их видел своими глазами.* Вот откуда такая ярость. К слову, погоди-ка минутку...

Алексей открыл электронную почту в своем телефоне и написал Татьяне две строчки:

«Мне необходимо узнать, как примерно выглядят позы в тантрическом сексе. Без подробностей, просто нужно понять, насколько это экзотично. Можете дать ссылку на какой-нибудь сайт, если у вас есть?»

Дошла ли Татьяна до них сама (судя по ее рассказу, нет) – неважно. Алексей не стал смущать молодую женщину подобным вопросом. Она могла знать об этом и в теории.

– Так вот, ярость. Этот самый муж видел своими глазами, что выдывала его жена с «гуру». А как он мог увидеть, Димыч? Не под кроватью же прятался!

– По-твоему, Амрит мужику запись прислал? Шантажировал?

– И скорее всего, не ему одному. Просто до сих пор ему с рук все сходило. А тут нарвался на твердый орешек. Видимо, орешек этот располагает большими возможностями и ничего не боится.

Вякнул сотовый. Пришло электронное письмо от Татьяны:

«Амрит показывал мне альбом на английском языке со

старинными индийскими миниатюрами. Речь в книге шла о том, что разные позы соответствуют разным типам контакта энергий мужчины и женщины (или как-то так). Но выглядит действительно чрезвычайно экзотично. Для примера: представьте, что мужчина становится в позу, которая в гимнастике называется «мостик». При этом у него эрекция... Что делает женщина, догадаться нетрудно ☺».

Мда, усмехнулся Кис. Он бы назвал такую позу «кушать подано». От такой экзотики с участием родной супруги даже последний мямлик взбесится!

– Ну что, Димыч, поищем скрытые камеры?

– А чего их искать, Кис? Они над кроватью – ведь индус там упражнялся с клиентками. Ну, может, еще в белом зале, – иди сюда, посмотри. – Димыч распахнул перед Алексеем дверь. – Но тут у него все белым пластиком залито, ни шва, ни щели, так что после хорошей помывки никаких следов не найти. Парня, к слову, в этой комнате избивали, его тело вот тут, – кивнул он в сторону овального стола, – нашли. А уж кровящи сколько было... А вишь, ни пятнышка не осталось! Уборщикам даже особо напрягаться не пришлось. Пошли лучше в спальню, там уж точно камеры встроены! Если, конечно, твоя теория верна...

В потолке были утоплены несколько точечных светильников, которые отечественными коммерсантами незатейливо назывались английским словом «спот». Димыч притащил из белого зала одну из многочисленных лесенок, находившихся там (чье назначение сыщики не смогли угадать), и поднялся по ней, с тем чтобы достать до потолка. Выкрутил лампочку, находившуюся прямо над центром огромной кровати...

Из отверстия в потолке свесился провод с небольшим утолщением на конце.

– Ну и вот тебе, – произнес Димыч. – Шпиёнская камера. Давай посмотрим другие. – Димыч спустился и передвинул лестницу к следующему «споту».

Там тоже обнаружилась камера. Ну и далее – везде. В каждом из светильников спальни имелось по глазку.

– Слушай, Кис, а зачем ему столько камер?

– Наверное, он потом выбирал лучший ракурс...

– Если так, то он записи монтировал.

– Дим, я не шибко в этом разбираюсь... Но да, похоже. Есть уйма программ по видеомонтажу, научиться ими пользоваться несложно. У него

наверняка в компе была. Да только компьютер ведь исчез, как я понимаю.

– Исчез... И что, индус этот такой дурак, что дубликаты записей не сделал?

– Допустим, сделал. Да только где их искать?

Они вдвоем обошли всю квартиру Амрита, внимательно вглядываясь в каждую щель, каждый выступ в надежде найти тайник. Они все трогали, двигали, нажимали: вдруг сейчас какая-то стенка отъедет в сторону, открыв потайную комнату? Или полка перевернется, обнажив секретную обратную сторону? Или еще какое чудо случится?

Они развлекались таким образом почти час, однако ничего интересного не происходило.

– Слышь, Кис. Мы зря время теряем. Его ведь пытали, бедолагу. Так он им все сказал! Если тут тайники и есть, туда уже бандиты залезли и все унесли!

– Я бы предпочел своими глазами такой тайник увидеть... Но ты прав, Димыч. Черт, как кофе хочется! Пойдем отсюда, отыщем где-нибудь кофейню!

– Так чего, мы тут закончили?

– Да, пошли. – Алексей направился к входной двери. – Знаешь, Димыч, я вдруг подумал: мы стандартно мыслим. По старинке. Мы столько секретных дверей и ходов перевидали, столько хитрых тайников обнаружили за время, которое работаем вместе, что нам они теперь мерещатся повсюду. Но ведь видеозапись – это, строго говоря, не вещь. В смысле, не материальная вещь. У Тимура, помнишь, были видеокассеты, – они да, материальны. А нынче одним щелчком мышки любой файл можно отправить в виртуальное пространство.

– И чего?

– А то, что зря мы время потеряли. Нет тут никакого тайника. Все ушло в «облака».

– Кис, а зачем ты вообще записи ищешь? Что нам это даст? Ну трахались с ним бабы, и так понятно.

– Дим, сам подумай: что вам удалось найти? Список его мобильных контактов, общение на форуме, что еще?

– Его провайдера, эсэмэс-сообщения, адрес почты и всё мыло.

– И куда вас это продвинуло? В переписке он был крайне аккуратен, ничего лишнего, никаких намеков. А все женщины, с которыми вы пообщались, сказали, что обращались к нему исключительно за советом как к специалисту по семейным отношениям. Ни одна не призналась, что имела с Амритом интимные отношения. Но пока мы не установим тех, кто

имел, – не найдем и мужа-убийцу.

– Да это понятно, – досадливо произнес Димыч, будто обидевшись, что Кис поясняет ему очевидные вещи. – Я не про то! Я вот о чем: найдешь ты записи, допустим, – так на голых тетках же бирочки с фамилиями не развешаны, как на трупешниках! Все равно не поймешь, кто такие!

Алексей хотел было напомнить приятелю свои рассуждения про мужа-шишку – а шишки, они все более-менее на виду, их фото с женами есть в интернете, – но не стал.

– Если найдем, там и посмотрим, – кратко ответил он.

Они уже входили в первое кафе, попавшееся по дороге, и ноздри детектива уже раздувались от терпкого, густого запаха кофе. К счастью, в последнее время врачи твердят, что кофе чрезвычайно полезен и пить нужно не меньше трех чашек в день, – что кофемана Киса весьма устраивало.

Он заказал себе эспрессо, Димыч взял капучино, и они чокнулись чашками за успех расследования.

Как только речь заходила об «облаках» – то есть облачных серверах, хранилищах данных, – Алексей непременно вспоминал Риту. Несколько лет назад эта юная талантливая программистка не только попросила у детектива помощи, но и сама существенно помогла ему^[2]. А с тех пор стала его преданным и надежным консультантом в мире компьютерных технологий и интернета.

Димыч, допив капучино, ушел к себе на Петровку, а Алексей остался в кафе. Взял еще чашку эспрессо и, найдя в списке контактов Риту, написал ей короткое эсэмэс-сообщение: «Привет, дорогая. Нужна твоя помощь. Как поживаешь, расскажешь при встрече».

Они виделись не так давно, к слову. В последнем деле Рита тоже помогла в расследовании, и они с Александрой пригласили свою любимицу в гости. С мужем Андреем, разумеется, и чудесным их малышом. Вечер пролетел так стремительно, что они даже наговориться не успели, – редкое ощущение после гостей. *Отдохновенный* вечер получился – так на лексиконе Алексея и Саши назывались встречи с друзьями, оставлявшие в душе радость и легкость. Друзья, они ведь разные. Некоторые грузят, – хоть и любишь их, и видеть рад... Но к концу встречи радость куда-то исчезает, и после ухода таких гостей вздыхаешь с облегчением.

Рита перезвонила через семь минут.

– Алексей Андреевич! – раздался в трубке ее хриловатый, радостный голос. – Рассказывайте, чем могу помочь?

– Рит, дело очень... хм... деликатное. Не телефонный разговор.

Встретимся?

– Подъехать к вам на Смоленку?

– Куда тебе удобнее. Главное, в такое место, где нет посторонних ушей.

– Как только Андрюша вернется, я оставлю на него сынулю и приеду на Смоленскую. Такие воспоминания связаны с вашим кабинетом! И Игоря буду рада повидать.

– Отлично. Он приготовит для нас что-нибудь вкусное. Когда примерно подтянешься?

– Часика через два. Позвоню перед выходом.

В ожидании встречи Алексей заехал в магазин, закупил разной еды и вернулся на Смоленку.

– У нас сегодня в гостях Рита! – возвестил он с порога. – Сообразишь ужин на троих?

– А то! – обрадовался Игорь.

– Тогда держи сумки, – протянул ему покупки Алексей.

– Что тут?

– Лучше спроси, чего тут нет.

– Понял. Какие-нибудь пожелания?

– Сам решай, что приготовить, ты же у нас шеф.

– Нет, просто шеф – это ты. А я шеф-повар, – хохотнул Игорь.

– Как скажешь, – отмахнулся Алексей. Голова была столь плотно забита разными соображениями, что шутки туда уже не помещались, как очередное платье в гардероб модницы.

– Что-нибудь удалось нарыть за сегодня? – поинтересовался Игорь, разбирая сумки с едой.

– О, уйму всего. И в то же время мало чего ценного...

– Приход Риты с этим связан?

– Да, – удручился Кис, подумав, что уже в который раз приглашает девушку лишь тогда, когда нужна ее помощь. Их посиделка месяц назад была первая и единственная за все время их знакомства. А меж тем он любит ее нежно, и Андрей ему симпатичен, хорошие ребята... Почему никогда нет свободного времени для душевного общения? Вечно гонка – то быт, то работа, а в перерывах необходимый отдых, нужно же отдышаться... И время почему-то ускоряется с каждым прожитым годом; только начался понедельник, – а вот уже воскресенье кончается...

Утешало одно: Рита такая же, одной с ними породы. Старается всё успевать между семьей, ребенком, работой. Поэтому она никогда на

Алексея не обижается. Может, даже думает точно так же: что никогда не позвонит любимому сыщику просто так, не по делу...

– Так расскажи! – возопил Игорь.

– Ты там разберись с покупками, реши, что на ужин, заправь куда надо – вариться или запекаться – и приходи в кабинет.

– Да я уже придумал меню: запекую морковь с чесноком под пармезаном в духовке, а рыбу разрежу на кусочки и поджарю в кляре.

– Вкусно звучит. Как тебя только еще никакой ресторан у меня не переманил!

– Пытались, между прочим, – улыбнулся Игорь. – В Канаде, в русский клуб. Кристина кому-то сказала, что я «гений кулинарного искусства», – так чуть силком к себе не уволокли!

– Хм. За тобой глаз да глаз.

– Ага.

– Это ты намекаешь, что пора тебе зарплату поднять? Пока конкуренты не переманили?

– Нибожемой. Но если что, так я не против.

– Обсудим, – кивнул Алексей и подумал, что Игорь, разумеется, не может всю жизнь работать у него ассистентом. Криска вернется из Канады, они, наверное, поженятся, и парню нужна будет хорошо оплачиваемая работа: семью содержать. Пока холостяк, ему хватает, а вот если дети пойдут... Короче говоря, следует всерьез обдумать этот вопрос.

Но не сейчас.

– Пока ты ужином занимаешься, я по интернету погуляю. Есть у меня мыслишка одна.

Алексей уселся за свой огромный стол с инкрустированной столешницей, наследство «красной профессуры», бабушки с дедушкой. Включил компьютер, затем открыл Яндекс и завел в строку поиска «криминальные происшествия Москва». В сроках указал последний месяц.

Мысль его была проста: поскольку у нас вырисовывается муж-мститель, то, может, он не только убийц к Амриту направил, но и супругу неверную порешил?

В хронике нашлось несколько убийств, но ни одно из них не вписывалось в заданные рамки... Болван! – поздравил себя детектив. Горазд время терять понапрасну! Сам же решил, что Амрита заказал муж-шишка. Крутая такая шишка. Значит, если и убили супругу шишки, то никакая газетенка об этом не обмолвится! Шишка как гаркнет – и все заткнется.

Особенно, к слову, если шишка номенклатурная. Не просто богач-бизнесмен, а такой богачмен, который хорошо сидит на хорошем месте...

– Игорь, как ты там продвигаешься? Распределение продуктам организовал?

– Да, почти закончил.

– Тогда иди сюда, расскажу, пока Рита не пришла. С ней я тоже поделюсь информацией, но только частью. Всё ей знать ни к чему...

Рита прилетела, как всегда, оживленная, веселая – каштановые волосы колечками, на щеках румянец и темно-карие глазенки сверкают. Принимать такого гостя (гостью), как она, – сплошное удовольствие. Ей все нравилось, все было обалденно вкусно и обалденно приятно увидеться со старыми друзьями. В ней бурлила радость жизни, радость существования, свойственная детям, – которую люди обычно теряют со взрослением. А Рита вот сохранила, несмотря на не шибко радужное детство и трудную юность... Умничка, чудная девочка, – Кис ощутил тепло в груди. Вот бы таких людей, как она, да побольше на свете было...

Ужин – изысканный ужин, приготовленный Игорем, – детектив портить разговорами о деле не захотел, поэтому приступил к беседе лишь после десерта. Его Игорь не готовил – времени не напасешься, если всё делать самому, он все-таки не в ресторане шеф-поваром работает! – но Алексей принес из хорошего магазина вкусные пирожные. Рита попросила чаю, Кис сделал себе (конечно же) кофе, а Игорь обошелся стаканом сока.

Вот тут детектив и приступил к делу.

– ...С учетом множественных камер, – подытожил он свой рассказ, – я сделал вывод: Амрит записывал свои постельные экзерсисы на видео. Согласна?

– Конечно.

– Мне кажется, что передача изображения шла по wi-fi.

– Без разницы, Алексей Андреевич. Были ли камеры подключены напрямую через кабель или данные порхали по воздуху через wi-fi, – всё одно: они шли к Амриту на компьютер. А оттуда наверняка на «облака».

– Комп, как я тебе сказал, убийцы забрали. Можно ли каким-то образом вычислить, на какие такие «облака» уходили эти записи?

Рита задумалась на некоторое время.

– На «облаках» Амрит их только хранил. Но записывал-то он с другой целью! Он кому-то куда-то должен был их переправлять. Скорее всего, чтобы получить за это деньги. Иначе на фиг ему такие хлопоты!

– Я так и решил, что он шантажировал мужей своих клиенток. Как я понимаю, к нему ходили богатые дамочки, но большинство из них наверняка лишь скучающие жены богатых мэнов, вышедшие замуж за их бабки, – они-то и ищут недостающих в браке наслаждений. Не все, конечно, – иные просто хотят снять зажим, – Алексей подумал о Татьяне, – научиться новому, разнообразить свою сексуальную жизнь с любимым... И так далее. Но мы ведь о шантаже. А шантаж имеет смысл только тогда, когда шантажируемый платежеспособен.

– Иными словами, шантажировать клиенток не имело смысла? Не они держали в руках толстые кошельки?

– Думаю, так. Кроме того, мне представляется, что шантажист действует анонимно. Отсылая видео, он не сообщает, с кем развлекается супружница, то есть своего имени не называет, не дурак же. Среди его клиенток наверняка есть и бизнес-дамы – те, которые сами зарабатывают большие бабки. Но они бы сразу поняли, откуда ноги растут. На видео-то они сами с Амритом! Так что, уверен, индус имел дело лишь с мужьями.

– В принципе, заработать, имея подобные записи, можно не только шантажом. Их можно продать порносайтам. Хотя... Нет, вряд ли. Они платят мало. Какому-нибудь студенту, который поставляет им домашнее порно с подружкой, сумма покажется большой... Но, судя по вашему рассказу, Амрит и без того отлично зарабатывал на жизнь. И если он соблазнился левыми деньгами – то о-о-очень большими деньгами.

– Именно! Рита, а можно ли взломать «облака»?

– Нет. Они все принадлежат крупным компаниям – Майкрософт, Гугл и так далее – и очень надежно защищены. Тем более что мы не знаем, каким сервисом Амрит пользовался. Но можно попытаться узнать логин и пароль к нужному хранилищу, если хозяин неосторожно позволял запоминать их компьютеру. Да только компа-то больше нет! Его унесли убийцы, вы сказали.

– Да. Но полиция нашла провайдера, и мы можем получить ай-пи этого компьютера.

– Затея имеет смысл только в том случае, если он включен...

– Возможно, заказчик изучает его! – с энтузиазмом предположил детектив. – Мало ли, вдруг пытается найти и уничтожить видео с его женой... И комп до сих пор в сети!

– Алексей Андреевич, вы не дослушали. Если комп не просто включен, но при этом каким-то образом остался у того же оператора... Однако если его подсоединили к другой сети, то его ай-пи изменился.

– И что же, тогда никакой надежды? – растерялся детектив.

– Ничего не могу обещать, – сурово ответила Рита. – Дайте мне для начала его провайдера и старый сетевой адрес, пресловутый ай-пи. Я посмотрю, что удастся сделать.

Алексей кивнул и принялся набирать номер Сереги Громова, а Рита тем временем достала свой ноутбук – с ним она не расставалась никогда.

Через несколько минут Алексей получил у Громова всю необходимую информацию, и пальцы Риты запорхали над клавиатурой, – мышкой она не пользовалась никогда.

Безрезультатно. Компьютер Амрита молчал, как ни колдовала волшебница над ним.

– Алексей Андреевич, – Рита была расстроена неудачей не меньше Алексея, – может, я что-нибудь еще придумаю... Давайте вернемся к началу, то есть к задаче. Вы хотели увидеть видеозаписи Амрита, чтобы вычислить среди женщин-клиенток ту, чей муж мог заказать его убийство, верно? А как вы намеревались ее вычислить?

– Я надеялся найти у Амрита записи, на которых запечатлелись не только... хм... интимные места, назовем это так, – но и лица его партнерш. А они должны там быть, иначе шантаж не имел бы смысла... Затем, выделив из видео кадры с их личиками, запустить поисковики по фото, чтобы выудить схожие. И узнать наконец, о ком шла речь. Я убежден, что весь сыр-бор разгорелся из-за супруги какой-то шишки – либо высокопоставленного чиновника, либо крутого бизнесмена... Впрочем, наши чиновники являются обычно и бизнесменами... Короче, все они, так или иначе, – пусть даже редко, не громогласно – в интернете отметились. В этой всемирной клоаке непременно найдутся снимки с официальных мероприятий, а поскольку жены обязаны сопровождать своих супругов на разных торжествах – то их личики тоже где-то запечатлелись.

– Bravo. В смысле, у вас правильный ход мысли.

– Угу. Только облом вышел. До записей не добраться, как я понимаю.

– Боюсь, что нет. Но у меня есть идея... немного смутная пока... Амрит должен был ведь чем-то угрожать шантажируемому? На случай, если тот откажется платить?

– Разумеется. Обнародовать записи. В интернете. Других вариантов не вижу. На сегодняшний день нет позорища хуже...

– Вот! Я к этому и клоню! Но подобные записи – это порно. Их не разместить в новостях, как вы понимаете. Ни, к примеру, на Фейсбуке. Только на порносайтах. Или в закрытых группах российских социальных сетей... – хотя там тусуется в основном молодняк. Так что я голосую за сайты.

– И?.. – Алексей не уловил мысль Риты.

– А что, если он их уже разместил? В наказание тому, кто отказался платить? Если Амрит – шантажист, то он попытался доить всех платежеспособных мужей, чьи жены с ним спали. Возможно, какие-то записи он уже выставил в интернет. За что его и убили.

Так-так-так... Рита права. Она на верном пути! Эта зашкаливающая ярость, запечатлевшаяся в убийстве «гуру», – она отлично объяснялась не просто полученной от шантажиста записью, но еще интернет-позором! И на ролике наверняка видно лицо супруги – иначе с чего б ее мужу так психануть, что отрезать Амриту... Ну, в общем, ясно, о чем речь.

Вырисовывается, значит, вот какой сценарий: Амрит Валли послал видео «шишке» с требованием большой суммы (парень дурак и самоубийца, заметим в скобках); оная персона же, с тех пор как стала «шишкой», нос высоко задрала и сочла себя неуязвимой. В силу чего ответила Амриту гневно: вы не посмеете! (Ну, как-то так.)

Амрит же посмел. Отправил «шишке» ссылочку на сайт, где разместил видео с участием его супружницы. И вот тут-то супруг озверел!

О да. Именно такая ситуация прекрасно объясняет последующую казнь. Не объясняет, правда, как мог человек в здравом уме – то есть Амрит – пойти на подобный риск... Но опыт свидетельствовал: идиотов на свете намного больше, чем можно подумать. Понятие «здравого ума» чрезвычайно растяжимо. Случалось, к примеру, держать приятеля за разумного человека – а он, глядь, помчался вкладывать деньги в финансовые пирамиды. И сколько не пытался вразумить его Алексей, все было напрасно... Или вот, когда отмечали наступление двухтысячного года. Множество знакомых – умных, казалось бы, людей – сочли, что с этим годом уже наступил двадцать первый век. И все они, как сумасшедшие, буйно праздновали пришествие нового тысячелетия. Тогда как двухтысячный год лишь заканчивал тысячелетие предыдущее, – новое начиналось только в следующем, две тысячи первом году! Алексей, помнится, настолько замаялся объяснять этот нехитрый факт своим знакомцам, что ближе к дате оставил все потуги: люди категорически не врубались.

Иными словами, ум – понятие относительное. Слишком часто встречаются люди как бы вовсе не глупые, – однако совершающие достаточно много глупостей. Посему он не стал искать в поведении Амрита нарушение базовой логики. В конце концов, не каждый промах объясняется глупостью. Нередко случается, что за ним стоит наивность или незнание... Может, Амрит, к примеру, никогда не увлекался детективами,

отчего и не знал, какая участь ждет шантажиста...

– И как же нам этот ролик найти? – спросил Алексей. – Этих сайтов море.

– А на них – океан роликов... – согласилась Рита. – Вот что: дайте мне время до завтра, я поговорю со своими ребятами. Среди них есть те, кто подрабатывает продажей порноконента. Это настоящая коммерция, если вы не в курсе: они покупают ролики у одних, перепродают другим с накруткой, как это делают любые торговые сети, хоть овощные, хоть обувные... И они неплохо знают свой товар. Может, у них найдутся подсказки, как нам взяться за дело!

На том они и расстались.

Часть 3

Пятница

После разговора с детективом я почти совсем успокоилась. Продолжая аналогию с врачом, я ощутила, что вверила свою жизнь в надежные, опытные руки. Алексей Андреевич восхитил меня умением видеть в ситуации то, что пролетает мимо обычного сознания. Он мгновенно вычислил, где я находилась перед тем, как очутиться на бульваре, и выстроил линию событий, показал их связь. То, что еще пару часов назад мне представлялось необъяснимой загадкой, превратилось в достаточно внятную, хоть и пугающую историю. И роль Роберта в этом деле прояснилась. Вернее, стала понятной причина, по которой убийцы его наняли: ведь им нужно было срочно вернуться в квартиру бедного Амрита...

И, боже, как удачно, что учитель приказал мне уйти! То ли он что-то почувствовал подозрительное, то ли «гость», наоборот, сказал, что пришел по чрезвычайно важному делу, усыпив его бдительность... Поскольку разговор по видео-фону я не слышала, то теперь остается только гадать. Например, «гость» мог представиться инспектором из налоговой, – ясно, что в подобном раскладе ни «инспектору» не следовало видеть меня, ни мне слышать их беседу.

Как бы то ни было, Амрит очень удачно выставил меня из своей квартиры, иначе бы вскоре там нашли и мой труп рядом с его...

При этой мысли меня передернуло, будто током ударило. Ох, ни к чему размышлять о подобных вещах на ночь!

Неожиданно я пожалела, что Роберт больше не со мной. Не в одной квартире, не в одной постели... Его всплеск страсти был куда больше, куда значительнее обычного плотского влечения: столько в нем было нерастраченной нежности, горячей ласки, которую он щедро излил на меня... И в которой я так отчаянно нуждалась... «Вот и встретились два одиночества», как в песне какой-то поется.

Амрит объяснял отношения мужчины и женщины взаимодействием инь-ян (кто бы сомневался), женского и мужского начала. Я и раньше об этом читала, так что открытия не случилось. И все-таки после его слов я как-то особенно ясно осознала, что в отношениях полов главное – обмен: давать и брать в равной степени. В нашем же обществе, в нашем

менталитете идея взаимного обмена отсутствует. Статьи психологов и прочих умных людей в расчет брать не будем – они влияют лишь на малую аудиторию своих читателей. В целом же наш менталитет отразился в нашем же языке: «она ему отдалась (или, в плебейской версии, – дала), а «он ее взял».

С Робертом было иначе. Мы одновременно отдавались друг другу и брали друг друга. Дарили и принимали подарок. Насыщались и насыщали.

Такого я раньше ни с кем не испытывала. Ни с Васькой, ни до Васьки. Не знаю, почему и кто в этом виноват... Неважно. Главное, что с Робертом я...

Волна невыносимого желания захлестнула меня. Накатила, как цунами, утопила в себе, лишив воздуха. Роберт, Роберт, почему ты сейчас не со мной?!

У меня есть его номер. Позвонить, сказать: «Приезжай!»

Он бы мгновенно прилетел, я уверена.

Хотя... Прилететь-то прилетел бы... Но вовсе не факт, что для нежностей.

Все, о чем я думала и рассуждала всего несколько минут назад, вдруг показалось мне бредом. Я просто нафантазировала, выдумала какой-то наш особый контакт с Робертом, – а на самом деле я принимаю желаемое за действительное. От отчаяния, от одиночества, – как бездомный щенок, который заглядывает в глаза каждому прохожему: возьмешь меня к себе? Будешь меня любить?

Вот дура-то. Действительно, идиотка, иначе и не скажешь.

А в реальности будет вот что: Роберт, как только я ему позвоню, снова примется ругать меня. Я дура, я все не так сделала, неправильно: сбежала тайком, забрала свои документы с карточкой, сочла, что в этой глуши нахожусь в безопасности и могу больше не прятаться...

«Идиотка!»

И зачем мне такое слушать, спрашивается?

Незачем.

Я разделась, приняла душ, надела пижаму и забралась в мягкую, чистую постель с книжкой, купленной днем в супермаркете. Включила ночник возле кровати – основание в виде вазы цвета синий кобальт и молочно-белый, струивший приятный глазу свет, стеклянный абажур, таких теперь не делают. Раскрыла книжку, приготовилась читать.

И не заметила, как заснула.

СУББОТА

Утро порадовало хорошей погодой. Позднее ленивое солнце мягко освещало бледно-голубое, дымчатое небо, уцелевшие листья отражали лучи своей, внезапно ставшей яркой, желтизной. Мне захотелось выйти на улицу, прогуляться, полюбоваться, подышать поздней осенью. Я позавтракала – ржаные хлебцы, сыр, крепкое какао с молоком, – наслаждаясь непривычным ощущением свободы. Свобода теперь была у меня во всем: не надо было бежать на работу, я могла планировать день, сообразуясь исключительно со своими желаниями и даже прихотями. Свобода от плена Роберта; свобода от страха за свою жизнь... Это ли не счастье?! Пусть немножко покусывает меня одиночество – я не привыкла жить одна, – но чувство свободы меня пьянило, с лихвой возмещая потери.

Я прогуливалась по улице, размышляя, как наиболее рационально обустроить вывоз «Тойоты» куда-нибудь подальше от города. Нанять такси, чтобы оно меня сопровождало, а затем вернуться на нем? Нет, плохая идея: таксист станет свидетелем весьма странного поступка с моей стороны. Настолько странного, что он примется рассказывать о нем знакомым, а то и в полицию заявит. Или, наоборот, вернется за «Тойотой», чтобы отдать кому-нибудь дармовую и вполне приличную машину... Или продать по сходной цене...

При слове «дармовую» меня вдруг осенило: зачем ехать далеко, когда можно прямо в городе избавиться от нее, по дешевке продав... нет, без документов нельзя... отдать ее какому-нибудь любителю... Тоже нет! – придется акт дарения (или как его там) оформлять...

Надо ее на запчасти пустить! Так от нее и следа не останется!

Я довольно быстро нашла адреса мастерских, торгующих запчастями. Одна мастерская находилась не так уж далеко от моей новой квартиры. Я прикинула, что можно сказать, чтобы машину забрали, при этом не спросив документы. Например, хочу отомстить неверному любовнику. Или, как вариант, мужу, который меня бросил с детьми.

Да, но... Вовсе не факт, что в мастерской польстятся на дармовую машину. Если за мной стоит некий «муж» или «любовник», то мужики могут побояться ненужных осложнений... Зато я успею засветиться в их заведении.

Как же быть?

Интересно, а эта модель, «Камри», пользуется большим спросом? Могут ли ее угнать, если оставить машину без присмотра? Вот был бы

подарочек...

Я тут же полезла в Яндекс и сделала поиск по ключевым словам. О-о-о, в интернете пишут, что «Камри» на третьем месте по угонам. Правда, я не знаю, какого года «моя» модель, но вдруг повезет? И тогда уже вор будет прятать ее от полиции, избавив меня от хлопот!

Я решилась проделать эксперимент и отправилась к торговому центру. Не к тому относительно маленькому, что недалеко от моего квартала, а к большому, в три этажа, в самом сердце городка. Поставила машину на стоянку, но «забыла» ее запереть и включить сигнализацию. С беспечным видом – чего взять с легкомысленной девицы, к тому же блондинки! – я направилась ко входу. Войдя, оглянулась: не приближается ли кто, крадучись, к моей машине? Но нет, стоянка была пустынна, лишь машины поблескивали на солнце разноцветными бочками, но ни одной живой души не наблюдалось.

Ничего, утешила я себя, нужно будет приехать сюда несколько раз. Воры, возможно, не каждый день тут рыщут. Наверняка в городе есть и другие крупные парковки, на которых они промышляют. Может, они день там, день тут... Но они непременно заглянут и на эту, – только наберись терпения, Таисия!

Я проболталась по бутикам почти три часа. Купила миленькую пижамку, тапочки и кое-что из одежды. Ведь той, что собрал для меня Роберт, хватило лишь на пару дней. Сейчас все уйдет в стирку, а заменить ее нечем. Кроме того, я хотела сменить жутковатую фиолетовую куртку. Концепт Роберта – максимально изменить мою внешность – теперь был неактуален. В нынешней ситуации моя задача была совершенно противоположной: скромно и тихо жить в этом городишке, не привлекая к себе внимания. Я даже одежду выбирала в разных бутиках: не хотела, чтобы меня запомнили как богатую покупательницу, накупившую одним махом шмоток на несколько десятков тысяч.

Наконец, нагруженная пакетами, я вышла из торгового центра: поскорей бы донести их до «Тойоты», а то руки обрываются!

Но машины на месте не оказалось. Я, еще не веря своей удаче, поискала ее глазами (глупо, конечно, будто она сама могла перебраться на другое место!) – нет, нигде не видно. Ее украли, уррра!!!

Я вышла с парковки на проезжую часть и тормознула левака. И вскоре уже раскладывала обновки в моей квартире.

Тренькнул планшет: пришло сообщение. Разумеется, от детектива, – никого другого в списке контактов в моем новом почтовом ящике не

имелось.

Алексей Андреевич интересовался, как могут выглядеть позы в тантрическом сексе. Не знаю, зачем ему, – надеюсь, это не праздное мужское любопытство. Хотя, насколько я его представляю по нашей переписке, человек он серьезный.

И раз спрашивает, – значит, нужно для дела.

Я ответила. Амрит показывал мне роскошно переплетенный толстенный том, темно-синий, с золотым тиснением. Книга была издана в Англии в семидесятых годах, научно и серьезно, с историческими пояснениями и комментариями к цветным миниатюрам, поразившим мое воображение. Не знаю, собирался ли Амрит предложить мне со временем практические занятия, но *этим* я бы заниматься точно не стала. Уж больно экзотично, на мой вкус.

Внезапно мне нестерпимо захотелось есть. Я посмотрела на часы: батюшки, да уже за три перевалило! Так незаметненько полдня ушло на житейские хлопоты. А я еще не сделала самое важное: не купила бумагу и карандаши для своих комиксов! Тогда как моя Новая Жизнь уже началась, уже пошла, уже отбивает часы и минуты. И в этой жизни я – художница. Пусть доморощенная, пусть мои «растрепки» никакого отношения к искусству не имеют, – но их любят. Их ждут. К ним пишут комментарии. Они людям нужны. А значит, и я тоже!

Да, да. Я только что сформулировала главное правило жизни: *человеку нужно быть нужным*. В работе ли, в любви, в дружбе, – но жизнь только тогда наполнена смыслом, когда человек востребован!

И как я раньше могла этого не понимать так ясно? Как могла столько лет угрохать на бессмысленную работу?! Да я должна была сбежать оттуда на второй же день, как только поняла, какую судьбу уготовил мне отец!

Ну, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Скандал с родителями, мой побег из загородного особняка, увольнение – все эти недавние события промелькнули в памяти. И мои встречи со специалистами по продвижению в сети, и радость, наполнявшая меня после этих бесед... Я не смогу пока с ними связаться – *меня ведь больше нет*. Но Алексей Андреевич найдет тех, кто пытался лишить меня жизни, я уверена. И тогда моя записная книжка вновь оживет адресами и телефонами!

А пока – работать. Набивать «портфель». Для раскрутки, как объяснили спецы, рисунки должны у меня иметься в запасе, чтобы в любой момент вынуть их из «портфеля» и поставить на тот сайт, где на данный момент оказалось больше моих поклонников. А их, таких сайтов,

множество. Инстаграм, Pinterest, еще какие-то, о которых я раньше вообще не слышала. Ну и ВКонтакте, и Фейсбук, разумеется. И даже, чуть позже, надо будет заняться продвижением на YouTube, смонтировав мои рисунки в видео-ролик. Так что вперед, Тая! – сказала я себе. Пора отправляться за покупками для творчества.

Карандаши мне требовались особые, акварельные, да и бумага специальная – плотная, с чуть шероховатой поверхностью. В обычных магазинах такие вещи не продаются, я покупала их через интернет. Но это было в Москве, с доставкой на дом. А сюда, в этот городок, доставят ли?

Я вышла на знакомый сайт, на котором уже давно отовариваюсь, и заново зарегистрировалась как новый пользователь, под вымышленным именем и новым почтовым адресом: все-таки конспирация не помешает. Первым делом посмотрела в раздел «Доставка». В Москве-то доставка бесплатная, – да только я вот не в Москве.... Так, есть пересылка почтой, но это долго. Ага, имеется курьерская доставка! Но тоже долго... Ладно, попробую договориться о срочной.

Перейдя в хорошо знакомый мне раздел товаров, я закинула в «корзину» набор акварельных карандашей в шестьдесят цветов, линер, точилку, специальный ластик, пару кисточек, бумагу нужного размера и фактуры и еще кое-какие мелочи. Указала адрес доставки и оформила заказ. Затем позвонила на сайт и согласилась заплатить тройную цену за срочную доставку курьером – то есть завтра во второй половине дня мои покупки придут!

Обрадованная, я закрыла сайт. Теперь срочно перекусить, не то умру с голоду!

Кулинарка я и правда неважная – Васька был прав насчет котлет, – потому что готовить не люблю. А особенно не люблю мыть потом посуду. Тарелки еще куда ни шло, сунула в машину, и все дела. Но сковородки и кастрюли... Посудомойка слабо выручает, она ведь щеткой их не ототрет. Мрак. Посему я заварила чай, сделала себе бутерброды с ветчиной и быстро пообедала. После чего отправилась за новой машиной.

Получив ключи, я порулила вокруг салона, чтобы привыкнуть. Машина хорошо слушалась, шла мягко, и вскоре я, довольная, поставила ее на парковку на освободившееся от «Тойоты» место. Хозяйке скажу – если спросит, – что та машина была не моя, друг одолжил, и я ее вернула.

ВСЁ. Основные дела для обустройства моей новой жизни сделаны! Теперь можно расслабиться.

Часть 4

Воскресенье

Кис

Утро не порадовало Алексея свежей информацией от Риты.

Он понимал, что рассчитывать на быстрый результат не приходится, – Рите нужно переговорить со знакомыми, те, может, тоже поспрашивают, – и пока кто-нибудь выдаст дельную мысль, может пройти не один день. Да, в том-то и сложность задачи: Рита ищет не информацию – ею никто не располагает, – а совет. То есть *идею*, как информацию добыть. Но для этого человек должен мозгами пораскинуть. И как там у них с мозгами, у перепродавцов порнухи, интересно?

В ожидании он написал Татьяне небольшой отчет – без жутких подробностей – о своих вчерашних изысканиях. Клиентка должна знать, что он действует, ищет, а не сидит сложа руки. Написал Кис и о найденных камерах, и о своих предположениях о шантаже и порносайтах. Он не считал себя вправе выдавать, пусть даже из лучших побуждений, нравоучительные сентенции, но надеялся, что информация сама произведет нужный эффект, и девушка в следующий раз будет поосторожнее. Все эти учителя-наставники, философы-гуру – любого толка! – до добра не доведут... А ну как перешла бы Татьяна на этап конкретных упражнений в тантрическом сексе! И сейчас видео с ней обнаружилось бы на каком-нибудь порносайте!

По ее ответу детектив понял, что не ошибся в своем первоначальном предположении: Татьяна занималась с Амритом исключительно психологически-философскими разговорами и упражнениями, формировавшими умение раскрепощаться и концентрироваться на ощущениях. До физического контакта дело не дошло, да и девушка, по ее словам, не намеревалась упражняться с гуру в сексе. Что ж, тем лучше для нее.

Алексей рассказал и о том, что подключил к делу профессионального специалиста по компьютерам и интернету, который ищет в данный момент, где могли бы быть размещены ролики Амрита. «*Это повлечет дополнительные расходы, Татьяна*».

Ответом было очередное «не проблема». Приятно иметь дело с богатыми и нежадными людьми.

«И последнее, – написал Алексей. – Не знаю, сколько времени займут поиски, но все может закрутиться очень быстро. Так что пора: пришлите мне описание, как можно более подробное, того мужчины, которого вы видели на лестничной площадке. И придется Вам связаться с Робертом, попросить у него словесный портрет обоих преступников».

Таисия

С Робертом?!

Да, я бы хотела его увидеть, это правда... Внутри меня что-то тоненько скулило – тот жалкий брошенный щенок, отчаянно нуждающийся в любви и ласке. Я хотела снова оказаться в горячем кольце рук Роберта, и чтобы он шептал мне на ухо: «Таинька...»

Я жутко злилась на себя за это желание. Позор, я и впрямь готова отдать душу первому, кто меня приласкал! Тогда как для Роберта наша ночь была лишь удачно подвернувшейся okazji заняться сексом после долгого воздержания. Гормоны у мужчин действуют так, что они готовы и о вечной любви наплести, лишь бы женщина согласилась. Несколько нежностей, которые он мне подарил, для него ничего не значат – они не на чувстве замешаны, а на тестостероне. Я позвоню – и он наорет на меня. Я снова окажусь идиоткой и дурой. На этом все нежности и закончатся...

«Алексей Андреевич, а контакта с Робертом никак нельзя избежать? Он не простит мне побега. Я даже не знаю, что он учинит, если я вновь объявлюсь в его пространстве...»

«Нет, Татьяна, нельзя. Ваша жизнь, Ваша свобода в руках этих людей. За ними никто не стоял, их никто по Вашу душу не посылал, – так что ни у кого другого мы не можем потребовать отмены «заказа» на Ваше убийство. Они, два брата-дегенерата, напортачили, не проследили должным образом за квартирой Амрита, – и сами «заказали» Вас как нежелательного свидетеля. Пока они на свободе – у вас свободы не будет».

Да уж. С этим не поспоришь. До сих пор я как-то не вникла, что

именно в этих двоих все дело, хотя Алексей Андреевич мне об этом сказал еще в первый же вечер... Но сейчас стало яснее ясного: выбора у меня нет.

«Хорошо, я свяжусь с Робертом и передам Вашу просьбу. Но, как Вы понимаете, он может отказаться. Он ведь тоже прячется от бандитов, – за невыполненный заказ его ждет расправа. И если он не захочет светиться, то это его право...»

Однако детектив не сдавался.

«Милая Татьяна, нам позарез необходимы словесные портреты убийц. Рассчитываю на Ваше обаяние и здравый смысл, с которыми Вы сумеете убедить Роберта помочь нам и самому себе: ведь как только мы их арестуем, ни Вам, ни ему больше ничего не будет угрожать! И Вы оба сможете вернуться к своей обычной жизни. Дерзайте, я уверен, что у Вас получится!»

Лихо детектив закрутил. «Рассчитываю на Ваше обаяние», как мило. Да только я не уверена, что мое обаяние на Роберта подействует...

Но делать нечего. Не убьет же он меня. Ну, наорет, обзовет, – и черт с ним!

Набрав побольше воздуха в легкие, я медленно выдохнула и набрала его номер.

– Роберт? – тихо спросила я.

– Да... Кто это?

– Труп, который ты закопал, – решила сострить я. – Теперь я зомби и решила явиться к те...

– Тая! – заорал он. – Бог мой, ты?!

– Да, это я, твой бог. – Я хихикнула. Мне почему-то стало весело. Я правильно сделала, что начала с шутки.

– Дуреха, куда же ты подевалась?! Я уже четвертый день с ума схожу: как ты, где ты, не нашли ли тебя убийцы!

– Да нет, что ты, – смутилась я. – Они ведь меня не ищут, Роберт. Ты им фотографии послал с места моего, так сказать, захоронения, – с чего бы им искать меня, сам подумай!

– Хм...

– Они тебе поверили и спят спокойно. Зачем меня искать убийцам,

если я уже убита?

– Верно... Но погоди... Чего же я тогда панику развел? Амнезию сочинил, накрутил-навертел...

– Мы в тот день очень мало спали, зато много нервничали. Взять деньги за убийство и не выполнить заказ – это действительно очень опасно. И нам действительно нужно было хорошенько спрятаться. Но мы слегка перепаниковали. Переборщили.

– Пересолили и переперчили, – хохотнул Роберт. – Значит, теперь у нас все хорошо?

– Ну да.

– Ты где окопалась?

– По-моему, где-то в районе Рязани. – Не знаю толком почему, но я осторожничала и городок не стала называть. – А ты где?

– Я в Подмосковье вернулся, но не туда, где жил, а по соседству. У тех, кто нанял меня, есть мой адрес, – паспорт-то они мне отдали в тот же вечер, но сделали скан, а там указано место последней прописки. Хоть бывшая жена дом наш продала, город все равно назван. Мало ли что им стукнет в голову, – не хочу, чтобы они меня снова достали. Вдруг решат меня снова нанять? Я ведь отлично выполнил их заказ, если верить отчетным снимкам, – невесело усмехнулся он.

– Разумно. А в остальном как? Тебе удалось найти преданных друзей? Которые готовы взять тебя в бизнес?

– Кажется, да... Пока обещают, а там посмотрим. К концу недели станет ясно, треп это или... А мы можем увидаться? – перебил он сам себя.

– Я тоже хотела предложить, – обрадовалась я. – Нам о многом нужно поговорить... Где?

– Могу приехать к тебе. Или, если хочешь, встретимся на нейтральной территории. К себе не приглашаю: Москва близко, не стоит рисковать, – вдруг тебя кто-то узнает. Кстати, как ты доберешься? Что с «Тойотой»? Надеюсь, ты сообразила от нее избавиться?

– Сообразила. Подставила ее под угон: не заперла, сигнализацию не включила, ну и ее угнали, удачно сложилось. – Мне хотелось добавить: видишь, я вовсе не дура! Но я не стала. Будто оправдываюсь... А это унижительно. – У меня теперь небольшая скромная тачка, подержанная.

– И новый телефон, как я понимаю? У тебя теперь другой номер.

– Да. В нем единственный контакт – это ты.

– Умница.

– О, я больше не идиотка? Какая радость! – съязвила я, не удержалась.

Но на самом деле моя «внутренняя собачка» дрожала от счастья: ее

снова погладили!

«Как все дети, недополучившие родительской любви, он крайне нуждался в ласке и внимании», – вспомнилось мне где-то читанное.

Что ж, я тоже ее недополучила, родительской любви. Можно себя и не судить так сурово за повышенную потребность в нежности.

– Сам радуюсь, – съехидничал в ответ Роберт. – Открываю в тебе новые грани! Так как насчет встречи?

– Давай на нейтральной, – предложила я.

Подальше от кровати. А то я за «собачку» не отвечаю. Начнет мурчать кошечкой, а там глядь, и уже снова в койке. А кто он мне, Роберт, чтобы я с ним...

– Сделаем так. Я поищу по картам, нет ли хорошего ресторана по дороге между Московской и Рязанской областями, – проявил инициативу Роберт. – И перезвоню тебе.

Он перезвонил тут же. Куда быстрее, чем если бы действительно искал в интернете подходящий ресторан.

– Тая... Извини, я не подумал. Неловко это говорить, – никогда я денег на женщин не жалел, – но сейчас нахожусь в таком положении... Я не смогу пригласить тебя на ужин. Вот когда начну зарабатывать, тогда...

– Тогда приглашаю я, – перебила я.

– Нет. Не бывать такому, чтобы за меня женщина платила!

– Замечу, что ты не особо комплексовал, когда распорядился моим кошельком. Это так, между прочим. На самом деле я не в обиде.

– Извини, Тая... У меня тогда крыша малость съехала. С одной стороны, те бабки, что мне заплатили за тебя, – я их не мог тратить. Их нужно было беречь, чтобы прикид пристойный купить, часы, разные мелочи, – в чем не стыдно на глаза своим бывшим друзьям и партнерам показаться. У нас ведь до сих пор по одежке судят... С другой стороны, я чересчур старательно делал вид, что выполнил задание и тебя больше нет. Так увлекся, что почти поверил сам. В тот момент мне искренне представлялось: раз тебя как бы нет, – значит, и деньги тебе не нужны. Прости. Затмение нашло.

– Не грузись. У нас тогда у обоих шок случился.

– Спасибо за понимание, Тая... Тем не менее я пока не в состоянии пригласить тебя на ужин. Неловко, да деваться некуда, вынужден признаться. Иначе б хорош я был в ресторане в момент, когда принесли бы нам счет...

– Да не ерунди. Ты слишком старомоден. Нам нужно место для

разговора, вот и все. А деньги – фигня, у меня хватит на ужин.

– Я не...

– Найди ресторан, а? Если слишком комплексуешь, можешь присмотреть пиццерию. Или давай этим займусь я, раз у тебя такие нафталиновые заморочки.

– Обижаешь! Ничего не нафталиновые, я вполне...

– Ты меня так наобижал в первый же день нашего знакомства, – перебила его я, – что мне не грех отыгаться.

– Ладно, – тяжело вздохнул Роберт. – Выбирай сама. Кто платит, – он хмыкнул, – тот и заказывает ресторан.

– На сегодняшний вечер?

– Ну да.

Я отписала Алексею Андреевичу, что мы с Робертом встречаемся прямо сегодня, – он очень обрадовался новости! – и принялась рассматривать в компьютере карты с обозначениями кафе и ресторанов на дорогах, ведущих в сторону Москвы. Мне приглянулся один, «Охотничий», находившийся в семидесяти двух километрах от меня. Поскольку Роберт тоже не назвал место своего обитания, я не представляла, насколько ресторан далеко от него. Написала ему эсэмэс с указанием адреса ресторана и в ответ получила: «Отлично! Я смогу приехать туда примерно в половине восьмого».

Ну что ж, я тоже смогу. Выйду за полтора часа, – это с запасом, должно хватить.

Я ощущала волнение, скорее радостное, и даже легкую нервозность, как перед первым свиданием. Меня это удивляло: я ведь в Роберта совсем не влюблена! Так, некоторое влечение, вот и все. Ну и плюс «синдром бездомной собачки»...

Звонок в дверь положил конец моим самокопаниям: приехал курьер, привез мой заказ. Я с упоением доставала из картонной коробки карандаши, шероховатые листы и остальные мелочи, любовно раскладывая их на столе, вдыхая знакомый запах дерева и бумаги. Не удержалась – села, взяла простой карандаш и стала набрасывать первый рисунок в будущей серии, которую озаглавила так: «Растрепка собирается на свидание». Сейчас я рисовала только легкий контур, но уже видела картинку в цвете: щечки Растрепки горят, глазки блестят, при этом ее ротик искривлен в нервическом ужасе, потому что ей не удастся выбрать платье. Груда вещей растет на кровати, а лицо Растрепки принимает все более отчаянное выражение: ничего ей не подходит, ничего! Да, надо будет нарисовать вот

как: она берет в руки очередное платье и мысленно видит себя в нем топ-моделью или актрисой, – можно даже придать легкое сходство с лицами известных актрис. Но потом надевает его и... Ах и ох, реальность далека от воображения! И ростом не вышла, и лишние килограммы есть, – как все (или почти все) девушки, моя Растрепка страдает мнительностью, страхом не приглянуться, быть недооцененной...

Да, и вот наконец она что-то выбирает, очень критически себя осматривает в зеркале, – но делать нечего, идет на свидание... И вдруг мы видим ее глазами парня: королева! И моя глупышка потихоньку оживает, распрямляет плечики, поднимает подбородок, и улыбка расцветает на ее губах... Да, так и сделаю. Пусть по мысли это не ново, даже банально, но в моих зарисовках очень многие женщины узнают себя, свои страхи и комплексы... Потому что они вечные. Оттого, собственно, и банальны...

Я случайно взглянула на часы: батюшки светы!!! А я ведь еще свое платье не выбрала! А мне выходить через двадцать минут! Не причесана, не покрашена – вот уж точно растрепка!!!

Я заметалась по спальне. Нет, я не стану, как моя героиня, примерять платья одно за другим, – я возьму первое попавшееся, тем более что у меня тут их совсем мало...

Нет! Платье обязывает: чулки, туфли на каблуках, макияж... К черту!

Я сбросила платье и натянула светлые джинсы. Так-то лучше. К ним можно и кроссовки. Ладно, надену вот эти симпатяжки-ботиночки из замши, темно-голубые... Новая куртка в тон, а под нее... Так-так-так, – пробежала я глазами по вешалкам, – пусть будет вот эта туника: на фоне цвета слоновой кости бледно-голубые штрихи-ромбики. Шелковый палантин глубокой, темной синевы – отлично смотрится!

Наскоро сделав легкий макияж, – с такой стрижкой, как у меня, особо можно не напрягаться, и так за сто метров заметна, – я, покидав в сумку необходимое, вылетела из квартиры. Забила адрес в навигатор и тронулась в путь.

Кис

Татьяна сумела уговорить Роберта встретиться, и это радовало. Впрочем, она еще не сказала Роберту, что от него потребуется дать как можно более точные описания обоих преступников, и, мало ли, вдруг он по каким-либо причинам откажется. Но Алексей рассчитывал на элементарный здравый смысл обоих: чем быстрее они помогут найти

убийц – тем скорее сами освободятся от страха за собственную жизнь.

Он написал Татьяне письмо с подробным перечнем вопросов, на которые Роберту надо будет ответить, чтобы описания получились максимально детальными: и какова форма лба, и как выглядит кромка волос, и каков рисунок бровей, носа и рта, и овал, и, и, и... Сканировал и прикрепил к письму для наглядности несколько вариантов форм лица, которыми пользуются в полиции, чтобы помочь свидетелям составить фоторобот.

В ответ девушка пообещала всё передать Роберту, и в ее интонации Алексею почудилась уверенность, что Роберт все сделает, как надо. Больше того, некоторое тепло, просочившееся через электронные буквы... Стокгольмский синдром, никак? Ну-ну.

От Риты до сих пор ничего не было, и Алексей позвонил жене: сегодня днем он оказался свободен и может провести время с семьей.

Саша, как это частенько случалось, работала над статьей, но, услышав столь редкую весть, обрадованно воскликнула:

– Тогда давай поедem на выставку! А потом поужинаем где-нибудь, мы с тобой уже сто лет в ресторане не были!

Алексей не стал спрашивать, что за выставка. Он не часто ходил с Александрой, но каждый раз попадал на нечто запредельное. «Это нужно чувствовать», – говорили ему. Но его не отпускало единственное чувство: что его держат за идиота. Как и всех остальных, впрочем.

– А малышня с кем останется?

«Малышня» в их семье была представлена четырехлетними двойняшками, Кирюшей и Лизанькой.

– Няня с ними сейчас гуляет, она пробудет у нас до вечера, – ответила Саша, – а на вечер попробую высвистать Анюту. Надеюсь, она сможет прийти.

Аня, студентка, иногда подрабатывала у них бeбиситтером.

Александра все быстро организовала, и час спустя они уже входили в здание выставочного зала на Кропоткинской. И здесь Алексея ожидал сюрприз: это оказалась экспозиция эротической фотографии, на шумевшая, даже скандальная. Прекрасно, просто прекрасно! Он сможет перестать думать о деле!

Алексей с удовольствием принялся рассматривать снимки... Однако обнаженная натура, увы, лишь вернула его мысли к работе. Никакой зацепки, печалился он, глядя на фотографии мастеров, – ничего, что смогло бы подхлестнуть мыслительный процесс Ритиных «ребят». Как найти

в океане роликов те, что ему нужны? Какой фильтр применить, чтобы отбросить ненужное? Может, следует искать только разделы «Тантрический секс»? – размышлял он, невидящим взором уставившись в развешанные на стенах фотопортреты. Если таковые разделы существуют, конечно... Учитывая специфику, о которой ему рассказала Татьяна, аудитория подобных разделов должна быть огромной... Впрочем, не факт. Ведь тантра – это своего рода сексуальный изыск. Тогда как поклонники порнухи предпочитают что попроще... Но все же любителей должно быть немало. Трудно даже представить, как смотрел на подобные кадры муж той женщины, которая оказалась, сама того не ведая, в главной роли...

«Да боже ж ты мой, да что у тебя с головой, Кис!» – прикрикнул Алексей на самого себя (мысленно, разумеется). Да ведь ясно же, что искать, прямо на поверхности лежит, перед твоими глазами: *скандал!* Муж тот, зуб даю, попытался убрать кадры с женой с сайта. Или сайтов. Звонил-писал, грозил-угрожал! Вот о чем Рите надо поспрашивать: у кого из владельцев сайтов были недавно подобные разборки!

Он извинился перед Сашей, отошел к выходу, набрал номер Риты, рассказал о своей идее.

– Крутотень, – оценила девушка. – Прямо сейчас передам ребятам.

– И пусть в первую очередь поищут там, где есть разделы тантрического секса.

– Есть, шеф! – весело отрапортовала Рита. – Ща сделаем!

Алексей вернулся в зал, нашел жену и, страшно довольный собой, смог наконец погрузиться в созерцание эстетическо-эротической экспозиции.

Рита перезвонила поздно, когда они с Александрой уже вернулись домой, сытые и довольные после ужина в хорошем ресторане.

– Алексей Андреевич, тут вот какое дело...

Детектив по голосу понял: тупик.

– Скандалы были, – как же без них, они всегда есть. То какая-нибудь девица вдруг спохватится, увидев себя «в кино» на порносайте, – хотя снималась со своим парнем добровольно; то парень опомнится; то родня негодует... Однако ничего похожего на наш случай – то есть чтоб волну гнал какой-то сановный господинчик – не происходило в последнее время. Зато на вопрос о разделе тантрического секса мне вот что рассказали: кое-какая мелочовка гуляет по рядовым порносайтам, но больше доморощенная. А вот если сцены были серьезные, со специалистом,

с ритуалами и как там у них это называется... Короче, на такое есть любители, готовые заплатить дорого. Доступ в этот раздел осуществляется по подписке, что-то вроде абонемента. Но находится все это, увы... – Рита сделала небольшую паузу, будто не решаясь произнести, – на Даркнете...

Даркнет. Алексей знал о нем. Тайный, скрытый, подпольный, подвальный интернет, где схоронились все деятели запрещенного бизнеса. Там торгуют оружием, там продают наркотики и яды; там тусуются хакеры; там берут заказы на убийства и кибер-взлом; там же укрылась самая изощренная порнография. Попасть в этот подвальный интернет вполне возможно: продавцам нужны покупатели, незачем осложнять им доступ. Зато узнать, кто, в какой стране держит притон, – практически нет никаких шансов. Даркнет спрятался за разветвленной системой прокси^[3], поэтому ни одна полиция ни одной страны не в состоянии с ним справиться. Хотя набеги время от времени предпринимаются, но службам какой-нибудь страны удастся в лучшем случае ухватить только кусочек Даркнета, цапнуть его лишь за хвост, который, как у ящерицы, отрастает вскоре снова. Не говоря уж о частных лицах, – какими бы всемогущими они сами себе ни казались, но найти хозяина даркнетовского сайта, чтобы ему угрожать и стращать, они не имели ни малейшей возможности.

– Рита, а в чем трагедия? Я ведь вполне могу спуститься в преисподнюю, разве нет?

– Можете. У меня даже есть для вас нужная ссылочка. Приятель мой откопал. Сказал: раздел для эстетов.

– Отлично... Так в чем дело-то, Рит? Какая-то загвоздка?

– Дорого очень. Для пресыщенных богатеев, которым нормальный секс уже не в кайф.

– Ах, это... Я уж было напрягся... У меня клиент платит, дитя мое. И он платежеспособный. Так что скидывай ссылку на почту. Или на скайп.

– Не так все просто, Алексей Андреевич. Для начала я советую вам подключиться через прокси. Адрес сайта, который его предоставит, сейчас вышлю. Так что сначала вам туда. А уже через него отправляйтесь в преисподнюю, как вы выразились. Предосторожности не лишние: там ведь пасется стадо полицейских (и не только!) кибер-специалистов всего мира, а вам совсем ни к чему, чтобы ваш ай-пи-адрес засекли... И поставьте поисковик в модуль «режим инкогнито» – знаете как?

– Знаю.

– Отлично. И давайте перейдем на скайп: вам понадобятся ссылки, а там их проще скинуть.

- Перерыв на пять минут?
- Лады, – согласилась Рита и разъединилась.

Для начала Кис зашел к Саше, работавшей за компьютером в своем кабинете. Когда он приблизился, жена, не отрывая глаз от экрана, обняла его за талию, притянула к себе и прижалась к его боку щекой, потерлась.

- Уже идешь спать? – спросила она, подняв наконец глаза на мужа.
- Нет, родная, – произнес Алексей, – я еще не закончил... Ничего, если я оставлю тебя на некоторое время в горьком одиночестве на не согретых моим телом простынях?
- А ничего, если я их согрею сама? – рассмеялась Саша.
- Значит, я приду на тепленькое местечко? Повезло мне сегодня!
- И почему ты заговорил голосом кота Матроскина?
- Практичность во мне взыграла. А по части практичности он мой недостижимый идеал.

Александра улыбнулась, сняла руку мужа, лежавшую на ее плече, поднесла к губам и поцеловала в сердцевину ладони.

- Если я к твоему приходу уже засну – не буди, я хочу выспаться. Ложись практично под мой теплый бочок, но тихо. А все остальное, в смысле *непрактичное*, – усмехнулась она, – оставим на утро.

Алексей заскочил на кухню, налил себе большой стакан воды – его любимые напитки, кофе и коньяк, в такое позднее время употреблять неразумно, иначе рискуешь колбаситься до утра, – и вернулся с ним в комнату. Тронул мышку – компьютер успел погрузиться в «сон». Пару секунд спустя он очнулся, попросил код. Алексей ввел, программы дружно запустились. Ухнул скайп, сообщая о готовности к работе. И тут же по нему позвонила Рита.

- Итак, – произнесла она, улыбаясь детективу с экрана, – продолжаем. Держите, отправляю вам ссылки... Получили? Первая ведет на сервер, где вы сможете получить прокси. Вторая – выход на TOR, браузер для серфинга в Даркнете. Скачайте его и установите. Я подожду.

Кис принялся выполнять инструкции своей юной наставницы.

- Рита, мне придется покупать биткоины?^[4] – спросил детектив, пока программа устанавливалась.

– Нет, к счастью. Знаете, сколько стоит один биткоин сегодня? Больше семисот тысяч рублей!

- Ничесе... А как там расплачиваться?
- Обычными способами. Не у всех же пользователей имеются биткоины. Да и сдачу с них получить затруднительно, – хмыкнула она. – У вас есть какой-нибудь веб-кошелек?

- Имеется.
  - Вот с него и расплатитесь... Ну что, TOR установился?
  - Практически да, просит еще несколько секунд.
  - Отлично, мы почти у цели, – удовлетворенно произнесла Рита с экрана. – Держите линк, ведущий на раздел порнографии. Вставить его нужно в браузер TOR.
  - Есть. Они просят логин и пароль.
  - Один мой приятель зарегистрился^[5] для вас. Вот они. – И Рита отправила ему новое сообщение по скайпу. – К слову, он все сделал бесплатно, по дружбе, для меня. Но если у вас есть возможность, отблагодарите его. Как знать, вдруг его услуги когда-нибудь снова понадобятся.
  - И даже если нет. Любая работа должна быть оплачена, ты ведь знаешь, это мой девиз, – улыбнулся Кис. – Так что я с удовольствием. Посоветуй, сколько?
  - Не знаю, работа несложная, тысячи хватит, думаю. Тут важна не сумма, а сам факт...
  - Разумеется. Так я ввожу логин и пароль?
  - Да. Готово? У вас открылся тематический список? Выберите в нем «гетеро».
  - Сделано. Но тут очень много разных названий...
  - А вы заведите в окошке поиска – наверху справа, видите? – «тантрический».
  - Все равно выпало несколько ссылок... – растерялся Алексей.
  - Ну, Амрит же не один такой умный, – рассмеялась Рита. – Тут уж я ничем помочь не смогу, Алексей Андреевич. Придется вам заглянуть во все. Но вы ведь в курсе, как выглядел гуру, так что сразу поймете, его ли это ролики. Желаю успеха!
- Кис посмотрел на часы: полночь давно миновала, стрелки подбирались к двум.
- Спасибо, принцесса. Спокойной ночи. Потом договоримся о встрече, чтобы деньги твоему приятелю передать, – произнес детектив и подумал, что Рите тоже следует за работу заплатить. Она станет отнекиваться, он уже знал по прошлым попыткам, – но она много времени на помощь ему потратила, и не только сейчас ночью, а и на все вчерашние расспросы, поиски знающих людей, советов и решений. Перебор для небольшой дружеской услуги.
  - Да я же всегда рада помочь, – улыбнулась Рита. – Если новые проблемы возникнут, то милости просим!

Рита отключилась. Алексей остался один в темной комнате, которую освещали лишь настольная лампа и его монитор. Он надел наушники, выключил в динамиках звук и щелкнул по первому ролику. На экране тут же возникло сообщение, в котором предлагалось оплатить либо просмотр данного ролика, либо абонемент на просмотр всех. Алексей выбрал абонемент.

Пройдя процедуру оплаты, он получил доступ ко всему разделу и принялся открывать и просматривать видео одно за другим. Нет... Нет... Не то...

А вот и то! Амрит, знакомый ему по фотографиям из дела на Петровке, собственной персоной!

Он был не только красив, этот парень, но и прекрасно сложен, хоть и невысок. К тому же он обладал необыкновенной грацией гимнаста или танцовщика балета. Ага, вот и его партнерша...

Детектив постоянно останавливал просмотр, как только лицо женщины оказывалось достаточно четким, и нажимал на кнопку «Print screen», позволяющую копировать изображение на экране, так называемые скриншоты. Все эти снимки он записывал с помощью программы «Фотошоп», позволяющей улучшить качество изображения.

Роликов оказалось сорок два, и все с разными женщинами. Клиентки наверняка приходили к нему не один раз – но для развлечения любителей подобного жанра Амрит, видимо, решил не повторяться. Кис запускал все новые – уже устал, глаза закрывались, но он хотел во что бы то ни стало закончить сегодня. Чтобы больше не спускаться в Даркнет и на всё это больше не смотреть.

В результате он делал скриншоты почти вслепую, даже не всматриваясь в лица, сваливая их в одну папку, которую специально завел на своем диске. Разбирать и корректировать снимки он будет уже завтра...

Таисия

Часто кажется, что знаешь о себе уже все. Что изучила себя, свои реакции, эмоции, вкусы и предпочтения. Что на карте собственной души не осталось белых пятен. Такая уверенность впервые посетила меня в семнадцать лет. Потом, года через три, я поняла, что заблуждалась, – но вот сейчас-то, когда мне уже двадцать, я точно знаю всё!

Когда же мне стукнуло двадцать пять, я умилилась собственной юной наивности. Ах, как мало я знала о себе и о людях в свои двадцать! Зато

теперь, в двадцать пять...

Сейчас мне двадцать девять, и мне снова кажется, что тогда я была полный наивняк, зато сейчас...

Эта лестная теория разбилась вдребезги, когда я вошла в ресторан. Внутри меня неожиданно возник хаос, все заметалось в смятении, будто на меня обрушилась волна цунами, погнав кровь куда-то вверх, к лицу. Пришлось подержаться за стенку.

– Вам плохо, девушка? – спросил швейцар, молодой парень в строгом костюме.

– Нет-нет, – поспешила я его заверить и, оторвавшись от стенки, вошла в зал.

Роберт был уже там. Увидев меня, он поднялся и направился мне навстречу, и казалось, что от него ко мне тянется бикфордов шнур, по которому бежит жгучий язычок пламени, – все ближе ко мне, все ближе, и вот! Огонь охватил меня, я вспыхнула, занялась, как сноп.

Батюшки-светы, – внутренне ахнула я, – да ты влюблена, Таисия! Влюбилась в уголовника и игромана, спустившего свое состояние в казино! И все твои рассуждения про бездомную собачку, готовую подползти на брюхе к первой приласкавшей ее руке, – полная туфта! Какая там «первая рука» – тебе нужен именно этот мужчина, – да, уголовник и игроман, да, и плевать! Вот это лицо благородного разбойника ты хочешь видеть каждый день, вот это тело пляжного жиголо ощущать рядом, вот эти губы целовать...

На глазах почему-то выступили слезы.

– Что с тобой? – Роберт взял мое лицо в ладони, вглядываясь в меня с радостной нежностью. – Ты плачешь? Что-то случилось, Тая?

– Просто глаза устали, – сухо ответила я, довольно резко вывернувшись из его рук. – Дороги темные, большой напряг для зрения.

– Да уж, с освещенностью у нас дело обстоит не самым лучшим... – он коснулся моей щеки дружеским поцелуем, – образом... Пойдем за столик. Поедим, выпьем, и твои глаза отдохнут. Пойдем, пойдем. – Его рука обвила мои плечи, и он повел меня к столику.

Мы сделали заказ. Я видела, что Роберт скромничает в выборе блюд, ведь плачу за ужин я. Но я не знала, что сказать, да и надо ли? В конце концов, мы сюда не кушать пришли, а поговорить.

(Кушать, да, *ку-шать*. Я люблю это слово и не понимаю, за что его с позором изгнали из литературной нормы, обеднив тем самым наш язык, где осталось только беспородное и конфузное «есть»!)

Мы довольно долго рассказывали друг другу, как прожили эти четыре

дня после моего побега. Точнее, в основном рассказывала я. О своем творчестве, о свалившейся на меня неожиданно свободе... Ну, не совсем неожиданно – на самом деле я просто приняла правильное решение, возникшее во время скандала между родителями: бросить все к черту!

Рассказывала я и о том, что получила сегодня карандаши и бумагу, и что у меня есть уйма новых мини-сюжетов для комиксов, и что грамотные люди скоро возьмутся за их продвижение, и я смогу зарабатывать себе на жизнь любимым делом... Я пребывала в эйфории. Близость Роберта меня вдохновляла и возбуждала, причем даже не сексуально (хотя это тоже), но, как бы так сказать... энергетически, что ли. Я ощущала мощный прилив сил, я верила в себя, я верила в нас с Робертом.

Пока до меня не дошло, что говорю я практически одна.

– А ты-то как? – воскликнула я. – Рассказывай!

Однако Роберт свою ситуацию обрисовал довольно скупой, сказав, что боится сглазить, хотя у него есть вполне обоснованные надежды...

Я напряглась. Почему он темнит? Ну не боится же он, в самом деле, сглаза... Снова в какие-то сомнительные дела ввязался? Или закрутил с места в карьер роман с одной из своих бывших пассий? Или новых? Он привлекательный мужик, я бы не удивилась...

Ревность больно уколола меня. И я вдруг отдала себе отчет: несмотря на взаимную радость от встречи, Роберт сейчас ведет себя больше как друг, чем как...

Чем как тот, кто столь жарко, столь страстно любил меня той ночью.

Он нежен и ласков со мной, да, – но и всё.

И всё!

Внезапно мне сделалось больно, тоскливо, хотя я привычно удержалась от слез, – так, две ничемные слезинки выступили. «Эй, Тая, у тебя начинается новая жизнь! – напомнила я себе. – Конечно, тебе хочется любви, – тебя слишком давно никто не любил... Или вообще никогда. Но всё сразу не бывает. Радуйся свободе, радуйся творчеству, – а мужчина как-нибудь приложится! Не Роберт, так другой...»

Поддействовало. Слезинки высохли, не скатившись, и я ничем себя не выдала.

Во избежание новых печальных мыслей я решила побыстрее перейти к делу, ради которого и состоялась наша встреча, собственно.

– Детектив, Алексей Андреевич, просит дать подробные описания твоих заказчиков. Он объяснил, по какой схеме это делать: вот, инструкции у меня в планшете, смотри.

Мы склонились над экраном, плечо к плечу. Я чувствовала его тепло

и запах – и мое тело отозвалось горячей волной желания.

– Ну что, понял? – отодвинулась я.

– Примерно. Послушай, ты ведь, как выяснилось, художница?

– Ну, это относительно. Я все-таки комиксы рисую цветными карандашами, а не картины маслом.

– Неважно. Сможешь под мои «словесные» портреты набросать лица на бумаге?

– Не знаю. Надо попробовать.

– Вот что: поехали к тебе. Если ты не против, конечно, – добавил он, спохватившись. – Я буду слова говорить, а ты – рисовать. Идет?

– Да... – растерялась я.

Роберт в моей квартире? Я ведь хотела подальше от кровати... Впрочем, он будто забыл о той ночи. Так что я уже ничем не рискую: мы просто займемся важным делом.

– Я как раз могу позволить себе отлучиться до завтрашнего вечера, – продолжал он. – Только к семи должен вернуться. У нас в распоряжении чуть меньше суток. Давай сделаем эти чертовы портреты, чтобы ублюдков поскорее нашли и посадили! А мы перестанем опасаться их мести, правильно?

– Правильно, – кивнула я.

– Тогда допьем и поедем к тебе. Тут далеко?

– За часик управимся. Плюс-минус.

Мы чокнулись бокалами с недопитым вином, и Роберт махнул рукой официанту. Затем глянул на меня и... покраснел.

– Прости, я по привычке...

– Не страшно, – заверила я и приготовила карточку.

Спустя час с малым мы добрались до моего нового жилья. Я впустила Роберта в квартиру, приготовила кофе, – мы ведь договорились заняться делом незамедлительно, так что сон не предвиделся в ближайшие пару часов.

Мы уселись за обеденный стол. Я разложила листы бумаги, заточила простой карандаш, открыла инструкции Алексея Андреевича на планшете. Мало-помалу мы продвигались в создании портретов двух убийц. Я делала наброски, и стирала, и рисовала новые, следуя схемам, присланным детективом, и подсказкам Роберта. Хоть я не настоящий художник, у меня все-таки постепенно получалось...

Наконец два портрета, довольно похожие на оригиналы, – по крайней мере, Роберт меня в этом заверил, – были готовы. Я их сфотографировала

на телефон и отправила Алексею Андреевичу электронной почтой, как повелось, несмотря на поздний час. Получит утром, не страшно.

А теперь что? – спросила я себя. Деловая часть окончена, однако ночь в разгаре. И спать, если честно, уже очень-очень хочется... Но где уложить Роберта? Или он – поняв, что дело сделано, – поедет среди ночи к себе?

Затянувшееся молчание начало меня злить. Я уж было решила предложить ему валить к себе незамедлительно.

– Тая... – неожиданно произнес он, – если ты не очень устала, я хотел бы с тобой поговорить.

– Я устала *очень*, – ответствовала я. – Но если это важно...

– Важно. Хотя, если ты предпочитаешь, можем поговорить и утром.

– Учитывая, что уже четыре ночи, утра у нас не будет. Проснемся в полдень, по крайней мере я: меньше восьми часов не сплю.

– То есть лучше поговорить сейчас? – неожиданно робко спросил Роберт.

Робость в его голосе меня удивила и... чрезвычайно заинтриговала. Что он хочет сказать? Без сомнения, что-то важное... Что мне не следует ждать продолжения отношений, которые у нас начались – как я, дура, было подумала... – той знаменательной ночью?!

В принципе я уже и так поняла. Но пусть скажет, пусть произнесет! Это будет высший класс. Мой Васька-мужчина, забрав под мышку Ваську-кота, лишь в закрывающуюся дверь бросил мне свои претензии. А я – как все на свете нормальные люди – предпочла бы узнать о его претензиях ко мне хоть чуток заранее.

– Да, Роберт. Прямо сейчас.

– Хорошо... Тая, я отдаю себе отчет, что мы из разных миров. Ты девушка образованная – а я аттестат с трудом получил, бросился бабки зарабатывать, еще пацаном был. Конечно, я не такое уж чмо... Я книги читаю, особенно много в тюрьме прочитал, времени было навалом... И все равно между нами пропасть.

Я хотела было возразить. Васька мой интеллектуалом был – а толку? Все свелось к проблемам пищевода и того, что пониже. В смысле котлет и секса. Интеллект, образованность на самом деле мало что гарантируют. Ни порядочности, ни доброты, ни умения чувствовать... и любить. Приятно, конечно, услышать удачную цитату к месту – да только на этом вся радость и заканчивается.

Однако возражать Роберту я не стала. Вышло бы, будто я его уговариваю. А я не желала уговаривать мужчину любить меня. Это само в душе решается, уговорами тут не помочь – только унижаться.

– Ты вот рассказала сегодня, что росла в семье обеспеченной, забот не знала, – и тебе все это прискучило. Ты поссорилась с родителями, бросила хорошую работу с большой зарплатой... А я наоборот, я с детства пытался заработать, чтобы жить по-человечески. Сначала хотел просто обеспечить себя и маму, а потом вошел во вкус, захотелось жить красиво, как тогда все вокруг стремились жить, все пацаны, из грязи в князи: шмотки, телки, тачки, бабки. Я и жену выбрал, как машину, – престижную. Понимаешь, я к этому рвался изо всех сил, – а ты от этого убегала.

– Там пусто все. Там нет жизни, чувств нет.

– Тебе легко досталось материальное благополучие, бороться не пришлось, – поэтому ты и разглядела. А я, как многие пацаны, в битве за место под солнцем не догадывался, что стремлюсь к этой вот пустоте, о которой ты сказала. Но в тюрьме кое-что дошло. Не просто читать стал, но и думать. Оценивать прожитое. Перетряхивать собственное белье, – где пятна, где дырки, где заплатки. С другой стороны, понять-то я многое понял, – но я ведь уже человек сформировавшийся. Вряд ли смогу себя переделать.

– И дальше что? – не слишком любезно спросила я. – Ты ведешь к тому, что между нами не может быть никаких...

– Я не веду, ты что! Я просто понимаю, что всё само по себе ведет... Как в «Ромео и Джульетте»: мы из двух разных кланов. И между ними непримиримая вражда... Как бы ни любили эти ребята друг друга, а кланы оказались сильнее. Понимаешь?

Честно сказать, я не понимала. О чем он?

Собственно, ясно о чем. «Давай расстанемся, милая» – примерно так. Ну и иди себе, не больно-то и хотелось!!! Иди-иди, давай, пошел вон, урод!!!

– Да, Роберт, понимаю, – спокойно произнесла я. – Думаю, тебе лучше прямо сейчас отправиться домой. Дело мы сделали, портреты составили, а остальное – пустой треп. Клань там, Монтекки с Капулетти, всё это литература. В жизни имеют значение не идеи, а чувства. Когда их нет, лучше не пытаться заполнить лакуны словами. Чувства материальны, а слова – так, виртуальный песок.

– Лакуны?

– Пустоты, – холодно пояснила я.

– Пустоты... – повторил он задумчиво. – У меня пустот нет. Я влюбился в тебя крепко, прочно, без пустот. Только мне никак не удается правильные слова подобрать, чтобы...

Влюбился? Крепко-прочно-безпустот?

Так о чем он тут тогда уже битый час мне толкует?!

– Короче, – решительно произнес Роберт, – слушай. Любовь-морковь... ну, не морковь, конечно... В смысле, есть любовь, а есть характеры. И любовь не все решает. Не может она переделать полностью характер. И мой, он не сахар. Я вредный бываю, грубый. Потом пожалею, – но назад же не вернешь, что наговорил. А тебе нужен другой мужчина. Хороший. Воспитанный. Я не имею права, если по совести, ждать, что у нас отношения... ну, какие тогда получились, той ночью... продлятся. Я тебе не пара. Слишком хороша ты для меня, Тая.

– Это не тебе ре... – начала было я, но Роберт не дал мне договорить.

– Я вижу, ты сейчас Тайка-растайка, в смысле растаяла немного, и это понятно: тут ведь такая ситуёвина закрутилась! Бандиты, наемные убийцы, могилка в лесу, и мы отрезаны от мира, только вдвоем, ты да я да мы с тобой... Вот у нас ночь та и случилась. И тебе показалось, что чувства ко мне возникли... Но нет у тебя их, Тайка. Остайся я с тобой пожить хоть три денька – ты меня возненавидишь. Ты не сможешь меня принять таким, каков я есть.

– А тебе что в ту ночь показалось? – спросила я запальчиво.

– Что-что... В раю оказался. Да только не по сеньке шапка...

– Заткнись, – бросила я. – Хорош трепаться.

Роберт растерянно умолк, уставился на меня непонимающе.

– Душ там, – махнула я рукой. – Ты первый. Полотенце в тумбочке под раковиной.

Если он сегодня не останется со мной, я умру. Я просто не проживу эту ночь без него! А потом... Потом будь что будет, думала я, провожая Роберта глазами.

У двери в ванную он обернулся. Я показала ему язык. Он усмехнулся и прикрыл за собой дверь. Не закрыл, нет, – именно прикрыл, оставив маленькую щелочку.

Я стояла и смотрела на эту щелочку, как заколдованная. Из нее струился свет, а вскоре стал сочиться пар... Как в фантастическом фильме – дверь в другое измерение. И оно манило, звало.

Я сбросила с себя одежду и отважно шагнула в это неведомое измерение. И инопланетное существо в дымке пара радостно раскрыло мне свои объятия.

Через несколько секунд кожа моя сделалась такой же скользкой и горячей, как у него.

– Видишь, – засмеялась я, – мы с тобой существа одной породы. Оба гладкие и мокрые.

– Мы с тобой одной крови, ты и я! – проговорил он с чувством, прижимая меня к себе. – Помнишь, это...

– ...из «Маугли», помню...

– Таинька... – шептал он, и руки его жадно скользили по моему телу, будто истосковались и теперь заново открывали для себя все его закоулки, потайные местечки... Так ребенок, соскучившийся после зимней разлуки по даче, торопливо и радостно оббегает каждый уголок дома и двора.

«Та-а-а-и-и-и-нька-а-а...» – журчал душ, омывая наши тела.

Часть 5

Понедельник

Кис

Утро порадовало Алексея Кисанова: от Таисии пришли фотороботы обоих преступников. Кис переправил их немедленно Сереге Громову: пусть его люди сверятся с базой данных, вдруг чего выплывет.

Приехав в кабинет на Смоленку, он усадил Игоря за компьютер, сам устроился за своим: выбирать и ретушировать лучшие кадры, – то есть те, где лица партнерш Амрита были достаточно четкими. Они разделили скриншоты сорока двух роликов пополам и просидели больше двух часов, улучшая резкость и четкость изображения.

Наконец портреты были отшлифованы. Сделав небольшой перерыв, – по чашке кофе для поднятия тонуса, – Алексей с Игорем вновь вернулись на рабочие места, ощущая некоторый трепет: сейчас, как говорится в романах, завеса тайны падет!

Игорь отправился искать по «картинкам» (как называют их интернет-поисковики) на Яндекс, Кис – на Гугл. Запуская по одной фотографии, они с нетерпением ждали, что выдаст поисковик...

И пошло! Похожие лица возникали на экране компьютера, укладываясь в длинные ряды кадров – «картинок», – среди которых оказалось слишком много приблизительных, неразборчивых и откровенно ложных, посторонних...

И все же нашлись идентичные скриншотам!

Такие фотографии Алексей и его ассистент записывали в отдельные папки: следующим этапом станет их пристальное изучение.

Снова сделав перерыв – на этот раз на обед (Игорь приготовил наскоро куриные стейки в домашней панировке), – они вернулись за компьютеры, разгоряченные желанием найти наконец ответы на свои вопросы.

В итоге им удалось идентифицировать практически всех женщин, занимавшихся секс-тантрой с Амритом. Да только как опознать среди них ту, за которую отомстили? Она среди вот этих нескольких соблазнительных красотулечек? Но месть не гарантировала ни любви, ни страсти, ни даже

ревности (которая приключается иной раз в отсутствие и любви, и страсти), – месть могла оказаться следствием панического страха перед подмоченной репутацией и, как следствие, разрушенной карьерой. А в таком случае ни красота жены, ни молодость ее не имели никакого значения.

– Кис, нам нужно найти критерии отбора, – громко произнес Игорь из соседней комнаты. – Тут сорок два бабца, и как нам найти среди них ту...

– *Бабца?* – поднял брови Алексей.

– Э-э-э... Сорок две женщины, – поспешил исправить оплошность Игорь: он знал, что шеф не переносил пошлости.

Как-то он обронил в разговоре: «...Там была одна телка...»

Алексей Андреевич тогда иронически усмехнулся.

– Если ты сам так называешь женщину, значит, допускаешь, что и другим можно, – прокомментировал он. – И как тебе понравится, если кто-нибудь назовет твою Кристину «телкой»?

– Не понравится.

– Значит, душевспасительную беседу можно считать законченной?

– Можно, – заверил шефа тогда Игорь.

– Кис, – вернулся к теме Игорь, входя в кабинет шефа, – у тебя есть идея, как вычислить из этих женщин ту, что нам нужна? Какие-то критерии отбора?

– Не то чтоб... Давай посмотрим фотки, где наши дамы сняты с мужьями. А потом будем идти по рейтингу состояния и положению мужей. Раз мы решили исходить из идеи, что Амрит пытался их шантажировать, то он должен был выбрать тех, кто побогаче.

– Да они все при бабках, ты же сам говорил.

– М-да...

– А что, если... Кис, а если дело не в шантаже?

– И в чем же?

– Может, Амрит просто зарабатывал продажей порно на этом Даркнете? Там хорошо платят, в отличие от рядовых порносайтов, если судить по цене твоего абонеента. Да и Рита сказала.

– И в этом случае ему не надо было подставляться с шантажом... – раздумчиво произнес детектив. – Слушай, хорошая мысль, Игореша, хорошая! Я все время удивлялся: какой же он дурилка, этот парень, что полез шантажировать сильных мира сего... А он, пожалуй, таки никуда не полез! Он всего-навсего загонял ролики – на которых снимал своих ничего

не подозревавших учениц – в подпольный кинозал по высокой цене! Не дурилка он, нет, Амрит Валли... А подлец. К тому же лгун и манипулятор: пудрил своим ученицам мозги красивыми словами, в которые сам не верил.

– Пудрил, – согласился Игорь. – Человек, который действительно верит во взаимодействие энергий, подлостей не совершает. Потому что знает: какую энергию отправишь, такую обратно и получишь. Зло вернется непременно, как бумеранг, рано или поздно.

– Вот и вернулось... – подытожил Алексей. – Итак, остановимся на версии продажи порнографии: я чувю, что это предположение верно. В таком случае наш мститель кто? Банальный любитель порно! Но не какой-то разовый, – а постоянный, ежедневный зритель с абонементом. Почему он скрывается на Даркнете? Да потому, что обычные сайты могут видеть его сетевой адрес, – а он у нас чел серьезный, представительный, скорее всего не только состоянием, но и властью наделенный. *Сановный господинчик*, – как выразилась Рита. Не дай бог кто прознает – репутация полетит в тартарары! А с ней, возможно, и карьера.

– Даркнет тоже может видеть сетевой адрес, – заметил Игорь.

– Может или нет, но никто за нашим порно-зрителем там шпионить не станет. Даркнет журналистам инфу не сольет о «своих». Принцип, даже идеология этого подполья – анонимность. Всем своим пользователям он предоставляет абсолютную свободу делать что угодно: торговать-покупать оружие и наркоту, предлагать услуги киллеров и хакеров и тому подобное, – и свобода эта обеспечена анонимностью. Потому-то никому не удастся добраться ни до барыг Даркнета, ни до их клиентов.

Детектив потер от удовольствия руки.

– Что, в яблочко попали? – усмехнулся Игорь.

– А то! Ты молодчина, дельную мысль подал. Но я тебе еще свою дельную мысль не озвучил. Я сформулировал критерии отбора! Можно сказать, ключик подобрал к замку! Смотри: если мы правы и Амрит никого не шантажировал, – а просто продавал свои ролики на Даркнет, – то наш порнозависимый гражданин, нуждающийся в ежедневной дозе секса, пусть и чужого (за отсутствием своего, надо думать), уже давно подсел на шедевры тантры в исполнении Амрита. И смотрел он их беспечно день за днем, пуская слюни, до тех пор, пока неожиданно не увидел на одном из роликов...

– Свою благоверную!

– Именно. А из этого следует, что... Ну, Игорь?

Молодой человек задумался.

Протекло полминуты, но он всё молчал.

– А то следует, друг мой, – нарушил затянувшуюся тишину Кис, – что увидел он женушку не-дав-но! И расправился с Амритом в самые ближайшие дни после этого события. Он, полагаю, прямо в то же мгновение готов был убить индуса, но пришлось какое-то время потратить, чтобы его найти.

– Это легко: достаточно было выследить супругу.

– Совершенно верно! И значит, нам нужно посчитать: на поиски гуру ушел минимум один день – максимум семь. Мужик пришел в дичайшую ярость, тянуть бы не стал, и если набрался терпения, то лишь потому, что благоверная не сразу пошла на занятия к Амриту. Как я понял из бесед с Татьяной, каждой клиентке он давал «уроки» раз в неделю, откуда и максимум. Так что нам просто нужно найти свежие, последние записи Амрита!

– Гениально! – выдохнул Игорь. – Только... А как мы узнаем, какие появились недавно?

– Хе, у них там с рекламой все в порядке. На свежих роликах стоит пометка «Новинки!». Жаль, что я не подумал об этом прошлой ночью: я ведь все скриншоты подряд сделал и не обратил внимания, какие из них новые. И утром мы с тобой зря потеряли время, отшлифовали все личики... Теперь придется всё заново пересмотреть, – но уже, к счастью, только новые.

– Тогда что, спустимся в преисподнюю прямо сейчас?

– погоди, давай перекусим. Мы там увязнем надолго, а на голодный желудок я все это лице-зреть не согласен! – хохотнул Кис. – Сначала хлеба, зрелища потом.

...Если уж смотреть порнографию, то лучше мозги выключать. На нее реагирует гормональная сфера, и интеллекту в этом процессе делать особо нечего. Когда же у тебя задачи чисто умственные, то реакции телесные отнюдь не способствуют их решению. Какофония получается, прямо скажем, – думал Кис, просматривая ролики, помеченные как «Новинки».

– О, я эту узнал! И эту, я ее сам отфотошопил! – время от времени восклицал Игорь.

– Сиди смирно, не перевозбуждайся. Разумеется, они все у нас есть. Но нам нужны только вот эти...

Алексей быстро прокручивал видео с пометкой «Новинки», останавливаясь лишь на лицах женщин и проматывая общие планы, на которых были детально видны телодвижения Амрита с партнершей.

Надо полагать, – неожиданно сообразил детектив, – гуру специально

выбирал такие позы, чтобы потолочные камеры смогли получше «разглядеть» самое интересное: за ними ведь не стоял оператор, который сделал бы «наезд» крупным планом, к примеру, или снял позу снизу-сбоку. Смышленный малый этот Амрит, надо признать. Впрочем, лучше сказать «смышленная сволочь».

Новинок оказалось девять, но, поскольку даты и время записи к ним не прилагались, невозможно было узнать, в какой очередности они снимались и ставились Амритом на Даркнет. Может, все девять были выложены за последнюю неделю, – а может, за целый месяц.

К счастью, работа теперь шла споро, будучи уже совсем несложной: детектив копировал первый же кадр с лицом, не ища более удачные, – лишь для того, чтобы опознать аналогичные из их с Игорем папки уже отретушированных портретов.

Закончив, Алексей с облегчением выбрался из Даркнета. И, не мешкая, они принялись сверять лица: обоим хотелось поскорее покончить с этим муторным делом.

Через несколько минут у них образовалась галерея из девяти женских лиц. Молодых и не очень, хорошеньких и не особо.

– И одна из них – жена убийцы, – тихо проговорил Игорь.

– А может, уже и его жертва, – добавил детектив. – Информации в СМИ нет, но это не значит, что не произошло преступления... Или развода, к примеру. Ладно, там видно будет. Давай посмотрим, что мы нарыли на них в интернете.

Как и ожидалось, большинство женщин являлись женами богатых мужей: бизнесменов, политиков, крупных чиновников. Их можно было увидеть вместе с супругами на снимках значимых мероприятий: праздновании юбилея известного певца, к примеру, или двадцатилетней годовщины крупного банка, – и на прочих событиях того же рода, мимо которых не проходили СМИ. Однако три дамы оказались не связаны узами брака, по крайней мере на данный момент. Могли ли они оказаться в роли мстительниц?

Нет, сразу же отмел подобное предположение Кис. «Способ убийства – жестокий, яростный, с отрезанием половых органов», как сказал Серега, предполагает авторство мужчины. Даже если это делалось руками наемных убийц, женщина бы подобное убийство не заказала. Кроме того, женщины редко смотрят порнуху, а уж представить, что одна из этих медийных дам регулярно паслась на Даркнете, купив абонемент... Нет, сто пудов: они вполне удовлетворялись сексом с Амритом, им незачем было шастать еще

и в подпольном интернете в поисках виртуальных, при этом чужих оргазмов. В крайнем случае, – если сексуальный аппетит был высок, – то нашли какого-нибудь постельного партнера в реале.

Итак, за минусом этих дам, оставалось еще шесть человек. И все равно это много. Непонятно, как вычислить мужа-убийцу.

– Мне кажется, бизнесменов можно из списка убрать, – задумчиво произнес детектив. – Или заняться ими во вторую очередь. Репутация особенно дорога политикам и чиновникам.

– Они все тоже бизнесмены, – хмыкнул Игорь. – Только бизнес на жену-тещу записан.

– С этим не поспоришь. Зато не все бизнесмены являются политиками или чиновниками. О них полно «клубнички» в СМИ, а им пофиг.

– Ладно, тогда у нас остаются... – Игорь сверился с записями, – два депутата, один заместитель министра, один член Совета Федерации. Итого четверо.

Четверо мужчин, чье положение высоко, и на пути к дверям их кабинетов стоит множество препятствий в виде охраны на входе в здание, секретарей и секретарш, телохранителей...

Телохранители. По рангу государственная охрана положена весьма узкому кругу лиц, но наши должностные лица и политические деятели любят нанимать себе секьюрити. Отчасти ради престижа, – мол, такой я крутой; отчасти, чтобы отмахиваться от излишне прытких представителей народа: прессы, активистов различных комитетов и движений. Причем, если верить некоторым источникам в СМИ, оплачиваются эти охранники не из собственного чиновничьего кармана, а из административного ресурса – незаконно.

Но это уже не важные для следствия подробности. Важно само наличие телохранителей. Хотя, если честно, верится с трудом, что кто-то из сановных лиц отправил собственных секьюрити избивать и убивать. Это все равно что сунуть окровавленные перчатки в свой чистенький-душистенький карманчик...

Ладно, разберемся по ходу дела. Для начала нужно выяснить, у кого из них есть охранники (хотя наверняка у всех). Попробовать найти их портретики. А затем сверить с описаниями, которые прислала Татьяна. Вот если они не совпадут, тогда начнется головная боль. Но не будем забегать вперед – неприятности следует переживать по мере поступления.

Попробуем пока побольше узнать о сановниках, их образе жизни, с кем водятся да как досуг проводят. Да не затеяли ли развод недавно...

Сашка! Александра, любимая жена, – она ведь журналистка! У нее

доступ к гигабайтам информации, в том числе и неопубликованной. А еще к коллегам, которые зачастую знают куда больше, чем пишут.

– Я подключу Александру, – повернулся детектив к ассистенту. – Ты пока свободен. Надеюсь, она сумеет найти для нас ценную информацию, которая даст зацепку... Позвоню, Игорек, когда понадобится.

Игорь ушел по своим делам. Некоторое время Алексей сидел в кресле, закинув ноги на стол (любимая поза для отдыха), и размышлял об увиденном. На душе было мутно. В отличие от порнографии, где актрисы играют на публику, – на этих роликах были сняты женщины, не сомневающиеся, что они пребывают с любовником наедине и им обеспечена полная интимность. Они не были порноактрисами, – они действительно приходили к Амриту ради наслаждений, их оргазм был настоящим, не симуляцией. И ни одна из них не подозревала, что ее интимная жизнь будет выставлена на всеобщее обозрение и незнакомые мужчины будут мастурбировать, глядя на их голые тела...

Жуть во мраке.

Что заставило этих женщин искать сексуальные удовольствия на стороне? Неудовлетворенность супружеским сексом (или полное отсутствие оно)? Наверняка. У сановных мужчин в определенном возрасте чаще всего ни времени нет, ни здоровья для супружеской постели. Плохой сон, постоянный стресс делают их импотентами в довольно раннем возрасте. Да и жены не особо стремятся стимулировать и поддерживать в мужьях влечение: ведь подобные браки редко заключаются по любви, – они основаны на расчете. Точнее, на женском расчете: охотницы за выгодными мужьями на все готовы, чтобы захомутать их и женить на себе. Вот в эту пору – пору хомутания – секс у них горит и сверкает всеми красками, и мужик, глядь, теряет голову.

Но когда дело сделано, когда жених превращается в мужа, когда женщина перестает бояться, что добыча выскользнет из рук (уже дети, уже общее имущество, которое слишком сложно делить...) – тогда у бывшей страстной соблазнительницы пропадает интерес к телесным утехам с супругом. Теперь ее голову куда больше кружат выходы в свет в новом платье и новом колье...

И вполне понятно, отчего муж начинает пробавляться порнушкой. А жена находит удовлетворение своим потребностям на стороне – к примеру в изысканных объятиях гуру по тантрическому сексу.

Кстати... Кстати, тогда получается, что можно вычеркнуть еще одну кандидатку: она молода и наверняка недавно вышла замуж за... Алексей

сверился с записями: ага, за одного из депутатов. Понятно, что раз она ходила к Амриту, то муж ее не удовлетворяет (либо она отвязная искательница сексуального разнообразия). Но, как бы то ни было, она еще пребывает в статусе молодой жены, в силу чего наверняка вкладывается в супружеский секс добросовестно. Стало быть, и мужу ее незачем лазить по порносайтам: у него на данный исторический момент и так все в шоколаде!

Отлично, потер руки Алексей. Теперь у нас осталось только три кандидата!

Конечно, это всё схемы, – а схемы всегда хромают, потому как всегда находятся из них исключения. Однако схемы описывают наиболее распространенные явления, отчего их ценность не подлежит сомнению. Будем действовать в соответствии с ними, – а в случае нестыковки попробуем изменить подход. А пока установка на уже не очень молодые супружеские пары, у которых постельные радости остались позади. И между прочим, большинство женщин, заснятых Амритом, вполне соответствовали данной установке: им было от сорока лет и выше. Как и те трое, на которых детектив в конечном итоге остановился.

Он опустил ноги, взял трубку и набрал номер жены. И, услышав родной голос, неожиданно запнулся – проскользнула мысль: а если бы с Сашей так поступили?! Нет, разумеется, она не стала бы искать приключений на стороне, у них и в делах постельных, и в делах сердечных всё тип-топ, – но если чисто на секунду, чисто умозрительно допустить, что с Сашей такое сотворили, то он, Алексей, точно бы яйца оторвал тому типу, который выложил ролик!

– Алёш? – спросила Александра. – Что молчишь?

– А, я... Мысль просто додумывал, со мной, знаешь, бывает, – заставил он себя улыбнуться. – Мне твоя помощь нужна, солнышко. Есть трое мужчин, о которых нужно нарыть максимум подробностей. Особенно меня интересует их семейная ситуация: ссорятся ли, разводятся ли в настоящее время. А также меня интересует их охрана, если удастся заполучить портретики.

Выслушав, Александра записала имена и пообещала «нарыть».

В расследовании наметилась пауза. Александре потребуется какое-то время, чтобы найти информацию, так что придется подождать. От Сереги тоже пока не было вестей.

Он посмотрел на часы. Половина четвертого. Можно позволить себе

роскошь и вздремнуть хоть полчасика, – ночка-то выдалась почти бессонной.

Алексей выбрался из-за огромного письменного стола и направился в свою спальню. В этой старой квартире на Смоленке, доставшейся ему по наследству от бабушки с дедушкой (и папы с мамой, разумеется), имелись три просторные комнаты. После давнего, еще в ранней молодости, развода Алексей жил тут много лет холостяком. Несколько позже, уйдя с Петровки, 38 (где служил оперативником с Сергеем Громовым), и став частным сыщиком, он отвел одну комнату ассистенту, а вторую под кабинет. Затем в его жизни появилась Александра, но они довольно долго жили каждый у себя, хотя ночи проводили по большей части вместе, то у него, то у нее, так что холостяцкий статус этой квартиры был слегка поколеблен.

Когда же Саша забеременела, они решили съехаться и купили другое жилье подальше от центра, в зеленой зоне за ВДНХ^[6]. Любимый кабинет на Смоленке приобрел статус офиса, комната ассистента продолжала ею же оставаться, а вот свою бывшую спальню детектив сохранил за собой: случалось ему ночевать на рабочем месте.

Едва он растянулся на старой кровати в старой спальне, как тренькнул сотовый: пришло эсэмэс. Алексей посмотрел. Сообщение было от старшего сына, Романа: *«Па я понимаю что ты занят но мог хотя бы смс скинуть. Я тебя уже час жду в кафе:»*

Вот же ёшкин кот, за делами он забыл о встрече с сыном! Кис быстро нажал на кнопку вызова.

– Ромка, – вскричал он в телефон, – прости! Посыпаю главу пеплом! Я могу сейчас подъехать, если ты еще...

– Не, па, мне уже работать надо. – Роман был автомехаником от бога, к которому клиенты записывались в очередь, и очередь эта уже наверняка подтянулась в автосервис, с нетерпением поглядывая вокруг: где там юное божество Роман Алексеевич, изволил ли вернуться с обеда? – Чё там у тебя, очередная зубодробительная энигма?

– Да уж... – Рассказывать Ромке о сути столь щепетильного дела совсем не хотелось. Алексей все еще воспринимал его как мальчишку, хотя познакомился с собственным сыном, когда тому уже стукнуло девятнадцать лет^[7]. Не то чтоб взрослым, конечно, но уже и не ребенком был... – Давай тогда встретимся завтра... Или послезавтра... Вишь ты, я пока не знаю, как дело пойдет. В данный момент, ну вот прямо в данный, наступило затишье. Но все может рвануть и понестись с огромной скоростью. Даже не могу

сказать, буду ли сегодня ночевать дома. Давай так: как только я пойму, каков расклад, то позвоню, и ты подтянешься к нам. Александра будет рада тебя видеть, не говоря уж о малышне.

– Да ладно, не парься, па. Когда свой пазл сложишь, тогда и повидаемся.

– Ну, смотри... – Неловкость не отпускала Алексея. Они не часто виделись с Ромкой, и вот, надо же, он забыл об их встрече, чччерт!

– Тогда я пошел. Чао-какао! А, стой! Па, ты еще здесь?

– Здесь, говори.

– Спросить тебя хотел, тут такое дело: девушка одна, мы с ней дружим...

Надо заметить, что Роман дружит со всеми девушками, женщинами, дамами, прибежавшими к его услугам, – так что Алексей ничуть не удивился и не заподозрил за этим словом больше, чем следовало.

– Она машину отдала мне в ремонт, причем просила побыстрее. В прошлый понедельник позвонила, спрашивала, а я ей сказал, что тачка будет готова во вторник после обеда. Она собиралась приехать, но не появилась. С другой стороны, понятно: в тот день дождина такой шел, сплошняком, Москва стояла. Только с тех пор Таисия будто пропала. Сама не звонит и на мои звонки не отвечает. У меня даже мыло ее есть, я ей написал – ни фига, молчит. А машина уже на платной стоянке, за каждый день денежки набегают. Как Таисию найти, посоветуй. Может, в полицию заявить?

Алексей не верил своим ушам: неужели?..

– В прошлый вторник, ты сказал?

– Да...

«Машина моя находилась в ремонте и как раз во вторник была готова, но шел такой сильный дождь, что я успела промокнуть насквозь за то короткое время, в которое добежала до такси. К тому же Москва стояла в мертвых пробках, и я решила забрать свою «Клио» на следующий день. Поэтому велела таксисту везти меня домой. Но когда я шла от машины к подъезду, на меня напал мужчина...» – вспомнил Алексей рассказ Татьяны.

– Ее зовут Таисия, ты сказал?

– Да.

– А тачка какая?

- «Клио», «реношка», автоматика, светло-голубая, трехлетка.
- «Клио»!!! Гарсон, шампанского!
- Вы с ней договор на обслуживание подписали?
- Конечно.
- Продиктуй мне ее данные. Попробую девушку найти.

Вот те на. *Ужель та самая Татьяна?*

Конечно, та самая, – такие совпадения не могли быть чистой случайностью. Это она. И звалась на самом деле Таисией Калинковой. В договоре на обслуживание, который она подписала с Ромкой, имелись и ее паспортные данные, и адрес, – но Алексея эта информация не интересовала. Он искал не Таисию, – он искал убийц. Так что сведения о девушке были бесполезны...

Вернее, были бы бесполезны, если б один из троих искомым мужчин не носил ту же фамилию. Калинков Егор Тимофеевич, заместитель министра досуга и занятости населения^[8].

А у Таисии отчество – Егоровна...

Кис незамедлительно позвонил Александре.

– Мне нужны сведения в первую очередь по Калинкову Егору Тимофеевичу. Состав семьи, место проживания, нет ли каких скандалов в последнее время... Короче, максимум, Сашка! И хорошо бы портретики его охраны, если удастся.

Отключившись, он растерянно уставился в стену. Татьяна – которая Таисия – на порно не засветилась. Алексей ее лица никогда не видел, но сама она утверждала, что до практических занятий по тантре не дошла.

Или обманула? Постеснялась сказать правду? А на самом деле попала в ловушку видеокамер гуру? Нужно срочно увидеть ее личико!

Алексей отправил сыну эсэмэс: «Фото Таисии есть?»

«Есть скан ее паспорта, – ответил Ромка. – Сейчас пришлю».

– Давай, мылом.

Алексей поднялся наконец с кровати и направился в кабинет. Сын должен прислать скан на электронную почту, и лучше его рассматривать на большом экране.

Есть! Упало письмишко от Ромки. Кис увеличил изображение, подправил резкость... На него, немного исподлобья, смотрела миловидная девушка. Каштановые волосы средней длины заложены за уши, личико пропорциональное, немного напряженное... Как, собственно, поголовно у всех на фотографиях для паспортов. Главное же заключалось в том, что этого личика на порнороликах Амрита не наблюдалось.

Значит, не за дочь папаша мстил. Тогда за жену? Ведь именно она запечатлелась в последних роликах Амрита, отчего, собственно, замминистра и попал в список детектива.

Но как-то слабо верится, что и жена, и дочь этого человека – обе, не сговариваясь, оказались в сетях гуру.

Да и дочь ли ему Татьяна? Вдруг просто однофамилица?

Ага, и по отчеству тоже?

Но ведь и такое случается. Существуют полные тезки, у которых всё совпадает: имя-отчество-фамилия...

Алексей перебрал в памяти информацию, которую получил от своей клиентки. Загородный дом, откуда Таисия сбежала в Москву, – да, это вполне статусно. Причем московскую квартиру сохранили, – значит, деньги есть. Мать не работает... Не доказательство, но все же Таисия отлично вписывается в картину как дочь богатого человека. А на видео, как мы помним, засняты исключительно дамочки при богатых мужьях... Так что шанс, что она не однофамилица, а именно дочь замминистра, весьма высоки.

Но как же мать и дочь одновременно оказались в ученицах у тантрического гуру?

Отношения у дочки с мамой плохие, Татьяна-Таисия об этом немного рассказывала. Она бы ни за что не доверила матери подобный секрет. И та не стала бы советовать дочери поучиться тантрическому сексу. Дочурка уже взрослая, конечно, – но, опять же, не те у них отношения с мамашей. *«Мать всю жизнь занималась только собой»*, – промелькнула где-то в переписке детектива с Татьяной подобная фраза. А это уже диагноз. От таких жен, к слову, у мужей начинается глубокая депрессия... Впрочем, сами виноваты, поскольку сами жену себе выбирали.

Но вернемся к теме. Таисия нашла Амрита через форум, а на форум вышла, потому что искала помощи, дельных советов после неудачных отношений с молодым человеком: так она написала детективу, и у него не имелось никаких оснований в этом сомневаться.

Собственно, мать могла увидеть страницу форума у дочери в компьютере случайно: ведь они жили в одном доме, пока Таисия не сбежала от родителей. Или не случайно, если шпионила за ней. Так или иначе, мамаша заинтересовалась, вышла на форум и проделала тот же путь, что ее дочь. По другим причинам, естественно: ведь *«мать всю жизнь занималась только собой»*. А такой тип женщин Алексею хорошо известен: хотя и лелеют свою внешность, стремятся иметь успех у мужчин (чем и живут, собственно). А начиная стареть, теряют последние мозги: кто

к деревенской ведьме за зельем, кто под нож пластического хирурга, а кто к молодому красавчику, искуснику в технике тантрического секса...

Или, может, маменька где-то рекламу увидела. Детектив открыл Яндекс, завел в поиск ключевые слова... О, да! «Уроки тантра-йоги для начинающих» (ясно, какая там йога), «Волшебные практики тантры», «Тантра. Искусство любить», – все это в разнообразных вариантах и в изобилии.

Или мамаша ходила к Амриту на прием как к сексологу, к примеру. А там он ее без усилий подвел к тантрическим практикам...

Да неважно, как попала к Амриту мать Таисии! Важно то, что попала она не только к нему в постель, но и на видео в Даркнете.

Вот мы и вернулись в исходную точку. Новость о Таисии ни на шаг не приближает к ответу на вопрос: кто направил убийц к гуру? Калинин лишь один из трех кандидатов. У всех троих жены засветились на порно в Даркнете, и убил Амрита, возможно, совсем другой муж совсем другой жены... И как узнать, который из них?

Не будь это люди с такими должностями, Алексей переговорил бы с каждым. И обронил бы в беседе имя Амрита Валли, к примеру. По реакции человека многое можно понять. Однако пробиться к ним практически невозможно. Не скажешь ведь секретарю сановной персоны, что детектив Алексей Андреевич Кисанов хочет обсудить с ней, персоной, смерть гуру, который имел тантрические сношения с его супругой...

И как же к ним подобраться, детектив пока не знал.

Он сидел перед своим компьютером и ждал.

Ждал сообщений и материалов от Александры, Сереги, от... Да больше не от кого вроде бы. Разве что от собственных мозгов озарения.

...Кажется, он задремал, прямо у компьютера. Проснулся с мыслью, – точнее, воспоминанием: по словам Татьяны, она сбежала от родителей из загородного дома, потому что они скандалили. Она давно хотела жить самостоятельно, но все как-то не решалась. (Комфорт, он такой, – цепко держит слабых человечков в своих ласковых лапках, не вывернешься, – подумал детектив.)

А вот когда разгорелся скандал, девушка решилась. И махнула в Москву.

Скандал между ее родителями, – то есть у замминистра с женой, – произошел в воскресенье. О чем именно они говорили, Татьяна-Таисия не знает. Но кричали сильно. *«На этот раз – особенно яростно. Папа орал, мама визжала»*, – написала детективу Татьяна. А в понедельник Амрита

Валли убили.

...Положим, что замминистра, Калинин Егор Тимофеевич, увидел свою супругу на порно в Даркнете, затем (с трудом удерживаясь от скандала, надо думать, – но нельзя было позволить себе взорваться раньше: женоушка могла предупредить Амрита!) выследил ее, чтобы узнать, где обитает тантрический любовник. А уж затем взорвался. Все выложил супруге. «Он орал, она визжала...» К индусу же замминистра направил убийц, чтобы отомстить за унижение. И за подставу тоже: ведь раз Егор Тимофеевич пасся на Даркнете, то, по его мнению, другие сановные лица могли там столь же успешно проводить часы досуга! И опознать его жену!

Все это пока чистой воды догадка. Но если она верна, то за прошедшие дни Калинин должен был от супруги, матери Таисии, избавиться. Хорошо, если не в прямом смысле...

Иными словами, мать Таисии за эти дни либо скоропостижно скончалась (худший вариант), либо Калинин с ней скоропостижно развелся (будем надеяться, что замминистра выбрал именно этот, наиболее цивилизованный вариант). Так или иначе, но он должен был сделать все, чтобы его имя впредь не связывали с именем жены. Да и видеть он ее больше не мог, – что понятно, – после того как обнаружил на видеозаписи с индусом.

Однако спросить Таисию о матери нельзя. Во-первых, она вряд ли знает, так как оборвала все связи с внешним миром. Во-вторых, втягивать ее в эту историю... Как сказать девушке, что мать спала с ее гуру? Как сказать, что отец направил к нему убийц? Которые едва не убили саму Таисию?! Хорошо хоть по своей личной, тупой инициативе, – а не по заказу папаши. Иначе девушке пережить подобное было бы совсем невозможно... И к слову, те двое не были охранниками Калиникова, – иначе бы девушка их узнала. Может, он нанял их на Даркнете, раз уж туда заходил?

Да, еще остаются две кандидатуры на ту же роль, Алексей не забыл: один депутат и один член Совета Федерации. И проверить их нужно будет обязательно. Мало ли, вдруг Калинин, несмотря на кажущиеся совпадения, тут ни при чем?

При чем, при чем! – шепнула интуиция...

Первым отозвался Серега.

– Дерюжкин и Гринько, – произнес он. – Двоюродные братья. В девяностых несколько раз привлекались за уголовщину: тяжкие телесные. Судя по всему, они специализировались на выбивании

криминальных долгов. Но все дела разваливались в процессе, – кто-то их отмазывал, и они так и не отсидели за избиения и пытки.

– Где они сейчас?

– Пока не выяснили, работаем. В уголовных архивах на них ничего нет с две тысячи четвертого. Думаю, костюмчики-галстучки надели, как почти вся бывшая «братва». Не те времена, чтобы открыто пальцами крутить. Если и берут заказы, то редко и только от знакомых.

– А в их давних делах не всплывало имя Калинин? Калинин Егор Тимофеевич, ныне заместитель министра досуга и социальной занятости населения.

– Нет.

– Ты уверен?

– Уверен. Если имя раньше и упоминалось, то нынче... Лех, ты ведь сам знаешь, наши архивы сильно подчистили. Я еще помню увесистые уголовные досье на некоторых нынешних высокопоставленных лиц, – собственными глазами читал! Ан нет их больше в архивах. Им, делам старым, принудительный аборт сделали. Вырвали у них, можно сказать, из чрева самое главное. Самое опасное для нынешних репутаций. Так что этот Калинин, если когда-то и проходил по серьезному обвинению, – то теперь светел, аки ангел. Почему ты про него спросил? Считаешь, что секс-гуру заказал он?

– У меня осталось три вероятных кандидата на эту роль...

– Хотел бы я знать, путем каких вычислений. Димыч рассказал, что вы с ним нашли в спальне индуса встроенные в потолок камеры. Но куда ушли записи? Убийцы ведь все забрали. Амрит Валли шантажировал кого-то? И ты нашел, кого?

– Расскажу, братан, всенепременнейше, как только время высвободится для посиделки. История тебе понравится, обещаю. Под пиво пойдет отлично, – хохотнул Кис.

– Ну и пес с тобой. Так что там с твоими тремя кандидатами?

– Из них Калинин – самый подходящий.

– Почему ты так решил?

– Серега, ну потом расскажу, обещал ведь. Это долго, а нам убийц надо брать. И заказчика, понятно. Но сначала убийц. Они сами на заказчика укажут.

– Не факт. Им наймут лучших адвокатов, которые изо всех сил будут стараться развалить дело. А если они проболтаются, то Калинин, или кто там, бросит их на произвол судьбы... Или, лучше сказать, на произвол правоохранительных органов, – заржал Серега.

– Да, но против заказчика у нас пока ничего нет. А против исполнителей у нас есть хотя бы свидетели...

– О, уже не один?

– На самом деле, их два. Они и составили портреты.

– Надо было тебе раньше подсуетиться с этими портретиками. Мы бы преступников уже взяли.

– Не я же портретики рисовал, Серег! А там дело тонкое, между свидетелями сложные отношения, мне нужно было сначала войти в доверие, чтобы настоять на их встрече...

– Ну да, ты же у нас крутой психолог, – хохотнул Громов. – Ладно. Как только мы задержим этих говнюков, твои свидетели должны прибыть в Москву для опознания!

– Прибудут, не бойсь. А пока нужно узнать, не у Калинкова ли эти два брата-дегенерата работают секьюрити. В принципе я уверен, что нет, – но хотелось бы точно знать.

– Выясним, дай еще чуток времени. Но я тебе вот что скажу: думаю, нанял Калинков (если это он, конечно!) их по старой памяти. По той самой, которую подчистили в наших архивах. Он не забыл, кому можно поручить грязное дело, замминистра этот. Но вряд ли держит их при себе. Высвистал откуда-то из тени. Скорее всего твой свидетель прав, осели они именно в охранном агентстве... Или инкассаторами... Разные есть варианты. Да не парься, Леха, скоро мы все узнаем!

– Отлично. А пока можешь мне найти адреса Калинкова и вот этих двоих... – И Алексей продиктовал фамилии депутата и сенатора.

– Не проблема.

– А также номера их личных мобильных. И машин.

– Зачем тебе? – удивился Громов.

– Мыслишка одна есть.

– Но не поделишься, – констатировал Серега, привыкший к секретам друга.

– Да она смутная еще совсем, пока и рассказать нечего, – задумчиво ответил Кис.

Почему я так зациклился на Калинкове? – спрашивал себя детектив. У всех троих жены спали с гуру и засветились на видеороликах Амрита Валли. Все трое мужей могли увидеть эту порнуху...

А вот и нет, не все! Собачка-то зарыта не в дамских грешках, а в психологических проблемах их супругов! Помнится, пару часов назад он рассудил: большинство этих мужчин – ранние импотенты и супружеского

секса у них нет. Но он был неправ, Кис. Если они и не спят со своими женами, то необязательно по причине импотенции. Высокопоставленный мужчина при деньгах всегда окружен большим количеством женщин, готовых услужить ему «не отходя от кассы», то есть буквально в рабочем кабинете. За дорогие ли подарки, в надежде ли развести, женить на себе, – но так или иначе эти дамочки готовы на все в погоне за выгодой. Следовательно, у многих – даже скорее у большинства – мужей Амритовых клиенток тяжелых комплексов не водилось. Да, жены им изменяли, – но и они изменяли женам. Иными словами, у них имелась полноценная сексуальная жизнь, пусть и на стороне. О морали не будем, сейчас речь не о ней.

А вот кто мог забуриться в подпольное порно, да еще и с абонементом, чтобы просматривать его *ежедневно*?!

Мужчины любят посмотреть порнуху. (Иной раз с партнершей, к слову.) Но не каждый раз, не ежедневно и, уж конечно, не в Даркнете. Там, в мрачном подполье, засел абсолютно депрессивный мэн, у которого в реале вообще ничего не происходило. Ни в домашней постели, ни в чужой, ни на, условно говоря, столе в кабинете. То ли не смел завести любовницу в силу слишком высокого положения, то ли жизнь его так задолбала, что он больше не хотел никакого секса. Или не мог. Депрессия, ранняя импотенция...

Да! Именно такой вариант!

Алексей снова открыл серии фотографий, где найденные ими с Игорем дамочки запечатлелись на светских мероприятиях со своими супругами, и принялся всматриваться в лица троих мужчин.

Ну что ж, Калинин выигрывал битву импотентов с большим перевесом. Депрессия оставила свой отпечаток на его довольно красивом, но слишком рано обрюзгшем лице. Тяжелые веки, мешки под глазами, нездорово обвисшие щеки: плохой сон, лишний алкоголь, погасший взгляд... У него нет любовницы, – и не в возрасте дело, мужику под шестьдесят, еще мог бы ого-го, – но он давно выгорел. Давно никого не любит, давно никого не хочет. И ничего не хочет: ни денег (и так полно), ни поста высокого (и так есть, а выше – лень напрягаться, всё обрыдло...).

У него вообще никаких радостей в жизни нет. Он устал. От болтовни и лозунгов, от откатов и распилов, от постоянного вранья: вышестоящим одно, нижестоящим другое... Он ненавидит их всех. Он смотрит порнуху – единственный способ разрядиться – в Даркнете. В одной руке стакан с виски, в другой... Другой рукой он работает, жадно вглядываясь

в тантрические позы...

И вдруг, глядь, его собственная жена на ложе индуса!

Жена, которая с ним давно не спит...

М-да, было от чего взбеситься.

Александра позвонила очень вовремя, поскольку Алексей уже практически принял решение. Ему не хватало совсем чуть-чуть, чтобы сделать ход. И Александра ему это «чуть-чуть» принесла.

– Ты просил побольше разузнать о Калинкове. Вот, держи: есть слухи, что он разводится. Во всяком случае, супруга буквально на днях покинула их семейный особняк и отправилась, как ни удивительно, в деревню к матери. Обычно такие дамочки, как Марианна (на самом деле Мария, но она придумала себе более звучное имя) Калинкова, не в состоянии ни дня прожить без светской тусовки. Поэтому *деревня* звучит в данном контексте примерно как *монастырь*. Раньше неугодных жен русские цари да знатные бояре сплавляли в монастыри, ты ведь в курсе? Вот примерно так это и выглядит. Провинилась тетенька. По крайней мере, ее супругник явно так считает, раз отправил в ссылку.

– Сашка, ты сокровище! – не удержался Алексей.

– Не, я просто имею доступ к сокровищнице, – хихикнула Александра. – Сокровищнице информации.

– Не скромничай.

– Не отвлекай! У меня есть еще кое-что.

– Молчу, молчу.

– Я нашла в наших архивах публичные снимки Калинкова, на которых запечатлелись и его охранники. Выслала тебе на мыло.

– Всё, я пал ниц.

– Погоди, не сейчас. Продемонстрируешь дома. Уверена, мне понравится. Я, пожалуй, по дороге кожаный корсетик прикуплю. И хлыст.

– О-о-о!..

– Что, мысль тебе приглянулась?

– Еще как! А я за наручниками заскочу, с перышками!

– Такие у нас уже есть! – Александра расхохоталась и повесила трубку.

Кис бросился к компьютеру, вывел его из спячки, открыл почту. Вот они, фотографии, присланные Сашей!

...Что ж, они с Серегой на самом деле так и думали: секьюрити замминистра не имели ничего общего с портретами, присланными Татьяной-Таисией. И где же их искать, Дерюжкина с Гринько, двоюродных

братцев-убийц? Серега роем, конечно, но...

Алексея снедало нетерпение. И у него имелся козырь в руках, который...

Которым, без сомнения, следовало воспользоваться! И немедленно!

– Игорь, – набрал он номер ассистента, – ты далеко от офиса? Нет? Отлично, подтягивайся сюда. У меня есть идея.

Отключившись, Алексей тут же набрал номер сына:

– Ромка, сумеешь выкроить для меня время сегодня вечером? От пяти и дальше. Нет, не знаю, на сколько... Часа на три минимум. А там уж как получится. Да, и вот что: приезжай на мото.

Ромка обожал все, что передвигалось на колесах с большой скоростью, и всей этой техникой владел виртуозно. Морозов пока не было, даже дождь не шел в последние два дня, так что Алексей за безопасность сына не беспокоился.

– Погоня намечается? – заинтересовался сын.

– Не исключено. Вернее, не погоня, а слежка... Расскажу, когда приедешь.

Отключившись, Кис открыл свою переписку с «Татьяной». Он не собирался давать понять девушке, что ее инкогнито раскрыто, и еще менее того объяснять, кто и почему вознамерился ее убить. Всю эту грязь девушке узнать, так или иначе, придется, – и о связи матери с Амритом Валли, и о порнороликах с ее участием, и о преступлении отца.... Но пусть не от него, не от Алексея Кисанова. Будь его воля, она бы вообще никогда ни от кого не узнала. Подобная грязь разъедает душу, и с этим Таисии непросто будет справиться.

«Татьяна, – написал он, – расследование подходит к завершению. Думаю, что сегодня, если все пойдет по плану, мы преступников возьмем. Я Вам немедленно сообщу. Имейте в виду: Вам и Роберту придется сразу же приехать в Москву для опознания убийц, ведь вы единственные свидетели. А пока перешлите мне, пожалуйста, на телефон снимки, которые Роберт сделал в лесу для отчета бандитам. Или попросите его переслать. Это срочно. Мой номер...»

К моменту приезда Романа Алексей уже успел обговорить детали с Игорем, а также получить от Сереги адреса, телефоны и номера машин всех трех подозреваемых. Но сегодня Кис намеревался дожимать версию с причастностью Калинкова. Психологический портрет преступника вышел убедительным, детектив почти не сомневался в его правильности.

Почти – это потому, что Алексей знал: жизнь непредсказуема. И стопроцентной точности на уровне гипотез никогда не бывает (и даже на

уровне доказательств, к слову: сколько судебных ошибок, сколько невинно осужденных!). Отчего он всегда оставлял процентик-другой на погрешность, даже когда был уверен в правильности своей версии. Вот если выйдет облом с Калинковым – тогда уж они займутся остальными. Но сейчас у детектива на мушке замминистра.

– Итак, пацаны, история у нас вот такая, – произнес Алексей, когда все собрались на Смоленке. – Калинков, отец той девушки, Таисии, что не забрала у тебя «Клио», – посмотрел он на Ромку, – узнал, что ему изменяет жена с гуру по тантрическому сексу Амритом Валли. И Калинков решил с гуру расправиться, послав к нему убийц, – сократил детектив историю до минимума, щадя уши сына.

Он мельком посмотрел на Игоря и неуловимо подмигнул ему: мол, ты понял, Роману ни к чему знать всё!

Игорь в ответ чуть прикрыл глаза.

– Случайно рядом с местом преступления оказалась Таисия, – продолжал Алексей. – И они решили избавиться от девушки, опасной свидетельницы. Решение они приняли самостоятельно, ее отец об этом ничего не знает. А убийцы не знают, что девушка – дочь их заказчика.

– Она жива? Или... – не выдержал Роман.

– К счастью, да. Ей повезло: удалось сбежать. Но она вынуждена скрываться, – поэтому и не забирает у тебя из автосервиса свою машину, к слову. Отец же, поскольку непосредственно перед этими событиями с дочерью крупно разругался, уверен: Таисия попросту избегает общения с ним. Он даже предположить не может, что его дочь едва не погибла и что она залегла на дно, чтобы убийцы Амрита Валли – нанятые им лично убийцы! – не нашли ее. Соответственно, остановить их не может.

– Ничё се, – произнес ошарашенно Роман. – То есть убийцы не знают, что она дочь их заказчика, а заказчик не знает, что они едва эту самую дочь не убили?

– Именно. Потому что, повторяю, она, к своей беде, оказалась рядом с местом преступления и сделалась опасной для них свидетельницей.

– А твоя задача, па, их всех повязать?

– Ну, повяжет-то их Громов. Я же хочу сделать так, чтобы заказчик и исполнители обнаружили себя, свою связь. Иначе они будут отрицать, каждый по отдельности, причастность к убийству гуру.

– И как же ты собираешься?..

Игорь тоже вскинул на него глаза с немым вопросом: «Как?»

– Намереваюсь спровоцировать Калинкова. У меня есть все номера его телефонов, Громов расстарался. Это было не так-то просто, между прочим,

поскольку Калинин – заместитель министра... Для начала нужно будет установить его местонахождение сегодня вечером, чтобы знать, где расположиться нам. Затем я позвоню ему с провокационной речью, примерно такой: «Спросите людей, которых вы наняли для убийства Амрита Валли, где могила вашей дочери». Да еще и фотографию перешлю, весьма красноречивую...

– Какую? – спросил Игорь.

– Одну из тех, постановочных, которые они сделали в лесу с Робертом. Таисия мне переслала, я попросил.

– О чем речь? – не понял Ромка, практически ничего не знавший о деле, которым занимался отец.

Игорь ему наскоро рассказал про бомжа-Роберта, которого убийцы наняли, чтобы расправиться с Таисией, и их последующие приключения в лесу.

– Обалдеть, – помотал головой Роман, – прямо фантастика какая-то... А на фотку посмотреть можно?

– Да, дай глянуть, Кис, – поддакнул Игорь.

– Только не забудьте: они ее срежиссировали для отчета убийцам. Таисия жива и здорова. Отделалась покупкой новой одежды.

С этими словами Алексей вывел снимок на экран своего сотового.

Игорь крикнул. Роман покраснел – он всегда заливался краской в минуты душевного волнения, от чего бы оно ни приключалось.

– Этот Роберт, надо признать... Прямо Станиславский. Так убедительно получилось, – пробормотал он.

– Так представляете, как отреагирует Калинин, если я ему скажу по телефону насчет могилы дочери? Да еще и вот эту фотку присовокуплю?

– Шок! – ответил Роман.

– Да уж, подобный текст плюс фото... Капитально огреет по башке, – произнес Игорь. – Ведь он думает, что Таисия сбежала после ссоры куда-то подальше от них, родителей.

– И наверняка даже не задался вопросом: а куда, собственно, дочурка подалась? – добавил Кис. – Он был занят разборками с женой. И что он сделает после подобного сообщения? То, что любой человек, любой отец на его месте: помчится к исполнителям. Тем, кого отправил убивать Амрита. Или велит им прибыть к нему. Но в этом случае они, учуяв неладное, могут слинять. Поэтому Калинин, если не совсем дурак, рисковать не станет. Поедет к ним сам. Или направит своих людей. Согласны?

– Вот для чего ты хотел, чтобы я на мото приехал! Нужно будет

проследить за ним, да?

– Именно. Калинин или его люди сами выведут нас на убийц.

– А я? – спросил Игорь.

– Мы с тобой выдвинемся на разных машинах, каждый на своей, для пущей мобильности. Все будем решать по ходу дела. Если Калинин поедет сам, то я отправлюсь за Ромкой, а ты останешься на месте, наблюдать за особняком. Если же за убийцами поедут только люди замминистра, то я тоже останусь: будем ждать, какой поворот примут события. Наверняка в какой-то момент придется вызвать подмогу в лице Громова. Он нам, конечно, по шее накаляет, когда узнает, что за мероприятие я затеял без него, – зато потом скажет проникновенное «спасибо», как обычно. Однако для начала следует понять, откуда мы берем старт да куда Громова вызывать будем. В семь начнем прозванивать телефоны Калинкова, а там, бог даст, повезет и его маршрут окажется несложным.

В семь телефон в министерстве не ответил: рабочий день закончился, а замминистра не привык, видимо, засиживаться за делами допоздна.

Позвонить Калининву домой детектив поручил Игорю: его тембр голоса лучше всего подходил к статусу друга Таисии.

– Подойдет кто-нибудь из прислуги, думаю, – наставлял ассистента Кис. – Спросишь Егора Тимофеевича. Представишься как друг Таисии. Они не усомнятся: номер домашнего телефона имеется у очень ограниченного круга лиц, и раз ты по нему звонишь, – значит, Таисия тебе его дала. Скажешь, что у тебя якобы послание от нее для отца. Дальше варианта два: либо тебе ответят, что он сейчас возьмет трубку, – тогда ты отключаешься. Либо сообщат, что его нет дома. Тогда попытайся узнать, когда должен вернуться.

Звонок прошел гладко. Женский голос любезно предложил передать Егору Тимофеевичу информацию, но, услышав, что она конфиденциальна, сообщил, что хозяин уже едет домой и прибудет, в зависимости от плотности пробок, плюс-минус часам к восьми.

Отлично! Для затеянного детективом мероприятия самым подходящим местом был именно особняк. Окажись замминистра на каком-нибудь официальном приеме или культурном мероприятии, все это было бы значительно сложнее провернуть.

Они двинулись втроем, каждый на своем транспортном средстве, в направлении Рублевки. Долго тащились в пробках. Наконец, не доезжая до контрольно-пропускного пункта поселка, где обитал замминистра,

укрылись на обочине.

Алексей набрал номер Громова.

– Пришли группу, Серег. У меня тут уже все «тепло-тепло», а через часок станет «горячо»!

Он спокойно выслушал изысканные ругательства, которыми его обложил дружбан, и продолжил, как ни в чем не бывало:

– Я уверен, что заказчик убийства – Калинин. И сейчас я его спровоцирую. Он кинется к исполнителям. Или пошлет людей, чтобы доставить их к себе домой. Предугадать не берусь, но на его месте я бы сделал именно так. Во всех случаях Роман их выследит, он на мотоцикле, легко управится. Дружеская встреча займет какое-то время, поскольку Калинин будет интересоваться судьбой своей дочери.

– Какой еще дочери?! – взревел Громов.

– Таисии, – кротко пояснил Кис, – Калининкой.

– При чем тут она?!

– Да девушка от родителей съехала, и они не знают куда.

– Не по-о-онял, – грозно произнес Серега. – И почему Калинин будет спрашивать о ней у своих исполнителей?

– Потому что они чуть не убили ее. Точнее, думают, что убили. О чем отец до сих пор не знает. Но сегодня, с моей помощью, узнает. И все закрутится...

– А ты откуда инфу получил?

– Так она и есть моя свидетельница, которая скрывается от убийц, – невинным голосом произнес Кис.

– Та-а-ак... А второй кто? Ты сказал: свидетеля два.

– А второй спас ее от убийц.

– Ну, Кис, ну ты жук... Тебе это просто так с рук не сойдет! Я с тобой еще разберусь, понял?! Такую информацию от меня утаить, это кем надо быть? Кем, я тебя спрашиваю?! – громыхал Громов в трубку.

– Серег, если ты распорядишься прямо сейчас и пришьешь наряд, то твои парни успеют ровнехонько к финалу спектакля. То есть в самый подходящий момент.

На этот раз Серега уложился в одну короткую тираду. После чего сурово бросил:

– Жди, скоро подтянутся.

– Только без мигалок и прочего шума. Пусть свяжутся со мной, когда выдвинутся, – я проинформирую, на какой стадии наше действие пребывает.

– Сволочь, – произнес Серега самое нежное из всех слово за семь минут разговора.

– Мальчуганы, – произнес Алексей, отключившись от полковника Громова, – Калинин скорее всего уже добрался до дома, поскольку выехал раньше нас. Сейчас я ему позвоню с заготовленным текстом. После чего события могут начать разворачиваться крайне стремительно. Из этого КПП вылетит одна или две калинковских машин. Всего за ним числятся пять тачек. Вот их номера. – Алексей открыл сообщение от Сереги, полученное еще ранним вечером. – Запоминайте. Их нельзя пропустить! Рома, ты сразу садишься на хвост. У тебя шлем с гарнитурой? Отлично, телефон не выключай, держи постоянную связь со мной по вот этому номеру...

С этими словами Алексей достал еще один мобильник из своего загорника, включил, беспроводной наушник нацепил на левое ухо. Правое оставил свободным для телефонных переговоров по основному телефону. Затем набрал на сотовом Романа номер, проверил связь.

– Держи. По нему и будешь комментировать маршрут и прочие подробности. К примеру, кто в машине. Мы вряд ли тут разглядим личики, темно. К слову, портрет Калинкова я тебе сейчас перекину. Как только поймешь, выехал ли замминистра самолично, – сразу сообщай!

Роман открыл свой телефон, посмотрел на присланную фотографию.

– А Таисия на него похожа, между прочим... Красивый мужик, даже в старости.

– Он не старый, ему шестидесяти даже нет. Он просто потрепанный. Жизнью.

Роман только с недоумением покачал головой. Ему, юному и красивому, было совершенно непонятно, как может человека потрепать жизнь. Ведь она зависит от нас, разве нет? Как мы ее сложим, такой она и будет!

– Не отвлекайся, Ромка. Дальше – когда доберутся до места – притаись где-нибудь и комментируй мне каждое их действие. Это очень важно, чтобы сориентировать Серегину группу, куда ехать. Задача понятна?

Молодые люди дружно кивнули, и Алексей, достав из багажника, из картонной коробки еще один из своих запасных мобильных, принялся набирать личный номер Калинкова.

– Я бы предпочел ему эсэмэску скинуть, – шепнул он, тыча пальцем в клавиатуру, – да вдруг не услышит? А нам нужна реакция немедленная, не будем же мы тут всю ночь торчать...

– Егор Тимофеевич?... Это неважно, кто я. Считайте, что друг. *Лучше спросите людей, которых вы наняли для убийства Амрита Валли, где*

могила вашей дочери... Сейчас фотографию пришлю, минуту терпения.

Алексей дал отбой, отправил снимок, где Таисия изображает труп на дне глубокой ямы в лесу, – после чего выключил мобильник.

– Этот телефон он никогда не определит, даже если подключит все спецслужбы, – удовлетворенно произнес детектив, убирая сотовый обратно в коробку.

– Па, а если у него инфаркт случится? – беспокоился Ромка.

Опа-на! О такой возможности Алексей не подумал. И, судя по внешности замминистра, по отечности под глазами, здоровье у него пошаливает...

– Всего не предусмотреть, – жестко ответил он. – Случится так случится. Сам кашу заварил, – добавил он.

– Но тогда твой план сорвется и мы не сможем взять убийц!

– Давайте, парни, переживать неприятности по мере их поступления, – произнес Алексей свою любимую поговорку. – Теперь нам осталось только ждать. Номера тачек запомнили?

Они принялись ждать, Алексей с некоторым трепетом: вдруг ничего не произойдет? Вдруг он ошибся, указав пальцем не на убийцу, – и Калинин ничего не поймет? Не поймет, только из-за дочери разволнуется. Но если не он убийц подсылал, то и спросить ему будет не у кого... В этом случае инфаркт точно может приключиться! И виноват в этом будет он, Кис.

Он посмотрел на часы: уже прошло двенадцать минут. Ну, еще пять подождем. Если и через пять минут никто не покажется на выезде из поселка, тогда придется детективу звонить Калинкову и утешать, что дочь его на самом деле...

– Вот она, па! – воскликнул Роман.

Уфф, отлегло. Одна из машин замминистра показалась у шлагбаума контрольно-пропускного пункта – массивный черный внедорожник марки «БМВ». В свете прожектора, сиявшего над шлагбаумом, им удалось разглядеть в салоне четыре головы.

– Давай, Ромка, – тихо скомандовал Алексей.

И парнишка, неторопливо вырулив на шоссе, так же неторопливо двинулся за внедорожником, пропустив вперед себя три машины. В сторону города движение было значительно менее интенсивным, чем из города, – отчего рисковать и упираться в спину замминистровой машины не следовало.

Никакая другая тачка с номерами, записанными на Калинкова, на выезде не возникла. А даже если они ее и проворонили, то все равно она

приедет туда же, куда и внедорожник...

– А мы что делать будем? – спросил Игорь.

– Не знаю пока. Смотря какая информация поступит от Ромки.

Зазвонил мобильный Алексея.

– О, Димыч, ты!

– Опять, Кис, выйогиваешься, а? – поприветствовал его старый приятель.

– Ты мне эту фразу скажешь, когда премию будешь получать за раскрытие громкого дела.

– Ладно, я пошутил. Какие распоряжения, господин детектив?

– Вы где?

– Подтянулись поближе к пересечению Рублевского шоссе и МКАД, стоим в ожидании высочайшего приказа, – всё ерничал Димыч.

– Ну, подождите еще малость, – невозмутимо ответил Кис. – Ромка на хвосте у машины Калинкова, они уже въехали в город. Сейчас посмотрим, куда направятся...

В Крылатское они направились, недалече, – как отрапортовал Роман. На Осеннем бульваре стали сбавлять скорость и вскоре затормозили возле башни, на первом этаже которой располагалось несколько заведений. Четверо мужчин крепкого телосложения вывалились из внедорожника.

– Нет, заместителя министра среди них нет, – сообщил Роман. – Вряд ли у него фигура качка, – а эти все качки... Идут к двери, возле которой табличка... Ща, па, мне не видно отсюда... Кажется, агентство... Секундочку, они вошли в дверь. А я подтянусь поближе... Ага, «Охранное агентство «Щит». Что мне делать?

– Ждать. И рапортовать по мере развития событий.

– Ты не поверишь, но они уже развиваются! Тащат двух мужиков, руки заломили за спины. Запихивают во внедорожник...

Алексей быстро набрал номер Димыча:

– Процесс пошел, Дим. Сейчас люди привезут в дом Калинкова убийц.

– Ты уверен?

– На все сто. Больше везти их некуда. Калинков остался дома ждать, – значит, к нему и доставят. Подтягивайтесь.

Одного из пленников запихнули в багажник, другого приткнули на заднее сиденье, доложил Роман. Покончив с размещением пассажиров, четверо бугаев снова заняли свои места. Машина развернулась и тронулась в обратном направлении.

Димыч подъехал чуть раньше, чем вернулся внедорожник. В машине без опознавательных полицейских знаков было, кроме него, еще трое оперативников. Не прошло и двух минут, как Кис указал приятелю на массивный черный «БВМ», перед которым поднялся шлагбаум. А еще через несколько секунд возле джипа Алексея притормозил мотоцикл Ромки.

– Подождем еще немного, братцы, – произнес детектив. – Старым друзьям надо по душам поговорить.

– Зачем ждать? – нахмурился Димыч.

Понятно: ему охота поскорее домой вернуться.

– Пусть все как следует разогреются. Калинин начнет задавать вопросы, исполнители – врать. Все станут нервничать, и бугаи Калинкова примутся морды квасить. А это, дорогой Дима, послужит нам печатью, удостоверяющей, что у Калинкова имеются большие претензии к исполнителям заказа. При наличии подобной печати нам будет проще задавать вопросы всем участникам дружеской беседы.

– И сколько ты намерен тут торчать? Пока исполнителей в трупы не превратят?

– Никак невозможно. Убитый горем отец желает получить объяснения. Узнать хотя бы, где тело его дочери захоронено. Но исполнители этого просто-напросто не знают. Тебе Серега историю-то рассказал?

Димыч хмуро кивнул.

– Ну, тогда сам понимаешь: ответить на вопросы папаши они не смогут. Посему морды им будут квасить так, чтобы способность ворочать языком сохранялась... Давай хотя бы минут двадцать подождем, лады?

Пока они ждали, Алексея осенила новая идея. До последнего момента он общался с «Татьяной» посредством электронной почты – и ни разу не спросил номер ее телефона, уважая желание девушки максимально замаскироваться. Но сегодня она прислала ему фотографии со своего мобильного. Стало быть, входящий запечатлелся в телефоне детектива. И если организовать звонок Таисии прямо в разгар всеобщего вранья, то у всех приключится шок. У отца – от радости, что дочь оказалась жива; у бандитов – от мистического ужаса: они ведь видели на фото, как ее труп лежит на дне могилы, уже частично забросанный землей! И шок этот окончательно развяжет языки.

Он набрал номер девушки и попросил, без лишних объяснений, оставаться в ближайшие полчаса у телефона в боевой готовности, поскольку детективу понадобится с ней связаться.

– А что такое? – насторожилась Таисия.

Поскольку Кис решил до последнего делать вид, что не подозревает, кто такая «Татьяна», то он, следовательно, не мог знать и о том, чья она дочь. Посему объяснять ей ничего не стал.

– Всему свое время, Татьяна. Скоро все узнаете.

– А это... Это как-то связано с убийцами? – забеспокоилась девушка. – Вы ведь не скажете им, что я жива?

– Теперь это не имеет значения, милая Татьяна. В данный момент их арестовывает спецгруппа УГРО, – чуть приврал он, опережая события.

– Боже, наконец-то! – Она даже засмеялась от радости. – Теперь можно будет вернуться в Москву и жить спокойно! Спасибо вам, Алексей Андреевич, спасибо! Я с самого начала была уверена, что вы меня... что вы нас спасете!

«Милая Татьяна» не могла и представить, какие новости обрушатся на ее голову по возвращении. И до спокойной жизни ей еще, увы, очень далеко...

– Да, – деловито ответил детектив. – Не только можно будет вернуться, но и нужно. Вам и Роберту. Помните, что я сказал днем? Срочно понадобятся ваши свидетельские показания! Так что можете начинать складывать чемодан прямо сейчас. И Роберту позвоните, лады? Пусть готовится к выезду. А пока ждите моего звонка.

Отключившись, Алексей обвел глазами Димыча, Игоря, Романа... Трое оперативников, прибывших с Димой, не выходили из машины.

– Ну что, мужики, двинулись?

Они расселись по своим машинам и дружно подъехали к шлагбауму. Димыч направился в КПП. «К нам поступил сигнал...» – донеслось до Алексея.

Ну, правильно. Либо сигнал, либо ордер. Поскольку последнего не имелось – не успели получить, – то лучше сослаться на вызов.

Через три минуты Димыч вышел, однако в машину не сел, а направился к Роману и что-то ему сказал. Ромка стащил шлем, подкатил свой мотоцикл к КПП, приставил прямо к стенке. Затем они с Димычем поднялись на две ступеньки и вошли в избушку пропускного пункта.

Вернулся Дима один.

– Что такое? – спросил Алексей.

– Да не бойсь. Приставил твоего мальчика следить, чтобы охрана не сообщила Калинкову о нашем визите.

Кис кивнул: верное решение. И они не медля проехали под шлагбаумом на территорию престижного поселка.

Дверь им открыла, даже не спросив ритуальное «Кто там?» – видимо, жизнь за забором с КПП приучила местных жителей никого не опасаться, – полная женщина лет сорока пяти в темно-синем платье и голубом фартуке. Увидев перед собой толпу мужчин, она испуганно отпрянула.

– Вы кто такие?!

– Полиция.

– Поли... А документы?

Димыч предъявил свое удостоверение и шагнул в дом. За ним потянулись остальные.

– Где хозяин?

– Они... В... – Она покрутила головой, обводя глазами холл, словно надеясь на подсказку, – но никого рядом с ней не наблюдалось, и подсказка не поступила. – В спортзале они... – растерянно проговорила она.

– Проводите, – распорядился Димыч.

Они спустились по лестнице вниз, в подвальное помещение. Прошли мимо бассейна, бани, джакузи...

– Туда вон... – кивнула женщина на дверь в противоположной торцевой стене помещения.

– Кис, Игорь, вы сзади, – распорядился Димыч, открывая дверь.

Полицейские тихо вошли, держа пистолеты наготове. За ними в зал ступили детектив с ассистентом. Сцена, открывшаяся их взору, выглядела следующим образом: ближе ко входу стояло кресло, в котором, спиной к вошедшим, сидел человек. Напротив него, на расстоянии метров десяти-двенадцати, сгрудились качки, также спинами к двери, а лицом к двум привязанным к стульям мужчинам. Оба были уже прилично избиты, однако Алексей узнал их: портреты Таисии получились очень похожими.

– Да говорю же, говорю, – кричал один (второй был в полуобморочном состоянии, похоже), приправляя слова матом, – давайте в агентство съездим, ***, я вам скан паспорта того бомжа покажу, ***! Его надо найти, он знает, где могила! А мы не знаем, да поймите же, вашу ***...

И вдруг он, увидев компактную толпу мужчин у входа, словно поперхнулся и вытаращил глаза.

Качки обернулись. А вслед за ними и Егор Тимофеевич Калинин.

Увидев вошедших, он поднялся с кресла и, начальственно нахмурившись, строго поинтересовался, кто такие. Увидев предъявленные корочки, он неожиданно снова опустился в кресло. Или, лучше сказать, рухнул.

Оперативники, приехавшие с Димычем, оттеснили качков от двух избиваемых, прощупав одновременно их карманы на предмет оружия.

Ничего не нашли: здесь, судя по всему, основным оружием были кулаки.

– Как я понимаю, Егор Тимофеевич, именно эти люди убили по вашему приказу Амрита Валли?

– Они убили мою дочь... – Голос его дрогнул.

Димыч подошел к связанным мужчинам.

– Дерюжкин, – удовлетворенно кивнул он. – А это Гринько, надо понимать, – ткнул он пальцем в сторону потерявшего сознание бандита. – Приведите его в чувство, – распорядился он, махнув рукой качкам.

Один из них лениво поднял с пола ведро с водой и плеснул в лицо Гринько.

– Ну, а ваша версия какая? – спросил Димыч.

– Не убивали мы его дочь, – буркнул Дерюжкин.

– А индуса, гражданина Валли?

– Ну.

– Что «ну»?

– Ну убили.

– И пытали.

– Ну и пытали... По личному министерскому распоряжению Калинкова Егора Тимофеича! А дочь его мы... Да мы же не знали, что за девка там околачивалась!

– Я тебе сейчас за «девку» челюсть сломаю, – привстал из кресла замминистра.

– Да девушка, девушка, барышня, – быстро исправился Дерюжкин. – Мы ж не знали, говорю, кто она! Егор, ну кабы имели понятие, что это твоя дочь, мы разве б... Ну возьми в толк: она нас видела. Надо было что-то решать, она же свидетельницей оказалась. Мы и поручили одному уголовнику, вовремя подвернулся...

Алексей понял, что в таком темпе они еще час будут тут беседовать. Он подошел к Димычу и шепнул ему два слова. Тот неохотно, но все же кивнул.

– Значит, так, – произнес Алексей. – Говорить буду я, а вы только подтверждайте, что все правильно, большего от вас не требуется. Итак, Дерюжкин и Гринько, вы пытали и убили гражданина Амрита Валли.

– Да...

– По заказу господина Калинкова Егора Тимофеевича.

– Да...

– За что получили от него денежное вознаграждение.

– Да...

– Случайную свидетельницу – которая, как впоследствии выяснилось, оказалась дочерью Калинкова – вы поручили убить незнакомому гражданину, который только тем утром освобожден из мест заключения.

– Да...

– За деньги.

– Да.

– Видите, господин заместитель министра, напрасно ваши люди избивают эту парочку. Они действительно не знают, где тело вашей дочери.

– Я им не поверил. Это звучит, как бред.

– Однако самая что ни на есть правда.

– А вы – вы знаете, где моя дочь?

– Знаю, – кивнул Алексей. – И сейчас вам скажу. Только подтвердите правдивость изложенной мною информации: вы заказали этим двоим убийство Амрита Валли, не так ли?

– Так, – почти безразлично кивнул Калинков. – Где моя дочь?!

– Прекрасно. Мы все слышали ваши взаимные признания. Они записаны на диктофоны. А теперь... Внимание!

Алексей достал мобильный и нажал кнопку. Телефон пропиликал, пошел гудок.

– Аллё, – раздался голос Таисии. – Слушаю вас, Алексей Андреевич.

Калинков вскочил, выхватил трубку из рук детектива.

– Тая, Таисия, это ты???

На лицах двух братьев изобразилось неподдельное недоумение.

– Папа?! – удивилась девушка.

– Ты жива? Ты жива? Скажи еще раз, скажи, что это ты!

– Папа, конечно, это я...

– Я же видел фотографию с твоим телом... в могиле...

Он заплакал.

– Папа? Аллё, папа? – доносился голос Таисии из трубки. – Послушай, не плачь, всё хорошо, я жива, я завтра приеду, слышишь? Я больше не хочу с вами ссориться, с тобой и с мамой, я приеду и вас обниму... И мы все обсудим мирно... Не плачь, я люблю тебя, папа...

Калинков сунул телефон в руки детективу и пошел назад к креслу. Он всхлипывал, не пряча слез. Затем сунул руку в карман, – все подумали, что за платком, однако в руке Егора Тимофеевича появился небольшой серебристый пистолет.

Полицейские мгновенно достали табельное оружие и навели его на замминистра. Тот обвел всех взглядом – мученическим взглядом покрасневших глаз...

И выстрелил себе в висок.

– Па, я не понял, зачем он застрелился? – спросил Ромка, когда они вернулись к контрольно-пропускному пункту и рассказали ему об исходе дела.

– Не зачем, а от чего... От стыда. Услышав голос дочери, он понял, что она все узнает. Как все преступники, Калинин надеялся, что все останется шито-крыто. Ан не вышло. И Таисии придется узнать, что ее отец – с которым она как раз хотела помириться! – убийца. А мать...

Алексей не нашел подходящего приличного слова и смял конец фразы.

– М-да... – только и произнес Ромка, садясь на мотоцикл.

Игорь и Алексей забрались в свои машины. Неожиданно Роман наклонился и стукнул в оконце отцовского джипа.

Алексей опустил стекло.

– Слышь, па, ты, когда Таисию увидишь, скажи ей, что машинка ее в полном порядке. Ждет на нашей стоянке, я ее с платной пригнал...

Роман опустил забрало шлема, поднял руку в прощальном приветствии и рванул, мгновенно растворившись в ночи.

ВТОРНИК

На Петровке

Алексей назначил встречу Таисии и Роберту у входа в здание Петровки, 38. Он хотел увидеть их, познакомиться с обоими вживую, особенно с Таисией, чтобы дорисовать для себя ее образ. От этого зависело, как построить с ней разговор, как преподнести ей жуткую правду. Хотя, понимал Алексей, как ни старайся помягче, а удар будет нанесен. Анестезию от душевной боли еще никто не изобрел...

Эту задачу переложил на его плечи Серега Громов: он предпочитал провести сначала беседу с потерпевшей в спокойной обстановке, а уж потом рассказать ей подробности. И попросил Алексея взять этот тяжелый труд на себя. Алексей согласился: пусть лучше вестником дурных новостей будет он, чем Громов, совсем чужой ей человек.

А он, Кис, – он не совсем чужой.

Они подошли ко входу в здание вдвоем (видимо, договорились

встретиться заранее). Таисия в реальности оказалась симпатичнее, чем на фотографии в паспорте, и новая стрижка делала ее облик озорным, немножко мальчишеским, тогда как сочетание светлых волос и карих глаз придавало лицу некую томность и загадочность. Роберт же, неожиданно для детектива, подсознательно ожидавшего увидеть «бомжа», оказался весьма фактурным мужчиной, ухоженным и приличным.

«Интересно, как там у них, «стокгольмский синдром» развивается? – подумал детектив. – Они могли бы стать красивой парой...»

– Таисия! Роберт! – окликнул их Алексей Кисанов.

– Вот как? – улыбнулась девушка, приближаясь к сыщику. – Я больше не Татьяна?

– Ну уж как есть... – развел руками Алексей.

– А я-то собиралась открыть вам правду! – засмеялась она. – Не вышло.

– Да я ведь... – Кис сделал смущенный вид.

– Понимаю, работа у вас такая, – кивнула она.

Таисия пребывала в радостном настроении (которое скоро придется ей испортить, грустно подумал детектив); Роберт был тоже весел. Понятно: жизнь налаживается, возвращается на круги своя, больше нет страха, нет опасений, нет нужды скрываться.

Алексей сопроводил их до кабинета полковника Громова и отправился на улицу в ожидании, пока дача показаний закончится.

Погода в последние дни смиростивилась над москвичами: сухо, солнечно и даже относительно тепло. Подумав, детектив решил отправиться в сад «Эрмитаж», посидеть пока в знакомом кафе, где они беседовали с Серегой несколько дней назад. Таисия должна ему позвонить, как только их отпустят, так что не потеряются.

Прошло почти два часа, прежде чем раздался звонок.

– Я вас не вижу, Алексей Андреевич, вы где?

Голос девушки был оживленным.

– В саду «Эрмитаж», в кафе... – Алексей объяснил, где именно. – Присоединяйтесь ко мне, небось проголодались?

Он не знал, придет ли Таисия одна или в сопровождении Роберта. Но они появились вместе.

Что ж, так даже лучше. Будет кому утешать, подумал Алексей.

Едва они расположились за столом, как Таисия вскочила: «Сбегаю руки помыть!»

Это было очень кстати.

– Роберт, – произнес детектив, – я не знаю, какие у вас с Таисией отношения, и не стану спрашивать, не мое это дело. Но, к сожалению, я должен рассказать ей новости весьма печальные. Если вы ее друг, то приготовьтесь ее поддержать. Если нет... В таком случае вам, возможно, стоит уйти. Речь пойдет о ее семье, а это, как вы понимаете, информация не для посторонних ушей...

– Я ее друг. – Роберт на мгновение накрыл своей крупной рукой руку детектива, будто для пущей убедительности. – Можете не сомневаться.

– Тем лучше, – кивнул Алексей.

– Представляете, я только сегодня узнала фамилию Роберта! – Таисия подходила к столику. – Он Терский! А я думала, у него какая-то кавказская. Оказалось – польская! – Она рассмеялась. – Или еврейская!

– Казачья, – ответил Роберт. – По названию реки Терек вроде. В плечах кося сажень, ты заметила? – рассмеялся и он, мельком посмотрев на детектива, будто прикидывая, когда тот приступит к изложению «печальных новостей».

– Ну что, давайте сделаем заказ? Я жуть какая голодная! – весело воскликнула девушка.

Алексей решил, что плохие новости не стоит выдавать на пустой желудок, и кивнул.

Молодые люди и впрямь проголодались: заказали и шашлык, и овощи на гриле, и хачапури, и, в довершение к блюдам, красное вино. Алексей тоже ощутил голод – с утра не завтракал, кусок не лез в горло, – и присоединился к ним.

Таисия беспечно болтала, отрезая кусочки хачапури и попивая вино, – эту часть заказа принесли сразу же. Один раз она прервалась, набрав номер на своем мобильном и послушав гудки. Но это ей настроения не испортило, – она просто положила телефон на стол и продолжала рассказывать Алексею подробности своих приключений.

– ...И такую фиолетовую куртку купила, лакированную, – вырви глаз! А что, раз уж Роберт решил, что у меня на голове должны быть розово-зеленые перья, почему бы к ним не прибавить немножко фиолетового! – хохотала она.

Роберт тоже посмеивался, все поглядывая на детектива, будто спрашивал: когда?

– Скорей бы принесли наш заказ, – произнес Алексей. – На пустой желудок плохо думается...

И посмотрел на Роберта: понял ли, что детектив хочет дождаться, пока Таисия поест?

Тот некоторое время соображал. Затем кивнул: дошло.

– А что, у вас новое дело, Алексей Андреевич? – спросила Таисия, по-своему растолковав слова детектива.

– Даже несколько, – не стал возражать Кис.

Принесли блюда. Роберт подлил Таисии вина. Она выпила и снова набрала номер. И снова без ответа.

Кис был уверен: она набирает номер отца. А его телефон лежит в вещдоках на Петровке...

Наконец все принялись за еду.

Едва тарелка Таисии опустела, она снова взяла телефон в руки.

– Я никогда не звоню отцу в рабочее время, чтобы не отвлекать его. Но вчера он так странно со мной говорил... Просил подтвердить, что я жива... Плакал... – Она подняла глаза на Алексея: – Вы были вчера у папы, как я поняла. Почему он так странно...

– Он узнал, что вас хотели убить.

– Да, я так и подумала... Это вы ему сказали?

– У него оказались свои источники, – уклончиво ответил детектив.

– Наберу-ка я телефон его секретарши, – в голосе девушки уже слышалась неприкрытая тревога.

– Подождите, – произнес Алексей.

Ну что ж, вот и настал момент истины. Как ни желал Алексей ее смягчить, ничего он не мог сделать. *Такая правда ничем не смягчается...* Пусть он расскажет, как намеревался, не все подробности, – но даже их части хватит для того, чтобы вынести мозг.

Все, пора. Отступить больше некуда.

– Таисия... Тая, у меня есть две новости... Даже три, пожалуй... И все, увы, плохие. Но делать нечего, придется мне их вам рассказать. Мужайтесь.

– Слушаю вас, Алексей Андреевич. – Девушка мгновенно побледнела, даже губы потеряли цвет, стали серыми. – Говорите.

– Ваш отец узнал о попытке вас уничтожить непосредственно от тех двоих, чьи портреты вы нарисовали. И которых только что опознали в полиции.

– От убийц Амрита?! Но каким образом?

– Дело в том, что этих людей направил к Амриту Валли лично ваш отец...

– В... В каком смысле... Не поняла! – Тая распахнула глаза.

Роберт осторожно взял ее ладонь в свои руки. Но она ладонь выдернула.

– В прямом, Таисия. Ваш отец отправил к Амриту Валли убийц.
– Но зачем?! – Она привстала со своего стула.
– Чтобы отомстить...
– За меня? Но почему? У нас ничего не было с Амритом, кроме философии!!! Он меня ничем не обидел, за что отец решил ему...
– За вашу маму.
– Как это?!
Таисия рухнула обратно на стул, прикрыла лицо руками.
Алексей молчал, не желая произносить убийственные слова. Надеялся, что девушка сама догадается.
– Ты что-нибудь понимаешь, Роберт? – отняла она ладони от лица и устремила на него горящие от боли глаза.
– Кажется, да... – тихо ответил он.
– Моя мама... Она что, с Амритом... У них был... было... Алексей Андреевич?
Кис кивнул.
– Хуже того, Амрит выложил ролики в интернет. Он выкладывал видео со всеми женщинами, с которыми у него были интимные... Ну, вы поняли... Он зарабатывал таким образом на порносайте в Даркнете.
Таисия, опустив глаза, некоторое время качалась на стуле. Затем посмотрела на детектива.
– А паpusик, выходит, увидел. Вот, оказывается, чем он занимался по вечерам, когда запирался в своем кабинете! И говорил мне, что работает!
– Таисия, ваш отец – взрослый мужчина и имеет право смотреть «взрослые» фильмы... Не судите его так строго. Только представьте, какой шок он испытал, увидев на экране свою жену...
– Шок?! Это у меня – шок! Он нанял киллеров, которые чуть не лишили жизни меня!
– Не забывайте, Таисия, это личная инициатива двух ублюдков. Ваш отец тут ни при чем.
– Ха! Он лишь при том, что имеет дело с ублюдками!!! Что заплатил им за убийство!!! Погодите, я сейчас ему все выскажу! И про шок, и про... Я будто в дерьме искупалась: отец – убийца, мать – развратница, учитель «светлой философии радости», как он выражался, – продажный урод!
Она принялась снова набирать номер.
– Таисия, – заговорил Алексей, – подождите!
Но девушка только показала ему жестом: молчите! – приложив указательный палец к губам.
– Тая, ваш отец не ответит...

– Да он никогда не отвечает в рабочее время! – Она с досадой бросила мобильный на стол. – Но ничего, вечером я с ним поговорю!

– Не поговорите, Таисия... Его больше нет.

Ее глаза распахнулись так сильно, что заслезились.

– Ваш отец, когда узнал всё... Вчера, сразу после разговора с вами, он застрелился. Мне очень жаль, Тая...

Она издала какой-то животный, воющий звук, который перешел в плач. Роберт прижал девушку к себе, утопил ее задрожавшие плечи в своих объятиях.

Алексей поднялся, кивнул ему: давай, парень, теперь твой выход!

Тот кивнул в ответ: можете на меня положиться, справлюсь...

Алексей Кисанов тихо обошел столик и покинул ресторан.

ЧЕТВЕРГ И ДАЛЕЕ...

Таисия

Все хлопоты по организации похорон взяло на себя папино министерство, мне не пришлось ничем заниматься, к большому моему облегчению, – я бы просто не смогла. Мой разум пребывал в сумеречном состоянии, я плохо понимала, что мне говорят, из рук все валилось. Роберт водил меня повсюду, с виду галантно поддерживая под локоток, – а на самом деле просто держал, в прямом физическом смысле: у меня ноги время от времени подкашивались.

Министр и какие-то другие люди произносили речи – стандартные, фальшивые, убийственно неискренние, – хваля моего отца на все лады. Я с трудом выдержала.

Мать на похороны не явилась. Точнее, сначала я так подумала. Но увидела ее в самом конце, когда толпа стала редеть: она пряталась за соседними стелами. Ненакрашенная, бледная, в старушечьем платке... Заметив мой взгляд, она поторопилась исчезнуть. И правильно сделала. Мне не о чем с ней говорить.

...Подумать только, всего каких-то три дня назад я праздновала начало своей новой жизни! Светлой, свободной, творческой жизни! И вот, по странному совпадению, я стою у свежей насыпи сырой земли – у могилы моего отца. У могилы того, что называлось «нашей семьей». У могилы моего прошлого.

– Пойдем, Таинька. – Роберт тронул меня за руку. – Все уже разошлись. Пойдем и мы.

Министерство оплатило и поминальный прием в ресторане, но я не захотела туда идти. Мои прежние сослуживцы никаких теплых эмоций у меня не вызывали, их лицемерные соболезнования мне были ни к чему, только раздражали. Но, главное, я уверена, они попытались бы вытащить из меня побольше подробностей. Никто ничего толком не знал, – как обещал Алексей Андреевич, утечки из полиции не произошло, в прессу никто не слил. Но все-таки смутные слухи гуляли, и все жаждали узнать подробности... Да пошли они к черту!

Мы вернулись в мою квартиру на Войковской. Мне ничего не хотелось делать. Ни есть, ни пить, ни спать. Я не знала, куда себя деть. Я не знала, как пережить предательство. Ладно мать – от нее я никогда ничего хорошего не видела и не ожидала. Но отец – такой строгий и правильный, что я считала его редкостным занудой! Но Амрит, проповедник светлых энергий и чистой радости!

Кто еще меня предаст? Кто следующий?!

– Выпей немного вина, – предложил Роберт, подойдя ко мне с откупоренной бутылкой красного и двумя бокалами, зажатыми между пальцев. – Оно поможет тебе немножко расслабиться.

Вино мы открыли вчера, когда Роберт приехал ко мне из своего Подмосковья. Дела у него там шли неплохо, как он сказал, но требовали его постоянного присутствия на месте. Однако он вырвался ко мне – специально, чтобы быть со мной сегодня во время похорон...

Какой милый.

А он, между прочим, теперь знает, что я богатая невеста. Не он ли станет следующим в списке предателей? Игроман и сомнительный бизнесмен, чьи представления о ведении бизнеса были сформированы в девяностые?!

– Я бы предпочла коньяк, который ты привез вчера.

– Хорошо, только пообещай, что съешь немножко фруктов. Нельзя крепкий алкоголь на пустой желудок.

Я кивнула. Роберт принес тарелку с нарезанными апельсинами и яблоками, бутылку коньяка.

– Ничего, если я оставлю эти бокалы? Или у тебя есть специальные для коньяка?

– Какая разница, – махнула я рукой.

Где-то у меня действительно стояли низкие пузатые бокалы для коньяка, но сейчас мне было не до изысков.

Роберт разлил коньяк по бокалам.

– Помянем?

– Не хочу. Добрым словом не получится, а плохо о мертвых нельзя. Давай лучше за нас выпьем. За наши успехи. За мои рисунки и твой бизнес. Кстати, как там у тебя складывается?

– Я одолжил у одного давнего приятеля еще десять тысяч зеленых в плюс к тому, что у меня осталось от бандитов. Правда, под проценты, но ничего, они должны быстро окупиться. Вкладываю их в совместный бизнес со старым другом.

– Не скажешь какой?

– Из области интернет-игр. Они приносят бешеные доходы. Мой друг уже неплохо раскрутился с одной интересной игрой, но нужны новые проекты, чтобы идти дальше. А это требует вложений. Идеи есть, разработчики есть, концепт готов. Осталось только запустить всё в работу. Прибыль поделим с ним пропорционально вложению капитала. Но мы договорились ее снова пустить на развитие, так что свободных денег на красивую жизнь у меня еще долго не будет.

– А зачем тебе красивая жизнь? – Я чуть захмелела. – Вот объясни, зачем эта показуха: дорогие часы, дорогие тачки...

– Я имел в виду красивую жизнь для тебя, Тая. Чтобы я смог сводить тебя в хороший ресторан, свозить на отдых.

– А мне пофиг. Я сама могу себя сводить и свозить. И тебя тоже, между прочим. Я богатая наследница, сечешь?

Я делала вид, что коньяк разобрал меня несколько больше, чем на самом деле. Мысль о том, не Роберт ли станет следующим предателем, – в мире, где одни оборотни! – не давала мне покоя.

– Меня это не касается. Как ты выразилась, у меня нафталиновые заморочки. На содержании у женщины никогда не жил и не собираюсь.

– Да ла-а-адно! – пьяно воскликнула я. – А если я тебе дам денег в долг? И без процентов, не то что твой добрячок-приятель?

Роберт покачал головой.

– Тасик, ты опьянела немножко... Оставим эту тему. Я мужчина, я буду работать и заработаю сам все, что нужно. К слову, я должен завтра рано уехать: у нас встреча в девять, а мне нужно еще домой заскочить, переодеться. Часов в шесть утра придется выезжать. Так что давай ляжем пораньше, хорошо?

– Не-е-ет, – не отставала я, – я хочу вложить деньги в твой бизнес! Скажи просто, когда примерно сможешь отдать, и все, они у тебя в руках! Прямо сегодня! Прямо сейчас!

Роберт колебался.

– Двадцать тысяч зеленых. И без процентов. Бери, милый, мы же теперь свои люди, разве нет? – приставала я.

Если он способен меня предать – то пусть уже сразу. Побыстрее. Сейчас он согласится, получит наличку из рук в руки (у меня деньги дома в тайнике лежали) – и все. Может, оставит расписку, – но это филькина грамота. Теоретически она имеет силу, – но только теоретически. В суде доказывать – замаешься. Дохлый номер. И Роберт, коль скоро уже занимался бизнесом, не может этого не знать.

Деньги большие, конечно, но это цена за то, чтобы заранее узнать о готовящемся предательстве. О занесенном за твоей спиной ноже. И быть настороже.

– Пойдем спать, Таинька. У тебя сегодня был трудный день, ты нуждаешься в отдыхе.

– А что с деньгами? Ты не ответил! – упрямылась я.

– Я завтра переговорю со своим компаньоном. Если что, оформим договор с тобой, чтобы все было официально. Правда, я в ближайшие дни буду очень занят, смогу приехать только в воскресенье...

– Так возьми деньги сегодня! Если твой компаньон сочтет, что они вам ни к чему, то привезешь их в воскресенье обратно.

Я, как заправская мазохистка, подталкивала Роберта к предательству, будто жаждала растравить собственные раны.

– Ну хорошо, – сдался он. – Я возьму деньги. Они у тебя тут, дома, что ли? Или ты переводом отправишь?

– Дома, милый, дома. Не нужен никакой перевод. Даже следа нашей сделки не останется, не беспокойся.

– Тая, что с тобой? О чем ты?

– О чем я... Не знаю. А что я такого сказала? У меня голова плывет, извини, если что... Я опьянела... Пойдем правда спать...

Перед тем как улечься в кровать, я вытащила деньги из тайника и, пока Роберт был в душе, положила ему в сумку.

Без расписки. Без следов. Без доказательств.

Вот теперь и посмотрим.

С утра я Роберта не видела, – спала как убитая. Но днем следующего дня он позвонил. Поблагодарил меня за деньги. Что уже неплохо, – он в принципе мог сделать вид, что их вообще не видел... Предложил выслать мне варианты договора, которые они согласовали с компаньоном: либо я вхожу в долю как третий собственник их компании, который будет

получать свою часть прибыли, – либо они будут возвращать мне долг в рассрочку. Без процентов, коль скоро я была так добра предложить им эту схему. Но в случае хороших доходов (а они должны быть, по их расчетам) я получу в конце выплат вознаграждение.

Ну что ж, пока все очень мило и цивилизованно. Посмотрим еще, конечно, как они возвращать будут... Но пока я все-таки обрадовалась, что Роберт не оправдал мои худшие опасения...

«У тебя паранойя, Таисия», – вдруг сказала я сама себе.

Нет, тут же возразило мое «второе я», – доверяй, но проверяй! Когда тебя предадут твои собственные родители, самые родные, казалось бы, люди, – как верить другим, чужим?

Устав от сомнений, от внутренних споров с самой собой, я запретила себе об этом думать. Села рисовать, потом схватила телефон и позвонила Дмитрию Синецину – тому из специалистов по продвижению в интернет-сетях, что постарше, на котором я остановила свой выбор. Пора заниматься делом, а не сопли распускать.

На следующий день – это уже была пятница – я подъехала к нему, собрав все свои рисунки, и мы просидели с ним почти весь рабочий день, обсуждая, как лучше оформить мои страницы в сетях и как лучше подать себя и свое творчество.

Утром в субботу Дмитрий прислал мне план, составленный на основе наших вчерашних обсуждений. Я план одобрила, и работа закипела в ту же минуту. У интернет-разработчиков нет выходных, и рабочий день ненормированный. Так что уже к вечеру мне прислали «рыбу» двух страниц в разных сетях. Я так увлеклась, что забыла о своем эксперименте с деньгами. Даже самого Роберта почти не вспоминала!

В воскресенье он позвонил и сказал, что приехать не сможет: слишком много работы.

То есть... Значит, договор мы не подпишем, как я понимаю.

Снова на меня нахлынули подозрения и горечь в ожидании предательства. Снова я погрузилась в сумеречное состояние души. Дело ведь не в том, как поступит Роберт. Дело не в деньгах. И даже не в предательстве как таковом, – вдруг поняла я.

Дело в том, что мой безумный ход предназначался для испытания его любви ко мне. Вот зачем я все это закрутила, не осознавая в тот момент своих настоящих мотивов и настоящей цели.

Мы ведь действительно – он прав – из разных кланов. Монтеки-

Капулетти, Ромео и...

Ха-ха.

Роберт вел себя так – с тех пор, как у нас состоялся разговор после ресторана и мы провели ночь вместе... – как будто между нами всё решено. Собственно говоря, я сама разрешила его сомнения по поводу нашего якобы неравенства, так что упрекнуть его мне не в чем.

Зато у меня, наоборот, возникло столько сомнений...

Мне нужна его любовь! И я боюсь потерять ее. Или узнать, что она оказалась фейком, фальшивкой.

Хотя он на самом деле не давал никаких поводов в ней усомниться. Что-то я накручиваю без причин... Истеричка!

Ага, станешь тут истеричкой, после всего того, что пришлось пережить...

Да еще месячные надвигаются, – а это такие дни, когда нервишки особенно шалют...

Я посмотрела на календарь.

Что-о-о? Что-что? Не может быть!

Я снова посмотрела на календарь. Для пущей верности провела пальцем по линейке дат...

Вот это да... У меня задержка в две недели! Я не обратила внимания, не вспомнила – не до того было...

Неужели я...

???

Я нашла аптеку, открытую в воскресенье. Помчалась, купила тест на беременность. Прибежала домой...

ДА.

Тест бесстрастно свидетельствовал: я беременна.

Я вспомнила ту ночь с Робертом, когда мы использовали просроченные презервативы его приятеля. И как я вымывала из себя его сперму сильной струей воды. Надежное средство оказалось, ага...

Вот откуда у меня эти эмоциональные перепады. Все эти страхи, подозрения, слезы, отчаяние. После пережитого, само собой. Но еще и потому, что мой организм переживает потрясение: в нем зародилась другая жизнь! Гормоны взметнулись, обмен веществ взбесился, – ну и голова моя того, с крышей чуть не рассталась...

Сказать Роберту? Не сказать?

Я выбросила тест в мусорное ведро и села рисовать. Некогда мне о глупостях думать. Завтра начнем наполнять мои интернет-страницы

рисунками, так что вперед, Тая, работай!

С матерью я встретила еще раз, у нотариуса. Завещания папа не оставил, – вряд ли предполагал, что его жизнь оборвется неожиданно, выстрелом в висок из собственного пистолета...

Нотариус разъяснил, что все папино имущество делилось между мамой и мной. Ей полагалась большая часть, мне меньшая, – хотя описать всего того, что принадлежало папе: движимость-недвижимость, банковские счета, акции-облигации... – еще только предстояло сделать, – но меня это не волновало. Как только нотариус закончил свои длинные нудные объяснения и дал нам подписать заявления, я сразу же направилась к выходу.

– Таисия, стой! – окликнула меня мать.

Я остановилась у выхода на улицу.

– Нам надо поговорить... – начала она.

– Не надо. Не о чем.

– Я не собираюсь оправдываться, ты неверно поняла. Это моя жизнь, тебя произошедшее не касается.

– Правда? Папы тоже не касается?! Круто.

Она помолчала несколько секунд.

– Я хотела тебе вот что сказать: я уезжаю за границу. – Голос матери был ровным, без эмоций. – Вернусь через полгода, чтобы получить свою долю наследства... Половина дома принадлежит мне на правах супруги, а вторая половина, доля твоего отца, делится между тобой и мной пополам. Я хочу дом продать. А тебе выплачу твою часть. Ты согласна?

Я смотрела на мать во все глаза. Недели не прошло, как мы похоронили папу, а она только о деньгах и думает!

– Делай что хочешь. Я в этот дом все равно больше никогда не приеду. Это всё?

– Нет. В доме много ценных вещей. Картины, серебро, дорогая посуда, вазы... Если ты что-то хочешь забрать себе, то я не против. Украшения практически все принадлежат мне, тебе я их не предлагаю. Но там есть кольцо твоей бабушки по отцовской линии, ты о нем помнишь?

Ох, да, почти забыла... Старинное кольцо со скромным бриллианчиком. Родители отца не были богатыми – да и кто при советской власти был богат, кроме номенклатуры! Это уж папа разбогател каким-то удивительным образом. И я бы предпочла не знать, каким именно, – особенно после всего, что случилось. Эти ублюдки, которых отец нанял для убийства Амрита Валли, называли его почему-то просто по имени – Егор –

и на «ты»...

Не хочу знать почему, не хочу.

– Помню. И что?

– Вот оно, держи. Я так и подумала, что ты не захочешь в особняк ехать... – С этими словами мать вынула из сумочки небольшую потертую коробочку из синего бархата, облысевшего на боках, и протянула ее мне.

Я открыла. Да, это было бабушкино кольцо. Я не понимала, что означает жест моей матери. Она позаботилась обо мне? Или, напротив, таким образом избавилась от моего присутствия в особняке, где я могла бы теоретически забрать что-то еще из ценностей?

Я не знала. От нее всего можно ожидать.

– Спасибо.

– Мы не скоро свидимся теперь, Таисия. Прощай.

Я не ответила и вышла на улицу. Но все же обернулась. Мать с той стороны стеклянной двери что-то искала в сумочке. Или просто тянула время, чтобы не оказаться на улице рядом со мной.

– Не прощу... – прошептала я, глядя на такое неродное мамино лицо.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ СПУСТЯ

Таисия

На следующей неделе Роберт опять не смог приехать. Он, правда, звонил мне каждый день, но мне требовалось его присутствие, а не голос в телефоне... Когда я рожу – а я рожу, от ребенка ни при каких обстоятельствах не откажусь! – вот такой в моей семье будет папа: вечно занят, вечно на работе...

Такой папа в моей жизни уже был. И вот чем все закончилось.

О беременности я Роберту пока не сказала. Может, нам нужен вообще другой папа? Который сумеет присутствовать в нашей жизни?

Мать, между прочим... Она, может, когда была молодой, когда любила папу и ждала его с работы, – может, она тоже тосковала, как я сейчас... А потом постепенно привыкла к его отсутствию в своей жизни... И постепенно перестала ждать его с работы. И любить перестала постепенно...

Я вдруг представила ее – не такой, как сама помню, а такой, какой видела на ее молодых фотографиях. А ведь тогда у нее глаза горели жаждой

жизни, радостью, любовью!

И чем все закончилось.

И кто в этом виноват?

Мне было ужасно плохо. Тоскливо, одиноко. Но я старалась не поддаваться унынию и рисовать, рисовать, рисовать! Мои интернет-страницы наполнялись с большой скоростью, давние поклонники перешли за мной на новые сайты, «лайки» сыпались как из рога изобилия, аудитория росла изо дня в день. Рисуя, я ощущала себя счастливой, полезной, нужной, – и это чувствительно компенсировало отсутствие любимого мужчины в моей повседневной жизни...

На исходе третьей одинокой недели Роберт наконец сообщил мне, что приедет в субботу. И привезет договор мне на подпись (о, радость! – съехидничала я мысленно). И – вот тут начинается самое интересное! – что он откроет свой офис в Москве. Роберт в фирме – финансовый директор (в программировании он ничего не понимал) и может работать удаленно, ведь сейчас все работают через интернет-связь, даже находясь в соседних комнатах. Так что теперь он будет не ко мне приезжать время от времени, – а, ровно наоборот, будет время от времени навещать в Подмоскowie!

– Значит, – хлюпнула я носом, не удержалась, – у нашего малыша будет нормальный папа?

– У нашего... Кого???

Эпилог

Роберт ждал меня в холле поликлиники.

– Ну, что сказали врачи? Мальчик или девочка? – бросился он ко мне.

– Слишком рано, чтобы определить пол, – засмеялась я. – Но ребенок в порядке.

– Его мама тоже? – спросил он, с нежностью вглядываясь в мое лицо.

– Как видишь. – Я раскинула руки и покружилась перед ним.

– И мама у нас красавица! – поймал меня Роберт. – Поехали платье покупать.

– Я хочу скромную свадьбу, ну сколько раз повторять!

– Так она и будет скромной. Только несколько самых близких друзей, обещаю! Но платье же надо?

– Ладно, поехали... А «несколько самых близких друзей», это сколько? – прищурилась я с подозрением.

– Человек тридцать, – не моргнув глазом, ответил мой жених. – Я еще точно не подсчитал.

– Куда нам столько?! – запротестовала я. – Я же скромную хотела!

– Я тоже. Но я же «нафталиновый», мне хочется как-то так, чтобы никого не обидеть, чтобы все хорошие люди были с нами в такой день...

– У меня таких только двое: моя подруга Вера и Дима Синицын, спец по раскрутке. Не приглашать же всех моих «фанов»: их слишком много! А кто у тебя «хорошие люди»?

– Ну, например, те, которые работают в нашей с тобой фирме. Которые душу вкладывают в разработку игры. И благодарны нам, владельцам, за то, что мы (с твоей помощью, милая!) хорошо им платим. Они обидятся, если мы не пригласим их на такое важное событие. Они ведь ощущают себя членами одной большой семьи!

Я сдалась. Пусть будет «одна большая семья» – раз уж у меня вообще никакой нет...

Хотя я, пожалуй, снова погорячилась. У меня ведь есть Роберт! И скоро у нас с ним будет ребенок. Вот моя семья. И я никогда, никогда не переложу воспитание моего маленького человечка на нянь и гувернанток. Я сумею делить свое время между ним и творчеством. И Роберт будет ему прекрасным отцом, я точно знаю!

– Знаешь, я подумала...

– Что, Таинька?

– Я предложу своей матери... маме приехать. Не приглашу, нет, – а именно предложу. Захочет – пусть приезжает. Все-таки ее дочь замуж выходит... И внук скоро появится... Ну, а не захочет – ее дело.

– Позвони ей, конечно. Если что, машину за ней пришлем в аэропорт.

– И еще, если ты не против, я бы хотела пригласить Алексея Андреевича Кисанова. Ведь мы с тобой выпутались из этой истории благодаря ему.

– Гениальная мысль! Прямо сию секунду!

Роберт взял мой мобильный (у него не был записан номер детектива) и нажал на кнопку.

– Алексей Андреевич? Это Роберт Терский. Мы с Таисией хотим пригласить вас с супругой на нашу свадьбу, которая состоится... Записываете?

Диктуя, Роберт обнял меня свободной рукой, притянул к себе. «Обещает прийти», – шепнул он, целуя меня за ушком.

...Кажется, у моей Растрепки теперь будет множество новых сюжетов. Она за последнее время повзрослела, поумнела, набралась опыта. Ей есть о чем рассказать своим почитателям: о душевной боли, о потерях, о страхах и подозрениях – и о любви, которая способна всё победить.

---

notes

СНОСКИ

1

Читайте роман Татьяны Гармаш-Роффе «Шантаж от Версаче».

Подробно об этом читайте в романе Татьяны Гармаш-Роффе «Укрыться в облаках».

Прокси – сервер, выйдя на который можно получить новый ай-пи-адрес. Если некий сайт пользуется множеством прокси, то докопаться до его истинного сетевого адреса невозможно. Это похоже на лабиринт, состоящий из зеркал.

Валюта, изобретенная в интернете. Поначалу была условной и использовалась для расчетов в онлайн-играх между игроками. В данный момент стала реальной и дорого торгуется на биржах.

5

Зарегиться – зарегистрироваться на компьютерном сленге.

Читайте роман Т. Гармаш-Роффе «13 способов ненавидеть».

Читайте роман Т. Гармаш-Роффе «Расколотый мир».

Должность, как и персонаж, являются чистым вымыслом.